

Содержание

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Эмотивные знаки со сниженной тональностью в инвариантном эмотивно-дейктическом поле <i>Исхакова З.З.</i>	3
---	---

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ

Воспоминание о Знамени пресвятой Богородицы <i>Агафонов И.С.</i>	16
Тема конца жизни в договорных грамотах русских князей XIV – XV веков <i>Конявская Е.Л.</i>	23
Концепт памяти в понимании Анри Бергсона и Владимира Набокова <i>Шапиро А.Е.</i>	31
Славянский вопрос в русской поэзии: от Пушкина до Достоевского <i>Шмелева А.В., Ковалева А.Е.</i>	37

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Методика работы с поэтическими произведениями при обучении русскому языку как иностранному <i>Глебова Е.Н.</i>	54
---	----

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПСИХО-, СОЦИО- И ЭТНОЛИНГВИСТИКА

Трансформация научного стиля в условиях меняющейся коммуникационной среды. Особенности современной научной статьи <i>Иваницкая Е.В.</i>	62
Особенности мужской и женской публичной речи на материале речей Г. Коля, Г. Шредера и А. Меркель <i>Киянова К.А.</i>	76
К вопросу о национально-культурной специфике метафор <i>Павлишак Т.А.</i>	86
Код стиля косматеско: методика распознавания смыслов <i>Цыкунов И.В.</i>	91

Эмотивные знаки со сниженной тональностью в инвариантном эмотивно-дейктическом поле

Исхакова З.З.,

доктор филологических наук, профессор кафедры «Лингводидактика и межкультурные коммуникации», факультет «Иностранные языки» ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, *prof_zemfira@hotmail.com*

В статье рассматривается характер размещения эмотивных знаков со сниженной тональностью в пространстве инвариантного культурнообусловленного эмотивно-дейктического поля. Работа выполнена на материале эмотивных женских и мужских франкоязычных и англоязычных текстов IX и XX веков.

Ключевые слова: инвариантное эмотивно-дейктическое поле, вариантное эмотивно-дейктическое поле, эмотивы-образы, эмотивы-символы, эмотивные знаки со сниженной тональностью.

Для цитаты:

Исхакова З.З. Эмотивные знаки со сниженной тональностью в инвариантном эмотивно-дейктическом поле [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2016. Том 3. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n2/Iskhakova.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2016030201

For citation:

Iskhakova Z.Z. Emotive Signs with Lexical Decreased Tone in Invariant Emotive Deictic Field [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru]*, 2016, vol. 3, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n2/Iskhakova.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2016030201

Любая языковая личность знает,
что такое эмоция
[4, с.26].

Данная статья посвящена распределению эмотивных знаков со сниженной тональностью в пространстве инвариантного неконвенционального эмотивно-дейктического поля посредством размещения одноименных знаков в вариантных типах эмотивно-дейктического поля. Объектом исследования является инвариантное эмотивно-дейктическое поле, предметом – эмотивно-дейктические единицы со сниженной тональностью.

Эмотивный дейксис (далее: ЭД) есть часть эмоционального дейксиса, или, иными словами, вербализованный эквивалент эмоционального дейксиса, который представляет собой указание на вербализованные эмоции в письменной речи, ориентированные на личность говорящего. Сводные данные о конвенциональном дейксисе [3] большей частью совпадают с характеристиками дейктических единиц эмотивного происхождения.

Для преодоления возможной нечёткости в дифференциации дейктических единиц конвенциональной и неконвенциональной природы целесообразно использовать триединую знаковую систему языка – знаки-индексы, знаки-символы и знаки-образы, разработанную Ч.С. Пирсом и Ч.У. Моррисом. Данные знаки дешифруются посредством кодифицирующих комбинаций, которые представляют собой устойчивые связи между означающим – письменной фиксацией знака, или формой знака, и означаемым знака – его содержанием. Всё это может выражаться графически как S^1+S^2 , S^1/S^2 и $S^1\approx S^2$, что означает соответственно фактическую смежность между содержанием и формой знака для знаков-индексов, относительную смежность – для знаков-символов и относительное сходство – для знаков-образов. В целом в рамках семиотической лингвистики эмоций код предполагает наличие двух кодирующих элементов S^1 и S^2 и трех возможных кодифицирующих комбинаций /, \approx , + между ними.

Основным инструментом в процессе изучения ЭД выступает эмотивное указательное поле, состоящее из эмотивных лексических единиц, именуемых эмотивами-знаками, или эмотивными указателями. Одним из важных параметров в характере расположения эмотивных указателей в пространстве демонстративного эмотивного поля служит качественный анализ дейктических значений, составляющих суть репрезентантов дейксиса как такового, а именно бинарный принцип дифференциации дейктических значений эмотивных дейктиков на конвенциональные и неконвенциональные, изначальные и неизначальные. При этом все эмотивные указатели имеют интерпретирующие значения в аффективной и коннотативной разновидностях, а также ассоциативно-номинативной разновидности, согласно категоризации эмотивности как в языке, так и речевой реализации. Иными словами, в речевом потоке дейктические значения эмотивов-знаков не теряют свои изначальные языковые интерпретирующие значения, в соответствии со спецификой семантики эмотивно-дейктического значения, направленного на *указание на вербализованные эмоции* говорящего.

Следует пояснить вопрос конвенциональности и неконвенциональности дейктических значений эмотивных единиц в рамках неконвенционального ЭД. Напомним, что «дейксис» в конвенциональном понимании предполагает соотнесение с функцией местоимений, категорией времени и множеством других лексико-грамматических особенностей, которые определяют высказывание в *пространственно-временных* координатах. Что касается сущности термина *неконвенциональность* в свете изучения ЭД, то он соотносится с эмотивным значением, созначением или обозначением, а также усилительной и образной экспрессивностью в семантике вокабулы, которые определяют высказывание в *границах эмоциональной сферы человека говорящего* [2, с. 70- с.99].

Вопрос методологического свойства является краеугольным камнем в ходе проведения семиотического исследования с учетом использования *неконвенциональных инструментов*. В данном исследовании англоязычные и франкоязычные «женские» эмотивные тексты распределяются в соответствии с временным фактором: тексты XIX в. и XX в. При этом периодизация «женского» материала в рамках XX века обусловлена таким экстралингвистическим фактором, как феминистское движение, которое пережило свою первую волну в начале и вторую волну во второй половине XX века. Предполагается, что феминизм должен был непосредственно оказать влияние не только на общую культуру европейского социума, но также и на речевое поведение женщин, поэтому представляется возможным разделение английских «женских» текстов на тексты 20-40-х гг. XX века и на тексты 50-60-х гг. XX века. При этом в протестантской части Европы феминизм получил значительно большее развитие, нежели в южной (католической) части, что позволяет говорить о более поздней периодизации женского франкоязычного материала, в котором тексты делятся, соответственно, на тексты 50-х гг. и тексты 60-70-х гг. XX века.

Специфика социальных явлений обусловила различия и в периодизации «мужской части» эмпирического материала текстов XX века. Логично предположить, что феминизм, повлёкший за собой изменения в женском речевом поведении, не затронул немедленно и в такой же степени мужское речевое поведение.

В англоязычных женских текстах среди обнаруженных единиц со сниженной тональностью необходимо отметить, например, следующие: **blasted bore** (*blasted* – spoken used for emphasizing that you are annoyed with someone or something (разг. выражает раздражение к кому-либо или чему-либо) [12, с.132]; *bore* – someone who talks too much about things that are not very interesting (человек, который много говорит о вещах, не представляющих большого интереса) [12, с.151]): e.g. *Nan: Oh, damn, I had forgotten. Oh, what a blasted bore! I'll ring up and say I'm ill* [13, с.7]; **beastly** (adj. informal old-fashioned unpleasant (неформ. устар. отталкивающий) [13, с. 106]): e.g. *You beastly woman!* [17, с. 262]; **stuff** (informal nonsense (неформаль. ерунда, чепуха) [12, с. 1427]): e.g. *Oh, stuff, Maurice! Cheap-jack stuff. I'm surprised at you!* [16, с.135]; **bastard** (offensive an insulting word for an unpleasant or annoying man (бранное слово, которым называют неприятного человека; зануду) [12, с. 101]): e.g. *What an uncharitable bastard you can be! She was angry enough, disappointed enough, to want shock him* [16, с.134]. Общая особенность вышеперечисленных единиц со сниженной тональностью заключается в том, что эмотивный смысл представляет собой макрокомпонент их семантики. Графически зафиксированное означающее лексем со сниженной тональностью соотносится с означаемым, то есть собственно эмоцией, посредством лингвокультурного семиотического кода, представленного в настоящей работе как – S^1/S^2 , следовательно, данные единицы можно квалифицировать как эмотивы-символы.

Наряду с собственно вульгаризмами в исследуемом материале выявляется некоторое количество зоонимов, например **dog** (offensive someone who is not attractive, especially a woman (оскорбительное слово; неприятный человек, особенно если речь идёт о женщине) [12, с. 409]) в тексте второй половины XX века. В данном случае следует заметить, что в этом же значении “плохой, неприятный человек”, в котором употребляется лексема **dog**, в начале XX века женщиной используется эвфемизм **wretch** (literary a bad person (литерат. плохой человек) [12, с. 1664]): e.g. *“Ah, you wretch!” Mrs. Hilbery exclaimed, “What a wicked old despot you were, in your day! How we all bowed down before you!”* (16, с. 108). Зооморфизмы, будучи использованными по отношению к людям, получают, помимо метафорического, эмоционально-окрашенного, нередко и «обидное значение» [1, с.141], иначе говоря, в таких случаях категории эмотивности и оценочности выступают в тесной взаимосвязи. В частности, в текстах более позднего времени с помощью использованных зоонимов выражается резкая оценка, сопровождающая женскую эмотивность. Так, зооним **goat** (informal (неформаль.) [7, с. 559]) был обнаружен в тексте 50-60-х гг. XX века, **goose** в начале XX века, **beast** в 50-х гг. XX века. По-видимому, это можно связать с изменениями в общественно-исторической жизни. В то же время в текстах XIX века были выявлены такие единицы со сниженной тональностью, как **lad** (informal a boy or a young man (неформаль. молодой человек) [12, с. 795]) и **monkey** (informal (неформаль.) [12, с. 919]): *“You are an impertinent little monkey!” exclaimed Mrs. Linton in surprise* (5, с.115).

Общая особенность зоонимов заключается в том, что эмотивный смысл не является макрокомпонентом значения этих слов, а представляет собой микрокомпонент, то есть выступает в роли компонента эмотивного значения или созначения. В данном случае наблюдается эмоциональное сопровождение логико-предметной номинации, передающее эмоциональное отношение говорящего к объекту в целом или к его определённым признакам; ср.: **beast** 1. mainly literary an animal, especially a dangerous or strange one: a wild beast (литерат. очень опасное и странное животное: дикое животное). 2. informal old-fashioned used for speaking to someone who is behaving badly (неформаль. устар. используется при обращении к человеку, который ведёт себя очень плохо) [12, с. 106]: e.g. *“You little beast!” Kate cried. You did that*

purposely!"[16, с. 139]). Двусторонняя сущность зооморфизмов как эмотивных знаков дешифруется через лингвокультурный семантический код $S^1 \approx S^2$, понимаемый как относительное сходство между означающим S^1 , графической фиксацией знака, и означаемым S^2 , собственно смыслом знака, а значит эмоцией.

Следовательно, в рамках изучения эмотивного дейксиса данные единицы можно квалифицировать как эмотивы-образы. Однако зооморфизмы подобного рода, по-видимому, в большей степени представляют стёртые, или устоявшиеся образы. Жители британских островов, вряд ли, прежде чем использовать в речи подобные вокабулы для транслирования своих эмоций, мысленно представляют образы животных. Таким образом, значение рассматриваемых зооморфизмов, наряду с конкретностью значения, характеризуется в некоторой степени и абстрактностью значения в неконвенциональном понимании, поскольку эмоционально-указательная функция зооморфизмов как эмотивов-образов в большей степени коррелирует с неконвенциональным изначально дейктическим значением, нежели с неконвенциональным изначально недейктическим значением.

Видится, что зооморфизмы с образным компонентом в семантике слова имеют сходные черты с междометиями, выступающими в эмотивном дейксисе как эмотивы-символы. В эмотивном высказывании зооморфизмы, как и междометия, позволяют эксплицитно выразить эмоциональную напряженность говорящего субъекта со знаком минус, при этом воздействие на адресата, как правило, бывает весьма эффективным. Тем не менее, в русле данного исследования зоонимы не могут принадлежать группе эмотивов-символов, согласно дешифрированию двуединой сущности зоонима-указателя посредством кодифицирующих комбинаций в виде относительного сходства между означающим и означаемым в структуре знака ($S^1 \approx S^2$), что всё-таки типично для эмотивов-образов.

Нижеприведённая таблица № 1 представляет частотность использования английскими женщинами эмотивов-символов и эмотивов-образов со сниженной тональностью.

Таблица 1

Использование указательных единиц со сниженной тональностью в англоязычном женском тексте, %

№ п/п	Указательные единицы со сниженной тональностью	XIX в. (абс/%)	20-40-е гг. XX в. (абс/%)	50-60-е гг. XXв. (абс/%)
1.	<i>bastard</i>	-	-	1
2.	<i>beast</i>	-	-	1
3.	<i>beastly</i>	-	-	2
4.	<i>blasted bore</i>	-	-	1
5.	<i>chap</i>	-	-	1
6.	<i>dog</i>	-	-	1
7.	<i>goat</i>	-	-	1
8.	<i>goose</i>	-	1.2	-
9.	<i>horror</i>	-	-	1
10.	<i>lad</i>	0.6	-	-
11.	<i>monkey</i>	0.6	-	-

12.	<i>shut up</i>	-	-	1
13.	<i>stuff</i>	-	-	2
	Всего	*160/**1.2%	82/ 1.2%	99/12%

* Общее количество высказываний в анализируемой выборке текстов.

**За 100% принимается количество высказываний того или иного временного отрезка, а за $x\%$ - количество высказываний с обнаруженным языковым явлением.

Таким образом, диахронический подход к исследованию материала позволяет выявить процесс изменения женского языка в коммуникативном аспекте, а именно явление частого использования слов, ранее употребляемых в основном мужчинами. В XIX веке английская женщина занимала по отношению к мужчине подчинённое положение, она не имела права голоса, что, безусловно, не могло не отражаться на её речевом поведении. Как пишет один из английских лордов: "Women are only children of larger growth... A man of sense only plays with them...he neither tells them about, nor trusts them, with serious matters" (цит. по кн. "An Illustrated History of Britain" [11, с. 116]). Однако с подъёмом феминистского движения, с изменением социальной роли женщины в XX веке соответственно стал меняться и её язык, хотя степень употребительности единиц со сниженной тональностью в женских эмотивных текстах имеет небольшое значение. В основном каждая обнаруженная единица подобного рода колеблется в пределах 0,6 % и 2%.

В «мужской» выборке текстов эмотивы-образы и эмотивы-символы из разряда единиц со сниженной тональностью отличаются наибольшей частотностью употребления в период XX века – 10,8 %. Рассмотрим пример: *You are the greatest actress in the world, darling, but by God you're a bitch* (10, с.287). Словарная дефиниция слова *bitch* (an insulting word for woman (бранное слово по отношению к женщине) [12, с. 127]) позволяет отнести данную единицу к словам-эмотивам со сниженной тональностью, здесь указание на эмотивность кодируется и декодируется посредством относительной смежности, представляемой как S^1/S^2 , между означающим и означаемым рассматриваемого языкового знака.

В мужских высказываниях XIX века частотность использования эмотивов-символов и эмотивов-образов из разряда единиц со сниженной тональностью весьма невысокая – 2,04 %. Рассмотрим пример: *If I ever get the chance you shall pay for that, you young hound* (informal a dog of any type [12, с. 696])! [8, с.130]. Словарное толкование данной лексемы, коррелирующее с образной экспрессивностью, обуславливает её квалификацию как эмотивный образ, так как графическая фиксация знака соотносится с означаемым знака согласно семиотическому коду $S^1 \approx S^2$, который предусматривает относительное сходство между *signans* и *signatum* в двуединной сущности эмотивного указателя. Иными словами, данное средство эмотивности построено на относительном сходстве между тем, что называется – *hound*, и тем, что подразумевается, переосмысливается самим человеком говорящим, а именно чувство-отношение к референту со знаком минус.

Табл. 2 представляет результаты изучения дейктических единиц сниженной лексики как эмотивов-символов и эмотивов-образов в мужских англоязычных высказываниях.

Таблица 2

Использование указательных единиц со сниженной тональностью в англоязычном мужском тексте, %

№ п/п	Указательные единицы со тональностью	XIX в. (абс/%)	XXв. (абс/%)
----------	---	-------------------	-----------------

1.	<i>beastly</i>	-	0.9
2.	<i>bitch</i>	-	0.9
3.	<i>blasted fools</i>	-	0.9
4.	<i>brick</i>	-	0.9
5.	<i>dash it</i>	0.34	-
6.	<i>devil</i>	-	0.9
7.	<i>fagged</i>	-	0.9
8.	<i>hard up</i>	0.34	-
9.	<i>hell</i>	-	0.9
10.	<i>hound</i>	0.34	-
11.	<i>kick the bucket</i>	0.34	-
12.	<i>rascal</i>	0.34	-
13.	<i>rotter</i>	-	0.9
14.	<i>skunk</i>	-	0.9
15.	<i>snip</i>	-	0.9
16.	<i>in a stew</i>	0.34	-
17.	<i>swings and roundabouts</i>	-	0.9
18.	<i>torture</i>	-	0.9
	Всего	292/2.04%	111/10.8%

В целом лингвистический анализ эмотивных указателей из разряда единиц со сниженной тональностью на материале мужских и женских англоязычных текстов выявляет следующие универсалии:

1) наибольшая частотность употребления принадлежит мужским и женским высказываниям XX века (ср.: 2,04% в XIX в. и 10,8% в XXв. в мужских текстах и 1,2 % в XIX в.; 1,2% в 20-40-х гг. XXв. и 12% в 50-60-х гг. XXв. в женских текстах);

2) количественная разница в использовании дейктических единиц со сниженной тональностью в мужских и женских текстах незначительна: 10,8% в мужских текстах и 12% в женских текстах.

Наряду со сходствами, устанавливаются различия в использовании эмотивных «демонстративов» со сниженной тональностью в эмоционально-окрашенной мужской и женской речи:

1. представленные номинации в мужских и женских текстах не совпадают, за исключением *beastly*;
2. «мужские» дейктики со сниженной тональностью отличаются бóльшим разнообразием номинаций по сравнению с «женскими», сравним табл. № 1 и табл. № 2.

3. степень частотности единиц со сниженной тональностью в мужских высказываниях XIX в. несколько выше по сравнению с женскими текстами (сравним: жен. 2,4% и муж. 1,2%); однако в высказываниях XX в. более высокая частотность использования единиц со сниженной тональностью принадлежит «женским» эмотивам-символам и эмотивам-образам по сравнению с «мужскими»: жен. 1,2% в 20-40-х гг. XX в. и 12% в 50-60-х гг. XX в. и муж. 10,8% в XX в.

Следует заметить, что развитие социума оказывает влияние не только на женскую, но и мужскую эмотивную речь; о чём свидетельствуют более высокие показатели использования единиц со сниженной тональностью как эмотивных инструментов в речи англоязычными мужчинами в период XX века по сравнению с XIX веком.

Несмотря на невысокий количественный показатель употребления лексем со сниженной тональностью в высказываниях *homo sentiens* (эмоционального мужчины) и *femina sentiens* (эмоциональной женщины) в XIX веке, видится, что «демонстративы» такого типа имеют большой потенциал для расположения в центре вариантного указательного эмотивного поля эмоционального мужчины и эмоциональной женщины. Это обусловлено качеством семантики данных аффективных эмотивов-символов, коррелирующих с усилительной экспрессивностью в соответствии с их изначально дейктическими и недейктическими значениями. Что касается эмотивных единиц со сниженной тональностью коннотативной природы, например зоонимов, то важно подчеркнуть, что образная сущность данных эгоцентриков имеет стёртую «окраску», их номинативно-интерпретирующие значения проявляются не столь выражено в пользу неконвенционально-дейктического значения как абстрактного значения.

Итак, сопоставительный анализ языкового материала свидетельствует о высокой степени внутриязыковой эквивалентности в том, что касается характера размещения единиц со сниженной тональностью как эмотивов-образов и эмотивов-символов в пространстве эмотивного демонстративного поля *homo sentiens* и *femina sentiens* в английском языке. Все это должно найти отражение в процессе структурирования инвариантного указательного эмотивного поля.

Исследование женского эмотивного речевого поведения во французском языке позволяет обнаружить некоторые особенности женского франкоязычного эмотивного текста, присущие тому или иному временному отрезку. Следует заметить, что выявляется одинаковая тенденция как в английской женской языковой картине мира, так и во французской: это своего рода раскрепощённость, которая непосредственно проявляется в женской письменной речи XX века.

Так, обнаружены следующие дейктические единицы со сниженной тональностью во франкоязычном тексте *femina sentiens*: *coco*; *garce*; *gars*; *gosse*; *idiot*; *mufle*; *pie*; *salaud*; *taré*; *ton idiot*, *ton dégénéré*. Из числа приведённых единиц собственно максимально грубыми являются только *salaud* (Homme méprisable, moralement répugnant (омерзительный человек) [9]); *taré* (Défaut héréditaire, plus ou moins grave, d'ordre physique ou psychique (тяжелая степень физических или психических отклонений, передающихся по наследству) [9]); *garce* (Fille de mauvaise vie (девица, которая ведёт непристойный образ жизни) [9]). Эмотивный компонент значения этих лексических единиц расположен непосредственно в денотативно-сигнификативной части семантики слова, он представляет собой макрокомпонент значения лексической единицы. Эмоциональность данных вульгаризмов выявляется даже вне контекста, что не оставляет никакого сомнения в отношении рассмотрения их в качестве одного из основных эксплицитных средств вербализации эмоциональности. При этом упорядоченная связь, квалифицируемая как относительная смежность между означающим и означаемым знака, обуславливает высокую степень указательности данных эмотивных единиц как эмотивных символов.

Откровенная грубость подобной лексики в женском тексте во французском языке впечатляет больше в сравнении с данными англоязычных текстов, где в большинстве случаев представлены единицы разговорного плана, не относящиеся к бранной лексике и помеченные в словаре как «неформаль.» или «разг.». Исключения представляют слова *goat* (an insulting word for an old man, especially one who shows a great sexual interest in women (оскорбительное слово, которым называют пожилого человека, особенно того, кто обладает выраженным сексуальным интересом к женщинам) [12]), а также *bastard* и *dog*.

Как англоязычный женский дискурс, так и франкоязычный характеризуются одинаковой особенностью, которая заключается в том, что единицы со сниженной тональностью могут представлять зоонимы как эмотивы-образы: напр. *pie*. Эмоциональный компонент данных единиц имеет иронический, презрительный и оценочный характер. Напомним лишь, что зоонимы выполняют роль эксплицитных средств вербализации эмоциональности, поскольку они обладают эмотивным сознанием, непосредственно закреплённым в словаре и отражённым в словарном толковании. Рассмотрим пример: *pie* 1) Oiseau (corvidés) à plumage noir et blanc, ou bleu et blanc, à longue queue 2) loc. fam. Être bavard, bavarde comme une pie (borgne) (1) птица с длинными черными и белыми или голубыми и белыми перьями... 2) фамильяр. быть болтливым, болтливым как сорока) [9]. Такая словарная дефиниция позволяет квалифицировать подобную единицу как коннотатив. При этом двусторонняя сущность зоонимов зиждется на лингвокультурном семиотическом семантическом коде $S^1 \approx S^2$, который предполагает относительное сходство между *signans* и *signatum* в языковом знаке. Ниже представлены примеры использования в женских высказываниях единиц со сниженной тональностью, как собственно аффективов, так и коннотативов, выступающих в роли эмотивов-символов и эмотивов-образов, соответственно:

(1) *Non! cria Marie. 'Et puis tu vas rendre à Dédé ses billes. Tu les lui as encore volées! Une pie, voilà ce que tu es, une pie voleuse, il te faut tout ce qui brille, je t'ai vue, de mes yeux vue, enterrer mon petit flacon d'eau de cologne! Et de rubaut de Francine, c'est toi qui le lui a pris, c'est sûr! Une pie! Une pie!* [15, c.6]; (2) *Comment le salaud? Grâce à lui, ta sœur va être heureuse!* [6, c.235]. (3) *C'est idiot! Ce n'est pas parce qu'on est écrivain, qu'on ne doit pas prendre sa température...* [6, c. 196];

Приведённые отрывки текстов из художественных произведений французских писательниц иллюстрируют возможности использования единиц со сниженной тональностью (в целях воздействия на читателя) как знаков, указывающих на эмоциональность говорящего субъекта в высказывании, что само по себе подчёркивает некоторую независимость и свободу женщины в речевом поведении.

Корпус подобных дейктических единиц невелик, что коррелирует с их малой частотностью в использовании женщинами во французском эмотивном тексте, и здесь нет заметной разницы с англоязычными текстами, хотя степень встречаемости единиц со сниженной тональностью как эмотивных знаков в высказываниях второй половины XX века явно выше в английской письменной речи по сравнению с французской, ср.: франц. 4% (60-70-е гг. XX в.) и англ. 12 % (50-60-е гг. XX в.). Однако очевидна выраженная грубость ненормативной женской лексики во французском языке, что, по-видимому, связано с транслированием кодом культуры в женской речевой реализации большей раскрепощённости и независимости француженки в социуме по сравнению с английской женщиной.

Развёрнутая таблица № 3 с дейктическими единицами со сниженной тональностью на базе французского языка представляет результаты проведённого исследования.

Таблица 3

Использование указательных единиц со сниженной тональностью во франкоязычном женском тексте, %

№ п/п	Указательные единицы со сниженной тональностью	XIX в.	50-е гг. XX в. (абс/%)	60-70-гг. XX в. (абс/%)
1.	<i>coco</i>	-	-	0.8
2.	<i>garce</i>	-	-	0.3
3.	<i>gars</i>	1.6	-	-
4.	<i>gosse</i>	-	-	0.6
5.	<i>idiot</i>	-	-	1.13
6.	<i>mufle</i>	-	-	0.3
7.	<i>pie</i>	-	4.5	-
8.	<i>salaud</i>	-	-	0.3
9.	<i>taré</i>	-	-	0.3
10.	<i>ton idiot, ton dégénéré</i>	-	-	0.3
	Всего	62/1.6 %	22/4.5 %	354/4%

Мужские франкоязычные высказывания не характеризуются высокой частотностью использования эмотивов-образов и эмотивов-символов со сниженной тональностью. Хочется отметить «пристрастие» французских мужчин к использованию лексем с присутствующими в них семантиками 'черт возьми' или 'черт побери' Рассмотрим высказывание XX века: *La saine, la forte, la libre nature humaine, voilà la seule vertu: au diable tout le reste!* [14, с.327]. Словарное толкование *au diable* в словаре Le Petit Robert с представленным в нём примером убеждают в правомерности квалификации данной единицы как эмотивной вокабулы со сниженной тональностью: Exclamation qui marque la surprise, l'étonnement admiratif ou indigné (восклицание, выражающее неожиданность, удивление или возмущение). «*Que diable allait-il faire dans cette galère?*» (Molière) [9]. Лингвокультурный семиотический код, который дешифрует связь между означающим и означаемым данного знака со сниженной тональностью, есть относительная смежность между signans и signatum в двуединой сущности знака, что позволяет квалифицировать данную единицу как эмотив-символ.

В целом эмоциональное состояние французских мужчин транслируется, как правило, дейктическими единицами со сниженной тональностью, выступающих в качестве эмотивов-символов в пространстве неконвенционального эмотивного указательного поля.

Таблица, представленная ниже, содержит результаты изучения франкоязычных эмотивных высказываний homo sentiens с присутствующими в них эмотивными знаками со сниженной тональностью.

Таблица 4

Использование указательных единиц со сниженной тональностью во франкоязычном мужском тексте, %

№ п/п	Указательные единицы со сниженной тональностью	XIX в. (абс/%)	XX в. (абс/%)
1.	<i>Va au diable</i>	2.4	1
2.	<i>Au diable tout le reste</i>	1.6	1
3.	<i>C'est un farceur</i>	0.8	-
4.	<i>Sacrées femelles</i>	0.8	-
5.	<i>sot</i>	1.6	-
	Всего	120/7.2%	100/2%

В целом сопоставительный анализ франкоязычных эмотивных высказываний homo sentiens и femina sentiens выявляет как сходства, так и различия в использовании эмотивных знаков со сниженной тональностью. Необходимо отметить следующие универсалии в использовании «демонстративов» со сниженной тональностью французскими homo sentiens и femina sentiens:

1) эмотивные высказывания французских homo sentiens и femina sentiens характеризуются небольшой частотностью употребления эмотивных знаков со сниженной тональностью (см. таблицы № 3 и № 4);

2) разница между количественными показателями употребления эмотивных дейктиков со сниженной тональностью в мужских и женских высказываниях XIX и XX в.в. несущественна (см. таблицы № 3 и № 4).

Что касается различий в употреблении эмотивных эгоцентриков со сниженной тональностью французскими homo sentiens и femina sentiens, то здесь важно отметить следующее:

1) эмотивные высказывания homo sentiens и femina sentiens характеризуются различием номинаций: например *ton idiot, ton dégénéré* в женском франкоязычном дискурсе и *Sacrées femelles* в мужском франкоязычном тексте.

2) франкоязычные тексты homo sentiens характеризуются большей степенью употребительности дейктических единиц с изначально номинативно-интерпретирующими значениями и неконвенционально-дейктическими значениями со сниженной тональностью в XIX веке, в то время как во франкоязычных эмотивных высказываниях femina sentiens наибольшая степень употребления данных эгоцентриков выявляется в XX веке.

Следовательно, изучение вариантных разновидностей франкоязычного поля homo sentiens и femina sentiens с точки зрения эмотивных знаков со сниженной тональностью убеждает в высокой степени внутриязыковой эквивалентности, что обуславливает возможность построения инвариантного неконвенционального эмотивно-дейктического поля как эпистемиологической универсалии в лингвистике эмоций.

В заключении хочется подчеркнуть, что полученные результаты, с одной стороны, расширяют методологический инструментарий семиотической лингвистики эмоций, а с другой стороны, развивают и уточняют основные положения общей современной семиотики, направленной на увеличение разновидностей знаковых систем и развитие типологии знаков, усложнение формы и содержания знаков.

Литература

1. *Арнольд И.В.* Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования): Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.». 3-е изд. М.: Просвещение, 1990. 300 с.
2. *Исхакова З.З.* Эмотивно-дейктическая константа в семиосфере: монография. М.: Флинта: Наука, 2014. 352 с.
3. *Сребрянская Н.А.* Дейксис и его проекции в художественном тексте. Воронеж: Воронежский государственный пед. университет, 2005. 259 с.
4. *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций: Монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
5. *Brontë E.* Wuthering Heights. Foreign Languages House. Moscow, 1963. 367 p.
6. *Dorin F.* Le Tube // Comedies. Moscou: Éditions “Radouga”, 1986. pp. 171-259.
7. ELC 1992 – Longman. Dictionary of English Language and Culture. Longman Group UK Limited, 1992. 1555 p.
8. *Haggard R.* King Solomon’s Mines. Progress Publishers. Moscow, 1972. 224 p.
9. Le Petit Robert. Dictionnaire de la langue française. Version 2.2. CD-ROM. 60,000 words (with audible pronunciation).
10. *Maugham S.* Theatre. М.: «Менеджер», 1997. 304 с.
11. *McDowall D.* An Illustrated History of Britain. Longman Group UK Limited, 1997. 188 p.
12. MED 2002 – Macmillan. English Dictionary for Advanced learners. Macmillan Publishers Limited, 2002. 1692 p.
13. *Murdoch I.* The Sandcastle. Ленинград: «Просвещение». Ленинградское отделение, 1975. 216 с.
14. *Rolland R.* Jean-Christophe. М., 1957. 452 с.
15. *Triolet E.* Roses à Crédit. Moscou: Vysšaja škola, 1979. 128 p.
16. *Johnson P.* The Humbler Creation. Penguin Books, 1961. 321 p.
17. *Woolf V.* Night and Day. Penguin Books, 1976. 478 p.

Emotive Signs with Lexical Decreased Tone in Invariant Emotive Deictic Field

Iskhakova Z.Z.,

Doctor in Philology, Professor, Department of Linguodidactics and Intercultural Communication, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
prof_zemfira@hotmail.com

The article is devoted to location of emotive signs with lexical decreased tone in the sphere of invariant cultural emotive-deictic field. The paper is done on the basis of emotive women's and men's French and English texts of the IX-XX centuries.

Key Words: invariant emotive deictic field, variant emotive deictic field, emotive images, emotive symbols, emotive signs with lexical decreased tone.

References

1. Arnol'd I.V. Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka: (Stilistika dekodirovaniya): Ucheb. posobie dlya studentov ped. in-tov po spets. «Inostr. yaz.». 3-e izd. M.: Prosveshchenie, 1990. 300 p.
2. Iskhakova Z.Z. Emotivno-deykticheskaya konstanta v semiosfere: monografiya. M.: Flinta: Nauka, 2014. 352 p.
3. Srebryanskaya N.A. Deyksis i ego proektsii v khudozhestvennom tekste. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy ped. universitet, 2005. 259 p.
4. Shakhovskiy V.I. Lingvisticheskaya teoriya emotsiy: Monografiya. M.: Gnozis, 2008. 416 p.
5. Bronte E. Wuthering Heights. Foreign Languages House. Moscow, 1963. 367 p.
6. Dorin F. Le Tube // Comedies. Moscou: Éditions "Radouga", 1986. pp. 171-259.
7. ELC 1992 – Longman. Dictionary of English Language and Culture. Longman Group UK Limited, 1992. 1555 p.
8. Haggard R. King Solomon's Mines. Progress Publishers. Moscow, 1972. 224 p.
9. Le Petit Robert. Dictionnaire de la langue française. Version 2.2. CD-ROM. 60,000 words (with audible pronunciation).
10. Maugham S. Theatre. M.: «Menedzher», 1997. 304 p.
11. McDowall D. An Illustrated History of Britain. Longman Group UK Limited, 1997. 188 p.
12. MED 2002 – Macmillan. English Dictionary for Advanced learners. Macmillan Publishers Limited, 2002. 1692 p.

Исхакова З.З.

Эмотивные знаки со сниженной тональностью в
инвариантном эмотивно-дейктическом поле

Язык и текст langpsy.ru

2016. Том 3. № 2. С. 3–15.

doi: 10.17759/langt.2016030201

Iskhakova Z.Z.

Emotive Signs with Lexical Decreased Tone
in Invariant Emotive Deictic Field

Language and Text langpsy.ru

2016, vol. 3, no. 2, pp. 3–15.

doi: 10.17759/langt.2016030201

13. Murdoch I. The Sandcastle. Leningrad: «Prosveshchenie». Leningradskoe otделение, 1975. 216 p.
14. Rolland R. Jean-Christophe. М., 1957. 452 p.
15. Triolet E. Roses à Crédit. Moscou:Vysšaja škola, 1979. 128 p.
16. Johnson P. The Humbler Creation. Penguin Books, 1961. 321 p.
17. Woolf V. Night and Day. Penguin Books, 1976. 478 p.

Воспоминание о Знамени пресвятой Богородицы

Агафонов И.С.,

аспирант, кафедра всеобщей истории Университета Российской Академии образования, Москва, Россия, trolovfen@gmail.com

Представляется первую публикацию одного из списков неизданного памятника так называемого Знаменского цикла, известного в литературе как «Воспоминание о Знамени Пресвятой Богородицы». Во вступительной статье дан краткий обзор истории становление Знаменского цикла, очерчены проблемы изучения издаваемого памятника и предпринята попытка оценить принятую Л. А. Дмитриевым атрибуцию «Воспоминания» агиографу Пахомию Логофету.

Ключевые слова: Новгород, Знаменский цикл, Пахомий Логофет, литература XV в.

Для цитаты:

Агафонов И.С. Воспоминание о Знамени пресвятой Богородицы [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2016. Том 3. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n2/Agafonov.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2016030202

For citation:

Agafonov I.S. Recollection about the Sign of The Most Holy Mother Of God [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [Language and Text langpsy.ru], 2016, vol. 3, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n2/Agafonov.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2016030202

В ходе междуусобной войны монашачей, в феврале 1170 г. Андреем Боголюбским был организован военный поход на Новгород. Суздальское войско во главе с сыном Андрея Мстиславом, которого поддержали и другие русские князья (в первую очередь, смоленские Ростиславичи), подошло к стенам Новгорода. После трехдневной осады, во время которой, вероятно, велись переговоры, 25 февраля войска пошли на приступ. Новгородцы, ведомые князем Романом Мстиславичем, посадником Якуном и архиепископом Илией, отразили это нападение столь успешно, что союзники, по словам летописца, «одва дома своя яша»¹, а пленных взяли столько, что новгородская летопись отдельно упоминает: «купляху Суждальць по 2 ногатъ»².

Такая значительная победа не могла остаться незамеченной. Вокруг нее складывается легенда, которая, по всей видимости, в новгородском летописании уже XIV в. заменяет собой лаконичное сообщение Новгородской первой летописи³. Согласно этой легенде, когда войска противника подошли к стенам Новгорода, архиепископ новгородский Иоанн⁴ вынес икону

¹ ПСРЛ. Л., 1928. Т. 1. Стб. 361.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Л., 1950. С. 33.

³ См.: [1, 2]

⁴ Илией архиепископ назван только в Новгородской первой летописи. Более поздние источники знают его только под схимническим именем Иоанн, которое он принял незадолго до смерти [6]. Исключения составляют только те списки, которые испытывали вторичное влияние Новгородской первой летописи.

Знамение Пресвятой Богородицы на городские забрала. Нападавшие начали обстреливать стены города, икона отвернула от них свой лик и их поразила тьма. Новгородцы вышли из города и без труда разбили превосходящие силы противника.

Самые ранние рефлекссы этой легендарной версии появляются в Рогожском летописце, Новгородской Большаковской летописи и ряде других, имеющих среди источников общий протограф – Краткий Новгородский летописец, датируемый Е. Л. Конявской не позднее середины XIV в. [4, 5].

Так начинает складываться комплекс письменных источников, получивший в научной литературе название Знаменского цикла. Расцвет этого цикла наступил в начале XV в., благодаря деятельности новгородского архиепископа Евфимия II, всячески поддерживавшего антимосковские настроения новгородцев и развернувшего целую кампанию по развитию почитания местных святых. С его именем связаны два ключевых момента для развития Знаменского цикла: найдены мощи архиепископа Иоанна и приглашен в Новгород знаменитый агиограф Пахомий Логофет.

Пахомием было переработано житие Иоанна Новгородского, написаны стихиры к службе Знамению, а, вероятно, и создана сама служба. Им и «Слово похвальное Знамению Пресвятой Богородицы», изданное еще в XIX в. В. М. Яблонским. По результатам текстологического сопоставления с этим памятником «Воспоминания о Знамени», еще одного нелетописного памятника Знаменского цикла, Л. А. Дмитриев предположил, что и последнее принадлежит перу афонского агиографа [3, с. 125.].

«Воспоминание» более дидактично, чем все прочие редакции Сказания⁵, кроме, разве что, «Слова похального Знамению пресвятой Богородицы». При том оно более пространно, дает различные подробности, которые были актуальны для середины XV века: сказано, что Новгород «самовластен», «никем не обладаем» и имеет призванных из других земель князей, составитель редакции уточняет, что Двинские земли были в зависимости от Новгорода (суть конфликта раскрыта в том ключе, что двиняне «от власти града того ...отметнувшись, но вдашася князю Андрею»). В этом памятнике уже говорится, что икона исцеления приносит с верою приходящим, архиепископ Иоанна уже называется «святешим», подчеркивается, что он установил празднование иконе, которое осуществляется **даже и до сего дни**.

По всей видимости, текст предназначался для читателя за пределами Новгорода, которому нужно было разъяснять многие реалии и исторические подробности, касающиеся Новгорода, при этом формировать представление о Новгороде в определенном направлении, пропагандировать чудотворную икону.

Куда шире, чем в предыдущих текстах цикла, представлены в «Воспоминании» аллюзии на библейские мотивы, византийские параллели.

Л. А. Дмитриев отмечал, что «Воспоминание», в совокупности текстов, представлено в двух видах: кратким и полным [3, с. 119]. Полный вид, в свою очередь, обнаруживает два варианта: более и менее пространный, обозначаемые (вслед за Л. А. Дмитриевым) соответственно А и А1. При том, как верно отмечено ученым, все добавления в А, относительно А1 обнаруживают текстологические параллели в «Слове», что дает основания полагать вариант А1 более архаичным, а вариант А результатом более позднего сличения «Воспоминания» и «Слова», в ходе которого в вариант А1 были внесены дополнения.

⁵ В литературной традиции этот сюжет именуется «Сказанием о битве новгородцев с суздальцами». Л. А. Дмитриев наряду с этим названием употребляет «Сказание о знамени» [3, с. 111] или для краткости называет просто Сказанием. Поскольку работа этого ученого является наиболее значимой для разработки Знаменского цикла, я заимствую терминологию Л. А. Дмитриева.

Приведенный Л. А. Дмитриевым список различий А и А1 наглядно это показывает [3, с. 118-119]:

1. «Новгородци же совещавшися и данника по обычаю на предреченную двину послаша, Данислава Лазутиничя, и с ним от пяти концов по сто муж». Имени данника А1 не содержит. А и «Слово» - содержат.

2. А упоминает ярославцев и содержит формулу о всей русской земле: «И торопчане, ярославци, и переславци, и ростовци со всеми князьми их, и вся земля Руская». Выделенного текста в А1 нет.

3. А определяет время сбора союзников у стен Новгорода: «И пришедшее суздальцы к Новугороду со всею силою на Збор, и стояша под городом три дни». А1 не содержит выделенных мест.

4. А называет кондак, исполненный архиепископом перед образом: «И яко же сконча молитву, начаша пети молебн, и по шестой песни поюще кондак “Заступнице христианом непостыднаа”». В А1 выделенного текста нет.

5. В А сообщает о вынесении образа на городские стены: «Видиши бо, владычице, нещадного их стремления на смиренное твое стадо. Сия же рек, и несоша икону на острог, идеже ныне есть монастырь святыя Богородица на Десятине». В А1 выделенного текста нет.

6. А наследует из «Слова» риторическое рассуждение о слезах от иконы: «О, великое страшное чудо! Како се можаше быти от суха древа? Не слезы бо суть, но являют знамение своеа милости. Сим бо образом молится святая Богородица Сыну своему, Богу нашему за град наш – не дати в потребление супротивным. Тогда Господь Бог наш умилиосердися на град наш молитвами святыя Богородица». В А1 этого текста нет.

7. А1 дает сокращенную экзегезу о тьме, поразившей нападавших: «яко же иногда Египет». Вариант А более полно раскрывает этот мотив: «яко же бысть при Моисеи, егда бо Господь проведе жидов сквозе Черьмное море, а фараона погрузи. Тако и на сих наведе трепет и ужас, и ослепша вси».

Вариант А1 не обнаруживает некоторые подробности, традиционно включаемые в сюжет, поскольку происходят из ранних, летописных редакций. Они остаются автору неизвестны (либо им игнорируются). Так, данник Даныслав Лазутинич не назван по имени; не определено место установления иконы (близ Десятинного монастыря). Не указана дата прихода войск – «на Сбор», которое читается в Новгородской первой летописи и в более поздних летописных рассказах. Не определено время, когда войска пошли на приступ, не указана дата битвы. Характерно и то, что формула «вся земля Руская» – как характеристика состава войск – также опущена (либо отсутствовала в источнике Пахомия)⁶. В варианте А все эти подробности, судя по их форме, были восстановлены по тексту «Слова», как и было указано Л. А. Дмитриевым. Сличение двух редакций могло быть проведено как самим Пахомием, так и каким-то более поздним справщиком.

Все эти текстологические факты наводят на мысль, что составитель «Воспоминания» варианта А1 пользовался или какими-то ранними прологами, или устным воспроизведением легенды, не будучи знаком с летописным материалом. Во всяком случае, эта редакция выглядит сторонней по отношению к новгородской летописной традиции Знаменского цикла.

⁶ Состав войск - как он дан в летописях и нарративах - не позволяет делать каких-либо выводов, поскольку он в принципе не устойчив. Формула же «вся земля Руская» присутствует абсолютно везде, даже в Устюжской летописи.

К настоящему времени «Воспоминание о Знамени» не издано, что весьма осложняет работу исследователей. Л. А. Дмитриевым было выявлено 28 списков памятника, из них 10 списков – А1 [3, с. 282-283]. Работа по разысканию новых списков должна быть продолжена. В данный момент представляется целесообразным опубликовать один из исправных списков этого вида памятника: рукописи РГБ. Ф. 304. I. № 501. (Миняя служебная ноябрьская, XVI – нач. XVII вв.) Л. 396 об. – 401 об.

Воспоминание Знамени бывшаго иконою Пречистыя Владычица наша

Богородица

[Л. 396 об.] Мѣца тогѡж . кѡзѣ . въспоминаніе знаменіа бывшаго иконою . прѣчѣтыа влѣца нашеа Бѣца . в' великом Новѣградѣ . аще бо и въсхвалишася . въ еже низложити но силою твоею изнемогша влѣце . Бѣ оубо знаменіе се дивное и преславное . иконою прѣчѣтыа влѣце нашеа Бѣца . житіе проходашимъ чѣкомъ великого Новаграда, самовластно . и никым же ѡбладаеми . нѣ іако же выше рехом . владаше ѡвластію своею . іако же и лѣпо вѣ . и князѡмъ имѣю | [Л. 397] ще ѡиныхъ странъ призванаго . въ ѡтмщеніе съпротивнымъ . вѣ же тогѡ оубо ни хъ князь Романъ Мьстиславичъ . вноукѣ Ижеславль . в' то же время . єдина ѡвласти града того, двина глѣмаа . ѡметнѣвшеса оубо ѡобычнѡ дань даіати Новѣградѣ . но предавшеса князю Андрѣю сѣздальскомѣ . новгородци же съвѣщавшеса . данника по ѡобычаю на прѣреченнѡ двинѣ послаша . и с нимъ ѡпати коньцевъ по стѣ мѣжъ . слышавъ же князь Андрѣи ѡжесточиса . тѣм же пославъ . на нихъ тысящѣ . и пѣ сотѣ ратныхъ избранныхъ . и начаше прѣимати ихъ на белѣзерѣ . и съставшимса полкѣ ратномѣ . и начаша битиса . | [Л. 397 об.] и многѣ сѣчю сѣтворшю . и поразиша ѡстриемъ меча . полка Андрѣева . ѡ . ратниковъ . инѣи же ранами оубо язвлени вѣжаше . новаго же града паде іако . єи . моуж . и тогѡ той прѣреченный князь разгнѣвася . и на іарость болми подвижеса . и събравъ вой ѡразличныхъ странъ . хотѣ ити на великѣи Новѣградѣ . но вѣимъ попущеніемъ . внезапно болѣзни на нь наскочивши . и никако же преста . нѣ вѣ и еще гнѣвомъ дыхаа . и посла сна своѣго Романа . съ своєю силою сѣздальскою . и с нимъ князь Мьстиславъ . съ смолянѣи оубо . и разанци . съ своими князи . и мѣромци . и полочанѣи . и ростовъци . и си вси при | [Л. 398] идоша на свою бѣгѡпѣстнѡ погибель . іако быти иже тогѡ вѣимъ грехомъ . искѣшенныхъ князей . ѡв . Новаго же града чѣци . слышавше силѣ великѣ гнѣвѣи оубо в' скорѣвѣ величѣ . и недооумѣнѣи . ни ѡкъдѣ же помощи надѣюшеся . токмо всю надежѣ на Ба . и на прѣчѣтѣю єго Бѣгѡмѣтрѣ възложивше . и заврала ѡколо гра сѣтворше . и пришѣше сѣздаацѣ съ всею силою . и сташе по градомъ . Г . дни . въ на нихъ . вѣхо мѣ лигатѣра . третѣю же ноцѣ . иже тогѡ стѣвишомъ архієпѣпѣ Іѡаннѣ . стоащѣ молащѣса съ слезами . чтномѣ вѣраговъ Га нашего Іс Ха . ѡ избавленіи нашѣшаго прѣценіа на гра . и тако ємоу молащѣса . слыша гла глѡщѣ . иди въ цѣркѣвѣ Га нашего | [Л. 398 об.] Іс Ха . иже на Илинѣи оуболицѣ . тако бо ницаѣтса . и вземъ иже тамо ѡвразъ прѣсѣтыа Бѣца . и възнеси на заврала градѣ . противѣ спѣстатѣ . и авіє оубо зрѣши спѣсеніє градѣ . чудный же той архієпѣпѣ . іако оубо слыша . неізреченнѡ радости исполниса . и вѣ оубо момъ дивася . и тако всю ноцѣ безъ сна прѣвѣи . оубо трѣ же бывшѣ . авіє съзва весь соборѣ . и повѣда имъ бывшии гла к немѣ . народи же іако оубо слышаше прославиша Ба . и съ гласомъ іако же нѣкъѡ силѣ възпріємъши дрѣзѡахѣ . Іѡаннѣ же посла прѣтодѣакѡна своѣго . с клиросомъ прѣмѣдрѡсти вѣимъ . повелѣвъ имъ чѣтнѡ ѡнѣ иконѣ принести на свѡрѣ . и пришѣше посланникѣ | [Л. 399] въ цѣркѣвѣ . иде же чѣѡтворнаа ѡна икона вѣ . и поклоншеса іако же лѣпо вѣ . и іако же хотѣхѣ взатѣ ю . и никако же възмогѡша и пришѣше възвестѣиша архієпѣпѣкѡмъ бывшѣ . сѣа же слышавъ архієпѣпѣ . иде съ тѣцаніемъ съ вѣемъ соборомъ . и іако же прииде въ цѣркѣвѣ . па на колѣнѣхъ своѣмъ прѣ ѡвразомъ влѣца нашеа Бѣца . молашеса гла . ѡ прѣмѣтѣива єси гѣже двѡ Бѣце . ты єси оубо пованіє и надежѣ . и застѣпѣница граѣ нашѣмѣ . стѣвна же и покровѣ . и привѣжище вѣемъ хрѣтіаномъ . тѣм же и мы грѣшнѣи на

та надѣмса . молиса Гже Снѣ своемѣ и Бѡу нашемѣ за гра нашъ . и не предаи же насъ врагомѣ нашимѣ . грѣх ради на | [Л. 399 об.] шихъ . но оуслыши плачь и въздыханіе людїи своихъ . и пощади . іако же инога ниневитане . Снѣ твои покаанїа ра пощади . такоже и зѣ покажи матѣ твою влѣще . и іако же сконча мѣтвѣ . начаше пѣти молебень . и абїе видѣ чѣннѡю иконѣ ѡнѣ ѡ себѣ повнѣгшѣса . народи же видѣвшѣ неизрѣченное чудо . абїе ничтоже ино ѡ похвалѣ мѣгѣще принести . токмо едином глѣсомѣ зваахѣ . Гї помилѡи . архїепѣпѣ же Іѡанѣ . прїемѣ честнѡю ѡнѣ и аггломѣ говѣннѡю иконоу . любезно и с прочимѣ народомѣ ѡблѡвызаахѣ . и дастѣ ю двѣма діаконѡма . сам же послѣдоваше с прочимѣ народомѣ . молебнѡмъ сѣврѣшающїи . ви | [Л. 400] дѣвшѣ же противнѣх іако же звѣри на на оустремляющїхса оумилнены гла с плачем испѣцаахѣ глѡще . вижь двѡ Бгородителнице . смиренїе наше . и не ѡрини моленїа нашего вконецѣ . но оумилосердїса на стадо твое пречѣта . видиши бо влѣще нещаднаго ихѣ стремленїа . на смиренное ти стадо . ратный же ѡни надѣющесѣ на множество силы своеѣ . іако же и гордый ѡнѣ Голїадѣ зра кроткого Дѡда юностїю ѡблѡжена . и не рассѡди вжѣтвеннѡю силоу . нѣ ѡбаче самѣ повѣженѣ бѣ . нежелїи повѣди . такоже и си на се надежѡу взложѣше . а не на Ба . оулицїи же по жребїи расчитаахѣ . что которомѣ | [Л. 400 об.] тѣхъ князїен вѣдетѣ . и тако свещавшемъ имѣ . но что речемъ к нимѣ . иже сѣбѣ совецаете потворитѣ ѡ Гѣ . и слово аще възглетѣ не имѣ пребывати в ва . мы же страха вашего не имѣмъ оубоїатїса . іако с нами Бѣ . пристѡупившиж рече шестомѣ часѣ . болѣми начаша ратовати . и пѣстївшѣ стрѣл неизѣчетное множество . іако же дожь мнѡндѡшь вѣ гра . чѣннѡїа же ѡна икона . ѡвращашїса ѡ нихъ ѡбразомъ . и абїе на гра ѡвратїса . не токмо ѡбразомѣ . но и мѣрдїемѣ . видѣ же архїепѣпѣ слезы ѡ иконы іако нѣкыи едемскыи источникѣ . и прїатѣ фелонѣ свой . по семъ же рече . разгнѣвасѣ Гѣ на спроти | [Л. 401] вныхъ . и бѣораннѡми іазвами приразишасѣ . сѣцимъ тѣмамѣ многѡмъ . покры же ихѣ рече тѣма . іако же инога Ѣгїпетѣ . и дрѡу дрѡга іако спротивна зраще . ѡрѣжемъ немѣтївно себе оуїазвлахѣ . по семъ дастѣ Бѣ . повѣдѣ днѣннѡю сѣцимѣ вѣ градѣ безѣ ѡрѣжїа и безъ брани . богѣствомъ же и плѣномѣ довольно исполнѣвшїмса . видѣвшѣ бо рече народы града того . ратныхъ дрѡу дрѡга сѣкѡщихъ . и исшѣше изъ града . ѡвѣхъ изѣнїша . иныхъ же живѣхъ изымаша . Іѡанѣ же стѣвїши архїепѣпѣ . сѣтворнѣвѣ той днѣ празнїикѣ свѣтелѣ глѣ . сѣ днѣ изѣбавленїа . и сицевѣя ра вїны оуставнїша празновати . зна | [Л. 401 об.] менїе прѣчтѣя влѣцѣа нашеѣ Бѣца и прїѡ двѣ Мрїа . иже и празноуїю даже и до сѣго днї . имѣюще все вѣ іако нѣкѣю црѣкоуїю оутварѣ . исцѣленїа вѣроу приходащїмъ источѣмъ . еїа же мѣтвѣми Хѣ истиннѡ радости Хѣ . сохрѣннѡїа гра нашѣ ѡ глада гоубительства . трѣса и потопа . и нашѣствїа иноплемннїкѣ . и всѣкоѣ иноѣ сѣспротивнѣя вѣци . и црѣтѣїа нѣнѣаго сподѡвї . іако двннѣ прославлѣемъ велїко имѣ Трѣтѣїа Трїцї . ѡца и Снѣ и Сѣтѣго Дѣха . ннѣ и прїѡ и вѣвѣкы вѣкомъ амїнь .

Литература

1. Агафонов И.С. Сюжет Знаменского чуда в новгородских летописях XV века // Вестник Университета РАО. М., 2014. Вып. 4 (72). С. 16–20.;
2. Агафонов И.С. Поход Мстислава Андреевича на Новгород 1170 г. в рассказах новгородских летописей // Текстология и историко-литературный процесс. Сборник статей / Под ред. Л. А. Новицкас, А. Н. Першкиной, А. С. Федотова. М., 2015. С. 16–27.
3. Дмитриев Л.А. Житийные повести русского севера как памятники древнерусской литературы XII–XVII вв. Л. 1973.

Агафонов И.С.

Воспоминание о Знамени пресвятой Богородицы

Язык и текст langpsy.ru

2016. Том 3. № 2. С. 16–22.

doi: 10.17759/langt.2016030202

Agafonov I.S.

Recollection about the Sign of The Most Holy Mother Of God

Language and Text langpsy.ru

2016, vol. 3, no. 2, pp. 16–22.

doi: 10.17759/langt.2016030202

4. *Конявская Е.Л.* Краткий новгородский летописец и его место в новгородском летописании // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М. 2010. № 1 (39). С. 40-52.
5. *Конявская Е.Л.* Новгородская летопись XVI в. из собрания Т. Ф. Большакова // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 322-383.
6. *Печников М.В.* Иоанн архиепископ Новгородский // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 23. С. 189–204
7. *Яблонский В.* Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908.

Recollection about the Sign of The Most Holy Mother Of God

Agafonov I.S.,

PhD Student, University of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia,
trolovfen@gmail.com

It is the first publication of one of the lists of unreleased monument which is called the Cycle of the Sign. It is also known in the literature as the "Recollection of the Sign of The Most Holy Mother Of God." The introduction gives a brief overview of the history of the formation of the Sign Cycle and outlines the problems of the study of the publishing monument. The article also has made an attempt to evaluate the attribution "Recollection" (which was accepted by L.A. Dmitriyev) to hagiography Pachomius Logofet.

Key Words: Novgorod, the Sign Cycle, Pachomius Logofet, the 15th century in literature.

References

1. *Agafonov I.S.* Syuzhet Znamenskogo chuda v novgorodskikh letopisyakh XV veka // Vestnik Universiteta RAO. M., 2014. Vyp. 4 (72). S. 16–20.;
2. *Agafonov I.S.* Pokhod Mstislava Andreevicha na Novgorod 1170 g. v rasskazakh novgorodskikh letopisey // Tekstologiya i istoriko-literaturnyy protsess. Sbornik statey / Pod red. L. A. Novitskas, A. N. Pershkinoy, A. S. Fedotova. M., 2015. S. 16–27.
3. *Dmitriev L.A.* Zhitiynye povesti russkogo severa kak pamyatniki drevnerusskoy literatury XII–XVII vv. L. 1973.
4. *Konyavskaya E.L.* Kratkiy novgorodskiy letopisets i ego mesto v novgorodskom letopisanii // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. M. 2010. № 1 (39). S. 40–52.
5. *Konyavskaya E.L.* Novgorodskaya letopis' XVI v. iz sobraniya T. F. Bol'shakova // Novgorodskiy istoricheskiy sbornik. SPb., 2005. Vyp. 10 (20). S. 322–383.
6. *Pechnikov M.V.* Ioann arkhiepiskop Novgorodskiy // Pravoslavnaya entsiklopediya. M., 2010. T. 23. S. 189–204
7. *Yablonskiy V.* Pakhomiy Serb i ego agiograficheskie pisaniya. SPb., 1908.

Тема конца жизни в договорных грамотах русских князей XIV – XV веков¹

Конявская Е.Л.,

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, *ekonyavskaya@gmail.com*

В статье рассматриваются высказывания относительно конца земной жизни в договорных грамотах русских князей XIV–XV веков, приобретающие со временем характер общих мест и формул. Показано, что в таких актах проявляются повседневные танатологические представления русских правителей. В них отражено убеждение в том, что завершение человеческой жизни в руках Божиих. В сознании князей конечность жизни человека сочеталась с продолжением жизни рода.

Ключевые слова: договоры русских князей, нормы статей, танатологические представления русской элиты в период средневековья.

Для цитаты:

Конявская Е.Л. Тема конца жизни в договорных грамотах русских князей XIV – XV веков [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2016. Том 3. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n2/Konyavskaya.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2016030203

For citation:

Konyavskaya E.L. The topic of the end of life in the treaty ratification of the Russian princes in the XIV - XV centuries [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [Language and Text langpsy.ru], 2016, vol. 3, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n2/Konyavskaya.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2016030203

В отличие от духовных (душевных) грамот русских князей – завещаний – где мысль о том, что будет после кончины пишущего, была главной, докончальные – договорные – грамоты касались этой тематики лишь локально. Тем не менее, они являются не менее ценным источником при изучении танатологических представлений русского человека периода средневековья², поскольку они отражают в данном случае ментальную повседневность – без накала эмоций в ожидании возможно близкой кончины и мистических настроений. Высказывания в докончальных грамотах о конце земной жизни звучат в связи с описанием норм, которые будут действовать в случае смерти одного из заключающих договор князей.

При рассмотрении этих мотивов в княжеских договорах можно выделить несколько аспектов.

¹ Работа выполнена в рамках поддержанного РГНФ проекта № 16-04-00523 “Танатологический дискурс русской словесности XI–XX веков в аспекте межкультурной коммуникации».

² См. из последних фундаментальных работ об этом: [1].

В первую очередь, интересны сами выражения, в которых говорится о приходе кончины того или иного лица. Неизменно подчеркивается, что жизнь и смерть человека – в руках Божиих. Наступит день, когда Господь «отымет» или «отведет» князя от этой жизни:

«...кол(о) из нас Б(о)гъ отвѣдет, печаловатиса кнагинею его и дѣтми, как при животѣ, так и по животѣ» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 1. Договор великого князя Симеона Ивановича с братьями звенигородским князем Иваном и серпуховским князем Андреем. 1348 г.)

«А ѿиметь, г(о)с(поди)не, Богъ мене, и тобѣ, г(о)с(поди)не, великому кн(а)зю, | в мою штчину не вступатис(а), ни твоимъ дѣтемъ под моими дѣтми» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 27. Договор великого князя Василия Васильевича с князем верейским и белозерским Михаилом Андреевичем);

«А отоимет Б(о)гъ тоба, брата моего молодшего, кн(а)за Васил(ь)ѣ Ярославич(а), | и мнѣ, великому кн(а)зю, и моим дѣтемъ под твоею кнагинею и под твоими дѣтми твоего оудѣла... ни вступатиса, ни моим дѣтем...

...А отои|мет Б(о)гъ мене, великого кн(а)за, и тобѣ, брате, имѣти с(ы)на моего в мое мѣсто» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 37. Договор великого князя Василия Васильевича с князем серпуховским и боровским Василием Ярославичем);

«А ѿ(ъ)имет Б(о)гъ которол(о) ѿ нас, и вам, | брат(е), печаловатис(а) нашим(и) кнегинам(и) и нашими | дѣтми по животѣ(ѣ) по нашемъ» (РНБ. Q. XVII. 58. Л 51об. – 55. Копия 70-х г. XV в. Договор великого князя Василия Дмитриевича с тверским великим князем Михаилом Александровичем. 1399 г.);

«А ѿ(ъ)имет Б(о)гъ которол(о) из нас, и вам, брате, печаловатис(а) нашими кнаинами | и нашими дѣтми» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 39. Л. 1. Договор московского великого князя Василия Васильевича с тверским великим князем Борисом Александровичем. 1454–1456 г.).

Большая часть примеров взята из внутренних договоров московских князей, но два последних представляют внешнеполитические договоры московских князей с тверскими.

В первом примере – из договора Симеона Ивановича (Гордого) с братьями, как отмечалось В. А. Кучкиным, о смерти кого-то из братьев, которые были достаточно еще молоды, говорится не просто из предусмотрительности, а потому, «что ожидалась война, в которой должны были принять участие младшие братья Симеона и на которой могло случиться всякое» [5, с. 152].

Такая формула может применяться и по отношению к будущему преставлению третьего лица. Например, в Договоре 1496 г. рязанских князей братьев Ивана и Федора Васильевичей читается: «А штоиметь Богъ матерь нашу, и та четверть моѣ и есть со всѣмъ» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 76-77.).

Относительно же грядущей кончины участников соглашения в Договоре рязанских князей говорится прямо:

«А по грѣхом, г(осподи)не, штоимет Б(о)гъ теба, великол(о) кн(а)за, ѿ нас и мнѣ, г(осподи)не, под твоими дѣтми великол(о) кн(а)жен(ь)ѣ не хотѣти, ни моим дѣтем, и блюсти, и не обидети, ни вступатис(а).

... А штоимет Б(о)гъ меня, и тобѣ, г(осподи)не, великому кн(а)зю, в мою ѿчину не вступатис(а), и твоим дѣтем под моими дѣтми».

При этом имплицитно подразумевается и возможная ранняя смерть малолетнего сына Ивана:

«А не бѹдет, г(осподи)не, у теба дѣтеи, и тебѣ, великому кн(а)зю, великим кн(а)жен(ь)ем благословити мена, своел(о) брата».

Впрочем, как отмечал В. А. Кучкин, очевидно, что эта статья была составлена для проформы, чтобы при якобы равных условиях великий князь мог получить выморочные владения брата [7, с. 100].

Из ряда вышеприведенных цитат можно видеть, что зачастую к мысли о Божием промысле относительно конца жизни человека добавляется мотив «по грехом нашим»:

«А по грехом, г(о)с(поди)не, Б(о)гъ | *ѡведет* по нашим тоба, а нам, г(о)с(поди)не, тол(о) всел(о) тожже [*по*]д твоєю кна(ги)нею и *под* твоими дѣтми блюсти, а не шбид(е)ти» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I рубр. II № 11. Договор великого князя Василия Дмитриевича с князем можайским Андреем Дмитриевичем и князем дмитровским Петром Дмитриевичем. 1403–1406 г.).

«А по грѣхомъ, г(о)с(поди)не, ѡиметь Богъ тебе, великого кн(а)за, ѡ нас_и мнѣ, г(о)с(поди)не, под твоими дѣтми великого княженъа не хотѣ|ти, ни моимъ дѣтемъ, и блюсти, и не шбидѣти, ни вѣступати с(а)» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 27. Договор великого князя Василия Васильевича с князем верейским и белозерским Михаилом Андреевичем. 1447 г.).

Предполагается, что в грехи, вызывающие уход из жизни одного из князей, впадают другие князья, а не он сам. Однако не стоит относить эти формулы насчет серьезных убеждений составлявших договоры. Божественный промысел в отношении жизни и смерти человека определялся не желанием наказать других. Такая формула была призвана показать, сколь высоко ценят и чтят младшие князья старшего (великого) князя.

В одном случае – во втором договоре Дмитрия Донского с его двоюродным братом Владимиром Андреевичем – мы встречаем иную формулу, которая свойственна не договорным, а духовным грамотам: «А ци Б(ог)ъ розмыслить о с(ы)ну о твоём, о братѣ...» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 4. Копия XV в.). Здесь возможность кончины княжеского сына рассматривается не только как факт, имеющий отношение к жизни других людей, но и как решение Господа, «размыслившего» о его жизни и судьбе.

В некоторых случаях отмеченные выше формулы заменяет выражение «по животе» как более простое – в более частных моментах (так, впрочем, это делается и в завещаниях): «А по животѣ кто из боаерь и слугъ иметь служити оу наших кнагинь и у дѣтии...» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 1), «А по ее животѣ Зааечковъ мнѣ» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 4. Копия XV в.).

С последним выражением непосредственно связан другой аспект упоминаний конечности земной жизни в княжеских договорах – это отмечаемая граница действия тех или иных его норм. Часто она определяется как «до живота» – т. е. до кончины договаривающихся. В большинстве случаев эта формула используется для определения срока действия самого общего и принципиального условия договора, например: «Быти ны заодинъ до живота» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 1); «Быти нам заодин | до своел(о) живот(а)» (РНБ. Q. XVII. 58. Л. 25 об. – 26 об. Договор великого князя Василия Дмитриевича с князем звенигородским и галичским Юрием Дмитриевичем). «А целован(ь)æ не сложити и до живота» (РГАДА, Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 3. Копия первой половины XV в.). В. А. Кучкин отмечал, что «указание на единение до самой смерти помещалось в докончальных грамотах родных братьев, соглашения же братьев двоюродных констатировали только единство» [8, с. 40]. Возможно, это правило уже не соблюдалось в XV веке. По крайней мере, мы встречаем подобную формулу в договорах

великого князя Василия Васильевича Темного с Дмитрием Юрьевичем Шемякой: «Быти ти, брате, со мною, с великим князем, вездѣ зашдин и до своел(о) жывота. А мнѣ, великому князю, быти с тобою вездѣ зашдин и до своел(о) жывота» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 20. 1441–1442 г.) и его же договоре с князем верейским и белозерским Михаилом Андреевичем: «И быти ми, г(о)с(поди)не, с тобою, с великим кн(а)земъ, вездѣ зашдин и до живота на всакого | недруга, и с твоими дѣтми, и моимъ дѣтемъ» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 27). Здесь грань действия статьи отодвигается за пределы жизни заключающих договор, поскольку речь идет о том, что дети обоих князей будут «заодин» и после смерти их отцов.

В договорных грамотах идут ссылки на порядок прежних поколений – отцов и дедов: «какъ было при нашем дѣдѣ... и при наших отцѣхъ» [4]. В этом смысле история рода, жизнь рода в целом все время присутствуют в сознании составляющих договор, и жизнь, и смерть каждого члена княжеского дома – лишь одно из звеньев непрерывной и уходящей в будущее цепи – жизни рода. Будущее же представлено в такого рода договорах поколениями детей и внуков, взаимоотношения которых также регламентируется вводимыми нормами.

Понятно, что отмеченные формуляры не являются обязательными и характер текста может зависеть не только от традиции, но и от личности составляющего договор, возраста и обстоятельств его жизни.

Так, в Договоре 1348 года Симеона Ивановича (Гордого) с братьями фиксируются обстоятельства заключения договора. Докончание начинается со слов: «Се азъ, князь великий Семень Иванович всея Рус(и), со своею брат(ь)ею с молодшею, со княземъ съ Иваном и с княземъ Андрѣемъ целовали есмы межи себе кр(е)сть оу отня гроба». Выбор места принятия договора, безусловно, придает ему особую значимость, акт приобретает некую сакральность, что подчеркивается повторением этого мотива начальных строк в последних строках договора: «На семь на всемъ целовали есмы кр(е)сть межи себе у отна гроба, по любви, в правду» (РГАДА. Ф. 135. Отд.1. Рубр. II. № 1).

В историографии отмечалось, что эти тексты в договоре не означают, что сыновья заключали докончание уже в момент похорон отца (да и акт сегодня датируется не 1340, а 1348 годом [6, с. 24]). Но сам факт заключения договора у могилы отца в построенном последним московском Архангельском соборе придавал авторитет как самой процедуре (которую М. М. Щербатов, например, назвал «присягою» [10, с. 376], а Н. М. Карамзин – «клятвой» [3, с. 150 и с. 340, гл. X, вар. 2–2.]), так и документу.

Возможно, столь торжественно обставленная процедура и, соответственно, форма договора нужны были, чтобы скрыть истинный характер акта, в котором великий князь предстает, по словам В. А. Кучкина, «ломавшим порядки, завещанные Иваном Калитой, и выступавшим по отношению к Ивану и Андрею в роли не столько старшего брата, сколько в роли господина великого князя всея Руси» [5, с. 175]. Но, учитывая особенности и духовной грамоты Симеона (РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. I. № 3), где также много высоких, прочувствованных слов, что не свойственно другим княжеским завещаниям XIV века, включая грамоты его отца и брата, допустимо отнести эти особенности насчет личности самого Симеона, который, возможно, был человеком сентиментальным, а может быть, просто доверял составление документов лицу, имеющему такие свойства.

Есть ряд договоров, где никак не оговаривается характер его действия, если наступит смерть одного из князей, не отмечается таким образом граница договора («до живота»), отсутствуют указания на пролонгацию норм на следующие поколения. Это Договор 1427 года великого тверского князя Бориса Александровича с его дедом великим князем литовским Витовтом (РГАДА. Разряд XXVII. Приказ Тайных Дел. № 2), его же с великим князем рязанским Иваном Федоровичем, со стороны последнего уже совершенно вассальный (а не родственник)

Конявская Е.Л.

Тема конца жизни в договорных грамотах русских князей XIV – XV веков

Язык и текст langpsy.ru

2016. Том 3. № 2. С. 23–30.

doi: 10.17759/langt.2016030203

Konyavskaya E.L.

The topic of the end of life in the treaty ratification of the Russian princes in the XIV - XV centuries

Language and Text langpsy.ru

2016, vol. 3, no. 2, pp. 23–30.

doi: 10.17759/langt.2016030203

(РНБ. Q. XVII. 58. Л. 47–48), а также, как неоднократно отмечалось в литературе, практически текстуально совпадающий с ним Договор Витовта с Иваном Владимировичем Пронским (РНБ. ОСРК. Q. XVII. 58). Два последних акта датируются примерно тем же временем, что и тверской [2, с. 394–395]. Резонно думать, что их характерные особенности связаны с тем, что указанные dokonчания заключались в последние годы жизни Витовта, когда он был в весьма преклонном возрасте и при этом не имел сыновей [9, с. 129].

Если сравнивать эти акты с внешнеполитическими договорами русских князей с литовскими правителями в более позднее время, то картина будет отличаться. В договоре с великим князем Казимиром князей новосильских и одоевских (Ивана Юрьевича, Федора и Василия Михайловичей) говорится о том, как будут обстоять дела, когда «што Богъ вчынит над нами», «по нашомъ жывоте», фиксируются взаимоотношения их детей с тем, «хто бѹдетъ на Литовъскои земли г(о)с(по)д(а)ремъ» (РГАДА. Литовская метрика. Кн. 5. Л. 291об. – 292. 1459 г.). Все последующие акты как великих, так и удельных князей с Казимиром, подобных формул не содержат, но в договоре Василия Васильевича с этим правителем указано, что между ними взято «вечное dokonччанье» (РГАДА. Литовская метрика. Кн. 5. Л. 194–196. 1449 г.). Но эти формулы и мотивы есть в договоре с сыном Казимира Александром Ивана III 1494 г. Здесь неоднократно упоминается судьба детей с обеих сторон (Ивана Васильевича – имеющих, а Александра – которых «дасть Богъ») после того, как одного из правителей «Б(о)гъ возьмет с сего свѣта». Таким образом, какая-то явная тенденция во внешнеполитических договорах не просматривается.

Внутренние же договоры связь наличия или отсутствия подобных временных указаний, касающихся жизни и ее окончания, с возрастом и обстоятельствами жизни участников договора обнаруживают. Показательны dokonчания Дмитрия Ивановича (Донского) с его двоюродным братом Владимиром Андреевичем Серпуховским. Первый договор они заключали еще юношами, в нем нет никаких упоминаний о возможной смерти кого-то из них, равно как и указаний на нормы для потомков (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 2). Во втором договоре 1372 года, сохранившемся фрагментарно, все вышеотмеченные мотивы и формулы присутствуют. Основные положения должны действовать «до живота», и то же касается детей: «...и твоим дѣтемъ под моими дѣтьми, и до живота» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 4). В третьем договоре, составленном в год кончины Дмитрия Ивановича, формулы «до живота» не читаются, прямых высказываний относительно того, какие нормы будут действовать после смерти двоюродных братьев, нет, но дети князей упоминаются неоднократно, причем особо сказано о старшем сыне Дмитрия – Василии, который должен стать преемником Дмитрия на великокняжеском столе: «А на семь на всемъ целовали есмы кр(е)сть азь, княз(ь) великий Дмитр[еи] Иванович, и с(ы)нъ мои, княз(ь) Василеи, и за свои дѣ|ти ко князю Володимеру Ондр[ѣвич]ю и къ его дѣ[тем]. А княз(ь) Володимеръ Ондрѣвич цело|валъ кр(е)сть ко мнѣ, ко князю великому, и къ моему с(ы)н[у, ко] князю к Василью, и къ моимъ дѣтем, | и за свои дѣти, по любви, въ правду, безъ всакие х[ит]рости» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 7).

Таким образом, договорные грамоты русских князей XIV–XV веков дают хотя не разнообразный, но важный материал о характере повседневных танатологических представлений русской элиты этого времени. Не касаясь в них посмертной судьбы души – собственной и близких – князья заботились о благополучии своих потомков, стремясь при смертности каждого сохранить бессмертие рода, по словам Симеона Гордого, «чтобы не перестала память роди<те>лии нашихъ и наша, и свѣ|ча бы не оугасла» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 3).

Литература

1. *Дергачева И.В.* Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности / Отв. ред. А. А. Дубровин. Сер. Памятники русской письменности XI-XVII вв.: исследования и публикации. М.: Кругъ, 2004. 351 с.
2. *Зимин А.А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XVI вв. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. 6. С. 294–295.
3. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М.: Наука, 1992. Т. 4.
4. *Конявская Е.Л.* Хронологические вехи и расчеты в древнерусских летописях и актах // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. Четвертые чтения памяти академика Л. В. Милова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2015. С. 133–138.
5. *Кучкин В.А.* Договор 1348 г. великого князя Симеона Ивановича с братьями Иваном Звенигородским и Андреем Серпуховским // Средневековая Русь. М., 2009. Вып. VIII. С. 101–175.
6. *Кучкин В.А.* Договор Калитовичей // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 16–24.
7. *Кучкин В.А.* К характеристике рязанского договора 1496 г. // Восточноевропейский средневековый город. Рязань, 2012. С. 90–101.
8. *Кучкин В.А.* Первая договорная грамота Дмитрия Донского с Владимиром Серпуховским // Звенигород за шесть столетий. М., 1998. С. 11–64.
9. *Полехов С.В.* Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М.: Индрик, 2015. 712 с.
10. *Щербатов М.М.* История российская от древнейших времен. СПб., 1774. Т. III.

The topic of the end of life in the treaty ratification of the Russian princes in the XIV - XV centuries

Konyavskaya E.L.,

Doctor in Philology, Leading Researcher of the Institute of Russian History, RAS,
ekonyavskaya@gmail.com

The article deals with the statements in connection with the end of life on the Earth in the treaty ratification of the Russian princes in XIV-XV centuries, which were acquiring (had been acquiring) with the lapse of time the nature of commonplaces and formulas. It is shown that in such acts occur daily thanatological representations of the Russian rulers. They reflect a belief about the end of human life in God's hands. Finiteness of human life in the mind of the princes was combined with the continuation of the procreation of life.

Key Words: treaties of the Russian princes, rules of articles, thanatological representations of the Russian elite in the Middle Ages.

References

1. *Dergacheva I.V.* Posmertnaya sud'ba i «inoy mir» v drevnerusskoy knizhnosti / Otv. red. A. A. Dubrovin. Ser. Pamyatniki russkoy pis'mennosti XI-XVII vv.: issledovaniya i publikatsii. M.: Krug", 2004. 351 p.
2. *Zimin A.A.* O khronologii dukhovnykh i dogovornykh gramot velikikh i udel'nykh knyazey XIV–XVI vv. // Problemy istochnikovedeniya. M., 1958, Vyp. 6. pp. 294–295.
3. *Karamzin N.M.* Istoriya gosudarstva Rossiyskogo. M.: Nauka, 1992. T. 4.
4. *Konyavskaya E.L.* Khronologicheskie vekhi i raschety v drevnerusskikh letopisyakh i aktakh // Rus', Rossiya: Srednevekov'ye i Novoe vremya. Vyp. 4. Chetvertye chteniya pamyati akademika L. V. Milova. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2015, pp. 133–138.
5. *Kuchkin V.A.* Dogovor 1348 g. velikogo knyazya Simeona Ivanovicha s brat'yami Ivanom Zvenigorodskim i Andreem Serpukhovskim // Srednevekovaya Rus'. M., 2009. Vyp. VIII. pp. 101–175.
6. *Kuchkin V.A.* Dogovor Kalitovichy // Problemy istochnikovedeniya istorii SSSR i spetsial'nykh istoricheskikh distsiplin. M., 1984. pp. 16–24.
7. *Kuchkin V.A.* K kharakteristike ryazanskogo dogovora 1496 g. // Vostochnoevropeyskiy srednevekovyy gorod. Ryazan', 2012. pp. 90–101.

Конявская Е.Л.

Тема конца жизни в договорных грамотах русских князей
XIV – XV веков

Язык и текст langpsy.ru

2016. Том 3. № 2. С. 23–30.

doi: 10.17759/langt.2016030203

Konyavskaya E.L.

The topic of the end of life in the treaty
ratification of the Russian princes in the XIV
- XV centuries

Language and Text langpsy.ru

2016, vol. 3, no. 2, pp. 23–30.

doi: 10.17759/langt.2016030203

8. *Kuchkin V.A.* Pervaya dogovornaya gramota Dmitriya Donskogo s Vladimirom Serpukhovskim // *Zvenigorod za shest' stoletiy*. M., 1998. pp. 11–64.
9. *Polekhov S.V.* Nasledniki Vitovta. Dinasticheskaya voyna v Velikom knyazhestve Litovskom v 30-e gody XV veka. M.: Indrik, 2015. 712 p.
10. *Shcherbatov M.M.* Istoriya rossiyskaya ot drevneyshikh vremen. SPb., 1774. T. III.

Концепт памяти в понимании Анри Бергсона и Владимира Набокова

Шапиро А.Е.,

соискатель на степень кандидата филологических наук, преподаватель английского языка, Пенсильванский государственный университет, Стейт Колледж, США,
afs5446@psu.edu

В статье рассматриваются сходства и различия в понимании концепта памяти в романах В. Набокова «Ада, или Радости страсти» и «Прозрачные вещи» и в трактате А. Бергсона «Материя и память». Анализируются основные функции памяти в интерпретации обоих авторов.

Ключевые слова: память, время, творческая память, философия, В. Набоков, А. Бергсон.

Для цитаты:

Шапиро А.Е. Концепт памяти в понимании Анри Бергсона и Владимира Набокова [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2016. Том 3. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n2/Shapiro.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2016030204

For citation:

Shapiro A.E. Henri Bergson and Vladimir Nabokov's Concept of Memory [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [Language and Text langpsy.ru], 2016, vol. 3, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n2/Shapiro.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2016030204

О непосредственном влиянии философии французского мыслителя Анри Бергсона на художественное мировоззрение Владимира Набокова писали неоднократно. Достаточно назвать работы Л. Токер «Загадка литературных структур» [8] и «Набоков и Бергсон» [7], Л. Меттисона «Набоковский эстетический Бергсонизм: интуитивное, реперцептуализированное время» [6], Т. Лясковец «Подходя к Набокову, с точки зрения бергсоновского времени: почему Время пространственно?» [5]. Во всех перечисленных работах рассматривается, в первую очередь, понимание концепта времени. Нам же, исходя из целостного анализа набоковской литературной поэтики, кажется не менее важным обратиться к анализу понимания писателем категории памяти в контексте резонанса и трансформации бергсоновских философских идей.

В творчестве В. Набокова понятия времени и памяти тесно взаимосвязаны, если не сказать – взаимно олицетворяют друг друга. Память – это своего рода творческое активное воплощение времени. У А. Бергсона также наблюдается родство между этими двумя основополагающими концептами бытия.

Именно памяти философ посвящает целый трактат – «Материя и память» («*Matière et mémoire*»), написанный в 1896 году, в котором рассматривает все аспекты человеческой мыследеятельности, связанные с воспроизведением опыта прошлого.

Бергсон выделяет два варианта освоения прошлого: «1) в форме двигательных механизмов и 2) в виде независимых воспоминаний» [1, с. 205]. В одном случае идет «повторение» опыта прошлого, в другом – «воображение» оно. Разграничиваются понятия «память» и «воспоминание». Память, скорее, процесс психофизический, в то время как воспоминание – чисто психологический. Философ разъясняет этот феномен тем, что «тело, расположенное между предметами, которые на него действуют и на которые оно влияет, – это только проводник, который должен вбирать в себя движения и передавать их, когда он их не задерживает, моторным механизмам <...> Действующая память накапливает образы, расположенные во времени, по мере того как они возникают, и как будто наше тело со всем, что его окружает, – это лишь определенный образ среди этих образов, последний по времени, который мы можем получить в любой из моментов, сделав мгновенный срез во всеобщем становлении» [1, с. 205].

Память накапливает воздействие прошлого в моторной форме, а не какой-либо иной. В то время как иная память «регистрирует в виде образов-воспоминаний все события нашей ежедневной жизни по мере того, как они развертываются; она не пропускает ни одной подробности и оставляет каждому факту, каждому жесту его место и его время» [1, с. 207]. Память использует эти воспоминания для того, чтобы вычленил (извлечь на поверхность реального бытия) из контекста прошлого тот или иной момент или образ. Этот процесс не только интеллектуальный по своей природе, но – и это главное – творческий по своей сути.

Нас в этой теории интересует несколько моментов: роль предмета, который оказывает влияние на память и на процесс припоминания; процесс восприятия прошлого; тот факт, что, несмотря на то, что последовательность событий представляет собой своего рода линейность, не отрицается возможность «изъятия» каждого отдельного события в процессе припоминания вне зависимости от порядка, в котором они «фиксируются» в привычном временном исчислении.

Различая память и воспоминание, философ выделяет разность векторов действия: в случае, если узнавание предмета «совершается посредством движения, исходящего от объекта» [1, с. 205], речь идет о памяти, когда оно исходит от субъекта – о воспоминании. Бергсон пишет «о теле, как о подвижном пределе между будущим и прошлым — перемещающейся точке, которую наше прошлое как бы толкает непрерывно в наше будущее. Мое тело, будучи рассмотренным в один отдельный момент, представляет собой лишь проводник, помещенный между предметами, которые на него влияют и на которые оно действует; однако же вновь помещенное в текущее время, оно всегда оказывается в строго определенной точке, где мое актуальное только что вобрало в себя мое прошлое» [1, с. 206] Идея о том, что предмет может являться проводником между прошлым и настоящим, и таким образом между человеком и его воспоминанием нашла творческое воплощение во многих произведениях Владимира Набокова.

Так, в романе «Прозрачные вещи» («Transparent Things») – предпоследнем законченном произведении писателя, впервые опубликованном в 1972 году¹, как и в других крупных работах биографического характера, он смело экспериментирует с новыми «метафизическими» атрибутами предметного мира. Уже в названии романа заложено понятие предметности, подобрано весьма удачное определение – «вещи». Важно заметить, что в английском языке оба понятия могут быть выражены одним словом – thing. Англоязычному читателю предоставляется право смыслового выбора: вещь или предмет. Словосочетание «прозрачные вещи», известное как русскоязычное название романа, включает в себя, на наш взгляд, главную философскую мысль автора и в этом смысле перевод весьма точен. В понимании писателя материальный предмет – благодаря преобразующей воле художника –

¹ Nabokov V. Transparent Things. New York: McGraw-Hill, 1972.

обрастает живой, как бы очеловеченной судьбой. В метафизическом смысле всякая материя для Набокова прозрачна или, скорее, должна становиться таковой под пристальным взглядом творца: «Когда мы сосредотачиваем внимание на материальном объекте, как бы ни был он расположен, самый акт сосредоточения способен помимо нашей воли окунуть нас в его историю. Новичкам следует научиться скользить над материей, если они желают, чтобы материя оставалась во всякое время точно такой, какой была. Прозрачные вещи, сквозь которые светится прошлое!» [4, с. 11]. Здесь, речь идет о стремлении постигнуть подлинность, скрытую реальность бытия. Однако средства онтологического постижения могут быть разными. Узловым в приведенном фрагменте является акцент на метафизической сосредоточенности, благодаря которой возможно приблизиться к истинной сущности любого явления. Взгляд художника прямо уподобляется самым важным свойствам времени, смысл которого (по Набокову) – не затемнять или затенять, а, напротив, высвечивать, прояснять. Отсюда и смысловая модуляция: от «скольжения» до «свечения». Путь назад может быть сопричислен вечности лишь в одном случае – его необходимо извлечь из метафизической темноты. Здесь мы наблюдаем значительное сродство понимания нестандартной «линейности» времени Набоковым и Бергсоном. При всей последовательности свершения событий, человек может «вернуться» в определенные моменты прошлого, минуя другие, то есть, не проделывая весь путь вспять. А в случае с предметами, он может как бы «просветить» их насквозь, увидев всю предысторию разом.

Роман Набокова открывается размышлениями о «сути вещей» в макро-смысле, благодаря чему возможной становится прикосновение к отдельной человеческой судьбе как предметной составляющей сущности бытия. Предпосылки различных явлений из прошлого мыслятся как проблемы, возникающие здесь и сейчас.

Некоторые размышления о природе и роли предметов излагаются в форме своеобразных метафизических инструкций: «Особенно трудно удерживать в фокусе поверхность вещей – рукодельных или природных, – по сути своей недвижимых, но изрядно помыканных ветреной жизнью (вам приходит на ум, и правильно делает, камень на косогоре, над которым за неисчислимые годы, просновало многое множество разных зверюшек): новички, весело напевая, валяются сквозь поверхность и глядишь, уже с детской отрешенностью смакуют кто историю этого камня, а кто вон той вересковой пустоши. <...> Тонкий защитный слой промежуточной реальности раскинут поверх искусственной и естественной материи, и если вам угодно остаться в настоящем, при настоящем, на настоящем, – то уж постарайтесь не прорывать этой напряженной плевы. Иначе неопытный чародей может вдруг обнаружить, что он уже не ступает больше по водам, а стойком утопает в окружении удивленно глазающих рыб...» [4, с. 12].

Набоков намекает на то, что за не поверхностный, онтологический взгляд на сущее всякому человеку – и особенно художнику – приходится платить высокую цену. Он предупреждает об опасности саморазрушения в метафизической схватке с прошлым. При этом художник призван всякий раз нарушать «гравитационный» покой настоящего с его приземленностью, когда пытается охватить единым взором сущностную связь явлений во времени и пространстве. Этот образ также очень близок пониманию «воспоминания» А. Бергсоном.

Обратимся теперь к более раннему роману Владимира Набокова «Ада, или Радости страсти», изданном в 1969 году². Именно в этом сочинении писатель впервые подробнейшим образом излагает свою «теорию времени». Основные ее постулаты излагаются в IV части романа. Она практически целиком посвящена трактату «Ткань времени», автором которой является главный персонаж повествования. Труд Ван Вина освещает «проблемы пространства

² Nabokov V. *Ada or Ardor: A Family Chronicle*. – New York: McGraw-Hill, 1969.

и времени, пространства в противопоставлении времени, искривленного временем пространства, пространства как времени, времени как пространства – и пространства, порывающего с временем в окончательном трагическом триумфе человеческой мысли: умираю, следовательно, существую» [3, с. 151].

Со всей очевидностью подвергается сомнению естественное для эволюционистского мировосприятия линейное понимание времени. Главное, на чем настаивает автор – это субъективность его восприятия. Время в понимании Набокова напрямую связано не с воспоминанием вообще, а с такой памятью, когда прошлое зримо прорастает в реальной жизни, становится атмосферой современного автору бытия. Не стоит путать этот феномен с платоновским процессом «припоминания», то есть с воспроизведением знаний и опыта, полученных в другой жизни, в другом мире. Бергсон, в свою очередь, отмечает, что «огромное большинство наших воспоминаний связано с событиями и подробностями нашей жизни, сущность которых в том, что они относятся к определенному моменту времени и, следовательно, уже никогда не воспроизводятся. Воспоминания, приобретаемые усилием воли, повторением, редки, исключительны» [1, с.209] Набоков оспаривает эту позицию, говоря о творческой памяти, позволяющей не только вернуться в прошлое, но и чувственно пережить его заново. В этом суть его романа «Ада, или Радости страсти». Главный герой не только пишет историю своей любви, но и переживает ее заново.

При очевидном влиянии бергсоновских идей на поэтику памяти и времени в творчестве Набокова, очевидно и то, что художник-творец, автор «Прозрачных вещей» и «Ады» вполне самостоятелен в осмыслении краеугольного для его мышления концепта памяти. Герои Набокова не просто погружаются в прошлое или обожествляют ушедшее, а ценой огромных интеллектуальных, чувственных и духовных усилий обретают способность здесь и сейчас – в настоящей реальности – жить образами минувшего как образами своеобразной сверх-реальности.

Литература

1. *Бергсон А.* Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. М.: Московский клуб, 1992. 336 с.
2. *Литварь А.Е.* Владимир Набоков и Анри Бергсон: резонанс смыслов и образов. // Альманах ГИТИС. 2011. №3. С. 175–186.
3. *Набоков В.В.* Собрание сочинений американского периода в 5 томах. / Том 4. Ада, или Радости страсти. СПб.: Симпозиум, 1997. 672 с.
4. *Набоков В.В.* Собрание сочинений американского периода в 5 томах. / Том 5. Прозрачные вещи. СПб.: Симпозиум, 1999. 704 с.
5. *Lyaskovets T.* Approaching Nabokov with Bergson on Time: Why Spatializing Time? [Электронный ресурс] Kaleidoscope. 2013. V. 5, № 2 URL: <https://community.dur.ac.uk/kaleidoscope/index.php/kaleidoscope/article/view/70> (дата обращения: 01.24.2016).
6. *Mattison L.* "Nabokov's Aesthetic Bergsonism: An Intuitive, Reperceptualized Time." Mosaic: a journal for the interdisciplinary study of literature. 2013. 46.1: pp. 37–52.

Шапиро А.Е.

Концепт памяти в понимании Анри Бергсона и
Владимира Набокова
Язык и текст langpsy.ru
2016. Том 3. № 2. С. 31–36.
doi: 10.17759/langt.2016030204

Shapiro A.E.

Hanri Bergson and Vladimir Nabokov's
Concept of Memory
Language and Text langpsy.ru
2016, vol. 3, no. 2, pp. 31–36.
doi: 10.17759/langt.2016030204

7. *Toker Leona*. Nabokov and Bergson. // The Garland Companion to Vladimir Nabokov / Ed. by Vladimir E. Alexandrov. New York: Garland Pub, 1995. pp. 367–373.
8. *Toker Leona*. Nabokov. The Mystery of Literary Structures. Ithaca and London: Cornell University Press, 1989. 243 p.

Hanri Bergson and Vladimir Nabokov's Concept of Memory

Shapiro A.E.,

PhD candidate, Pennsylvania State University English instructor, State College, PA, USA,
afs5446@psu.edu

The article looks at common aspects and differences in the understanding of the concept of memory in «Ada or Ardor: A Family Chronicle», «Transparent Things» by Vladimir Nabokov and «Matter and Memory» by Hanri Bergson. Main memory functions as interpreted by the two authors are analyzed.

Key Words: memory, time, creative memory, philosophy, Vladimir Nabokov, Hanri Bergson.

References

1. *Bergson A.* Sobrabie sochinenij v chetireh tomah [Selected works in 4 volumes]. Tom 1 [Volume 1]. M.: Moskovskij klub [Moscow club], 1992. 336 p.
2. *Litvar A. E.* Vladimir Nabokov I Anri Bergson: rezonans smislov I obrazov [Vladimir Nabokov and Henri Bergson: the resonance of meanings and images] // Almanah GITIS [The Russian University of Theatre Arts Anthology]. 2011. №3. pp. 175–186.
3. *Nabokov V.V.* Sobranie sochinenij amerikansoko perioda v 5 tomah [Selected works of American period in 5 volumes]./ Tom 4 Ada, ili Radosti strasti [Volume 4. Ada or Ardor: A Family Chronicle] SPb.: Symposium, 1997. 672 p.
4. Sobranie sochinenij amerikansoko perioda v 5 tomah [Selected works of American period in 5 volumes]./ Tom 4 Ada, ili Radosti strasti [Volume 4.Transparent Things] SPb.: Symposium, 1999. 704 p.
5. *Lyaskovets T.* Approaching Nabokov with Bergson on Time: Why Spatializing Time? [Elektronnyi resurs] Kaleidoscope. 2013. V. 5, № 2 URL: <https://community.dur.ac.uk/kaleidoscope/index.php/kaleidoscope/article/view/70> (Accessed: 01.24.2016).
6. *Mattison L.* "Nabokov's Aesthetic Bergsonism: An Intuitive, Reperceptualized Time." Mosaic: a journal for the interdisciplinary study of literature. 2013. 46.1: pp. 37–52.
7. *Toker Leona.* Nabokov and Bergson. // The Garland Companion to Vladimir Nabokov / Ed. by Vladimir E. Alexandrov. New York: Garland Pub, 1995. pp. 367–373.
8. *Toker Leona.* Nabokov. The Mystery of Literary Structures. Ithaca and London: Cornell University Press, 1989. 243 p.

Славянский вопрос в русской поэзии: от Пушкина до Достоевского¹

Шмелева А.В.,

кандидат филологических наук, доцент, зав.кафедрой методики преподавания русского языка и литературы ИФИ МГОУ; Президент Ассоциации педагогов Московской области «Учителя русского языка и литературы», Москва, Россия, lugganna@yandex.ru

Ковалева А.Е.

воспитанница Московского кадетского корпуса, «Пансион воспитанниц Министерства обороны Российской Федерации», Москва, Россия

А.С. Пушкин – один из первых поэтов, который возвысил свой голос в поддержку внешней политики России относительно славянских народов, терпящих унижение от турецкой власти, и провозгласил о том, что Европа не должна вмешиваться в деятельность славян, защищающих свои государственные интересы и национально-исторические традиции. Проблема, поставленная А.С. Пушкиным о единстве славянского мира и России, станет знаковой для следующего поколения русских мыслителей – славянофилов А.С. Хомякова, Ю.Ф. Самарина, И.А. Аксакова, Н.М. Языкова и др. Творческое общение А.С. Пушкина с будущими славянофилами послужило выработке принципов историзма и народности в истории русской словесности и определению вектора русской общественной мысли. Обращение к историческому прошлому Отечества и национальным идеалам стало основой формирования православно-славянского мировоззрения ранних славянофилов. Идеализация ими культурно-исторической базы трансформировалась в своеобразную духовно-просветительскую программу. Под непосредственным воздействием поэзии А.С. Пушкина были определены литературно-эстетические и историософские критерии. Стихотворение Ф.М. Достоевского «На европейские события в 1854 году» вливалось в единый голос консервативного крыла писателей.

Ключевые слова: Россия, славянский мир, единство, историческая миссия, национальная независимость, славянофилы.

Для цитаты:

Шмелева А.В., Ковалева А.Е. Славянский вопрос в русской поэзии: от Пушкина до Достоевского [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2016. Том 3. №2. URL:

¹ Тезисы, содержащие результаты данного исследования, были озвучены на апрельских конференциях в МГППУ (XV Городская научно-практическая конференция «Молодые ученые – столичному образованию») и в Казанском государственном медицинском университете (VI Международная научно-практическая конференция «Язык в контексте межкультурных и национальных взаимосвязей», посвященной 10-летию кафедры русского и татарского языков), а также в публикациях сборников по материалам упомянутых конференций.

Шмелева А.В., Ковалева А.Е.
Славянский вопрос в русской поэзии: от Пушкина до
Достоевского
Язык и текст langpsy.ru
2016. Том 3. № 2. С. 37–53.
doi: 10.17759/langt.2016030205

Shmeleva A.V., Kovaleva A.E.
Slavic question in Russian poetry: from
Pushkin to Dostoevsky
Language and Text langpsy.ru
2016, vol. 3, no. 2, pp. 37–53.
doi: 10.17759/langt.2016030205

http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n2/Shmeleva_Kovaleva.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2016030205

For citation:

Shmeleva A.V., Kovaleva A.E. Slavic question in Russian poetry: from Pushkin to Dostoevsky [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [*Language and Text langpsy.ru*], 2016, vol. 3, no. 2. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n2/Shmeleva_Kovaleva.shtml (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2016030205

8 июня 1880 года Ф.М. Достоевский в своей речи о А.С. Пушкине, произнесенной на заседании Общества любителей российской словесности, отметил «пророческое» значение русского поэта, «всемирность и всечеловечность его гения», заключив тем, что «Если бы жил он [А.С. Пушкин – А.Ш., А.К.] дольше, может быть, явил бы бессмертные и великие образы души русской, уже понятные нашим европейским братьям, привлек бы их к нам гораздо более и ближе, чем теперь, может быть, успел бы им разъяснить всю правду стремлений наших, и они уже более понимали бы нас, чем теперь, стали бы нас предугадывать, перестали бы на нас смотреть столь недоверчиво и высокомерно, как теперь еще смотрят. Жил бы Пушкин долее, так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров, чем видим теперь. Но Бог судил иначе. Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем» [2, т.26, с.149]. Следует полагать, что о «великой тайне» А.С. Пушкина Ф.М. Достоевский начал размышлять довольно рано. Первый поэт России восхищал Ф.М. Достоевского смеслостью своих рассуждений о славянско-русском единстве. Желание Ф.М. Достоевского следовать традициям А.С. Пушкина довольно скоро проявилось в творчестве, когда в одном из ранних своих стихотворений «На европейские события в 1854 году» он словно продолжает развивать пушкинский замысел оды «Клеветникам России».

Во второй половине 1850-х годов Ф.М. Достоевский, действительно, на короткое время «заговорил» стихами. Стихотворение Ф.М. Достоевского «На европейские события в 1854 году» соответствовали общему настроению консервативного крыла литераторов, отреагировавших на отношение Европы к России, на события внутри России и на международную обстановку той поры. Стихотворение Ф.М. Достоевского «На европейские события в 1854 году» написано в связи с обострившимся конфликтом между Россией, с одной стороны, и Англией и Францией – с другой, после того как Англия и Франция объявили России войну. 11 апреля 1854 года в России был обнародован официальный манифест о войне. Непосредственным поводом к войне послужил спор России и Турции о святых местах в Иерусалиме и нежелание европейских стран – Англии и Франции поддержать в этом споре Россию.

Увлечение в это время христианской религиозностью сплетается в сознании Ф.М. Достоевского с размышлениями о судьбе России, о месте России в судьбах мира, о миссии России на христианском Востоке и славянских Балканах. В своем стихотворении Ф.М. Достоевский вспоминает политическую ситуацию в Европе в 1831–1832 гг., русско-польский конфликт, о котором писал А.С. Пушкин в послании «Клеветникам России». Обращаясь по примеру А.С. Пушкина к западным дипломатам и журналистам, Ф.М. Достоевский отвечает на их обвинения, вызванные восточной политикой России («Писали вы, что начал ссору русский...»). Как и А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский верит в историческое призвание России:

Спасемся мы в годину наваждений,
Спасут нас крест, святыня, вера, трон!
У нас в душе сложился сей закон,
Как знаменье побед и избавлений!

Мы веры нашей, спроста, не теряли
(Как был какой-то западный народ);
Мы верую из мертвых воскресали,
И верую живет славянский род.
Мы веруем, что Бог над нами может,
Что Русь жива и умереть не может! [3]

А.С. Пушкин – один из первых русских поэтов, кто возвысил свой голос в поддержку внешней политики России относительно славянских народов, терпящих унижение от турецкой власти, и провозгласил о том, что Европа не должна вмешиваться в деятельность славян, защищающих свои государственные интересы и национально-исторические особенности бытия. А в 1830-е годы в поэзии А.С. Пушкина эта тема приобрела внушительный размах. В 1830 году А.С. Пушкин пишет стихотворение «Стамбул гяуры нынче славят...», в котором поэт отмечает последствия влияния Западной Европы на правоверных мусульман:

Стамбул отрекся от пророка;
В нем правду древнего Востока
Лукавый Запад омрачил –
Стамбул для сладостей порока
Мольбе и сабле изменил.
Стамбул отвык от поту битвы
И пьет вино в часы молитвы.

[5, т.3, с.247]

А.С. Пушкин в это время находился в Болдине. Но, как известно, годом ранее (в 1829-м) А.С. Пушкин совершил путешествие в Закавказье, в действующую армию генерала И.Ф. Паскевича, который вел военные действия против Турции. А.С. Пушкину удалось побывать в старинной армянской крепости Арзрум, отвоеванной еще в 1828 году у Турции. Стихотворение вошло в текст пятой главы «Путешествия в Арзрум». А.С. Пушкин убежден, что «Веры чистый луч потух» в Стамбуле вследствие того, что Стамбул стал прельщен «лукавым» Западом: стал пить вино в часы молитв, стал предаваться разврату и развлечениям. Мощным антиподом Стамбулу является Арзрум. А.С. Пушкин противопоставляет измены древнего Востока и верность традициям арзрумских джигитов:

Но не таков Арзрум нагорный,
Многодорожный наш Арзрум:
Не спим мы в роскоше позорной,
Не черпем чашей непокорной
В вине разврат, огонь и шум.
Постимся мы: струею трезвой
Одни фонтаны нас поят;
Толпой неистовой и резвой
Джигиты наши в бой летят.

Мы к женам, как орлы, ревнивы,
Харемы наши молчаливы,
Непроницаемы стоят.
[5, т.3, кн.1, с.247-248]

Повторяющиеся в стихотворении местоимения «мы», «наш», «наши» создают ощущение сопричастности вечным ценностям, некоей нравственной эйкумены народов, базирующимся на вере и верности.

Г.П. Макогоненко отмечает, что «В наследии Пушкина реалистического периода (с 1823 по 1830 год включительно) значительное место занимают блистательные лирические стихотворения. (После 1830 года любовных стихотворений Пушкин не писал.)» [4; 76]. Н.Л. Степанов обращает внимание на то, что «В лирике Пушкин с большой глубиной и правдивостью передает свои переживания, мысли и настроения, характеризующие его духовный мир, воссоздающие его внутренний облик. Поэтому для лирики Пушкина отнюдь не безразлично, к кому обращено то или иное стихотворение, с каким жизненным моментом его биографии оно связано. Точность и конкретность поэтических образов проясняются нашим знанием тех обстоятельств, того адресата, с которыми соотносено то или иное стихотворение. Расшифровка автобиографических намеков помогает понять лучше душевное состояние Пушкина, его мироощущение, отразившееся в данном стихотворении, способствует уяснению поэтической ткани его стихов» [6, с. 104-105]. С 1830 года в творчестве А.С. Пушкина уверенно заявляют о себе и новые темы: А.С. Пушкин создает «Бесы», «Повести Белкина», «маленькие трагедии». Скорее всего, осознание роли России в славянском мире привело А.С. Пушкина к философским размышлениям и судьбе своего собственного творчества.

«Путешествие в Арзрум» стало своеобразной кульминацией творчества той поры. Наблюдения А.С. Пушкина над жизнью кавказских народов привели к философским раздумьям о христианских ценностях, о судьбе Византии как Второго Рима. Град Константина Великого – некогда духовного оплота православного мира, померк под натиском мусульманской Турции. В стихотворении «Олегов щит», опубликованном А.С. Пушкиным в 1830 году в альманахе «Северные цветы», поэт обращается к истории русско-византийских отношений. Поводом к написанию послужил Адрианопольский мир (2 сентября 1829 года), прекративший русско-турецкую войну. Тогда русская армия перешла Балканы и остановилась в 240 км. от Константинополя – в Адрианополе, где и был подписан мирный договор.

Когда ко граду Константина
С тобой, воинственный варяг,
Пришла славянская дружина
И развила победы стяг,
Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву греку в стыд и страх,
Ты пригвоздил свой щит булатный
На цареградских воротах.
Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрели.
Но днесь, когда мы вновь со славой

К Стамбулу грозно притекли,
Твой холм потрясся с бранным гулом,
Твой стон ревнивый нас смутил,
И нашу рать перед Стамбулом
Твой старый щит остановил.

[5, т.3, кн.1, с.166]

А.С. Пушкин вспоминает воинственного киевского князя Олега, который, согласно «Повести вре́менных лет», в лето 6415 (907 год) совершил морской поход на Константинополь и заключил на весьма выгодных для русичей условиях мир. С.А. Фомичев заметил, что А.С. Пушкин обратил внимание на совпадение в датах заключения Андрианопольского договора и заключения Договора Олега с греками и «хотел подчеркнуть как раз «парадоксальное несход–ство двух исторических событий» [9, с. 129–130]. Смеем утверждать, что художественная деталь – «старый щит», которую использует А.С. Пушкин, выражает философское осмысление истории – русские войска не вошли в Константинополь. Заветная мечта русских монархов вернуть Крест на Царьградскую Софию осталась не осуществленной. Находясь на дипломатической службе в Баварии, Ф.И. Тютчев вслед за А.С. Пушкиным в стихотворении «Императору Николаю I» <с немецкого> откликнулся на заключение Андрианопольского договора между Россией и Турцией, предоставившего автономию Греции по отношению к Турции, прославив русского императора и выразив многовековую надежду на возрождение духовной славы православных греков:

Стамбул исходит –
Константинополь воскресает вновь...

[8, т.1, с.72–73]

По прошествии двадцати лет в стихотворении «Нет, карлик мой! трус беспримерный!..», обращенном к канцлеру графу К.В. Нессельроде, проводившему проавстрийскую политику, Ф.И. Тютчев вновь задумывается об исторической миссии России, он сумел воплотить и идеалы, и надежды, и веру в предназначение России:

То, что обещано судьбами
Уж в колыбели было ей,
Что ей завещано веками
И верой всех ее Царей, –

То, что Олеговы дружины
Ходили добывать мечом,
То, что орел Екатерины
Уж прикрывал своим мечом, –

Венца и скипетра Византии
Вам не удасться нас лишить!
Всемирную судьбу России –

Нет! Вам ее не запрудить!..

[8, т.2, с.16]

К образу победоносного Киевского князя Олега Ф.И. Тютчев обращается в стихотворении «Олегов щит» (1829). Во время русско-турецкой войны в осмыслении и А.С. Пушкина и Ф.И. Тютчева ратный щит русича-князя на царских вратах Царь-града приобретал смысл победного знака, из глубин истории взывающий к ратному подвигу:

О, наша крепость и оплот!
Великий Бог! веди нас ныне,
Как некогда ты вел в пустыне
Свой избранный народ!..

Глухая полночь! Все молчит!
Вдруг... из-за туч луна блеснула
И над воротами Стамбула
Олегов озарила щит.

[8, т.1, с.71]

Византийская тема рефреном проходит через всю поэзию Ф.И. Тютчева, что нашло свое отражение в стихотворениях «Рассвет» (1849), «Пророчество» (1850), «Тогда лишь в полном торжестве...» (1850), «Уж третий год...» (1850), «Море и утес» (1850), «Ты долго ль будешь за туманом / Скрываться, Русская звезда...» (1866) и др. В стихотворении «Русская география» (1848/1849) Ф.И. Тютчев уже заявлял о богоизбранности Русской земли и ее великого исторического призвания:

Москва и град Петров, и Константинов град –
Вот царства Русского заветные столицы...
Но где предел ему? и где его границы –
На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временамсцдъбы их обличат...

Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги до Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство Русское.. и не прейдет вовек,
Как то провидел Дух и Даниил предрек.

[8, т.1, с.200]

Это стихотворение Ф.И. Тютчев создавал под впечатлением от европейских февральско-мартовско-апрельских событий 1848 года, одновременно начиная работу над публицистическими трактатами «Россия и революция», «Папство и римский вопрос»,

рассуждая о политической судьбе Европы и укрпляясь в предначертанном России служении в мире и миру.

На знаменах своего творчества Ф.И. Тютчев запечатлел образ А.С. Пушкина и после гибели поэта в стихотворении «29-е января 1837 года» («Из чьей руки свинец смертельный...») сделал признание от всего русского народа: «Тебя, как первую любовь, России сердце не забудет!..» [8, т.1, с.175]. И.С. Аксаков в речи на открытии памятника А.С. Пушкину в Москве 8 июня 1880 года, вспоминая пушкинский «Олегов щит», признал: «Да, Пушкин был живой русский, исторический человек. Историческое чувство, историческое сознание!.. Да ведь это значит – уважение к своей земле, признание исторических прав своего народа на самобытную историческую жизнь и органическое развитие; постоянная память о том, что перед нами не мертвый материал, из которого можно лепить какие угодно фигуры, а живой организм, великий, своеобразный, могучий народ русский, с его тысячелетней историей» [1].

У А.С. Пушкина византийская тема вытекала из славянской. Тема древнего славянства была дорога А.С. Пушкину. Еще в 1822 году в альманахе «Северные Цветы» поэт опубликовал «Песнь о Вещем Олеге», в которой запечатлел предание о гибели князя-воина от своего коня. Однако «Всю песнь пронизывает цареградский мотив, христианский. Со своей дружиной Олег едет по полю в «цареградской броне», он воевал в самой столице Византийской империи (907), прибил на ее царских вратах свой ратный щит. Русско-Византийская история знает о бесстрашии и воинской доблести князей-русичей, история сохранила не один Договор славян с греками. Договор Олега с греками (911) вошел в историю как первый официальный документ дипломатических отношений» [11, с. 147]. В 1830 году, вслед за стихотворением «Стамбул гяуры нынче славят...», А.С. Пушкин пишет стихотворение, обращенное к Греции.

Восстань, о Греция, восстань.
Недаром напрягала силы,
Недаром потрясала брань
Олимп и Пинд и Фермопилы.
Под сенью ветхой их вершин
Свобода юная возникла,
На гробах Перикла,
На мраморных Афин.
Страна героев и богов
Расторгла рабские вериги
При пеньи пламенных стихов
Тиртея, Байрона и Риги.

[5, т.3, кн.1, с.169]

Б.В. Томашевский высказал предположение о том, что стихотворения А.С. Пушкина «Опять увенчаны мы славой...» и стихотворение «Восстань, о Греция, восстань...» – являются единым стихотворным текстом. Стихотворение стало известно только в 1903 году благодаря историку литературы И.А. Шляпкину, который, в свою очередь, получил его от своего племянника – писателя П.В. Анненкова. Как известно, это стихотворение А.С. Пушкин так и не напечатал [12, с. 270]. Борьба Греции за свою национальную независимость и участие России в защите национально-исторических интересов братских по вере народов, видимо, остро волновали А.С. Пушкина:

Опять увенчаны мы славой,
Опять кичливый враг сражен,
Решен в Арзруме спор кровавый,
В Эдырне мир провозглашен.
И [дале] двинулась Россия,
И юг державно облегла,
И пол-Эвксина вовлекла
[В свои объятия тугие].
[5, т.3, кн.1, с.168]

Тема греческого сопровствления опосредованно возникнет в повести А.С. Пушкина «Выстрел», вошедшей в цикл повестей «Покойного Ивана Петровича Белкина». А.С. Пушкин был вдохновлен желанием русских добровольцев помочь восставшему греческому народу. Прототипом главного героя стал, как известно, друг А.С. Пушкина, сын обрусевшего испанского гранда генерал-майор И.П. Липранди, блестящий знаток истории Оттоманской империи (с 1828 года – глава высшей тайной заграничной полиции), а сокурсник А.С. Пушкина по Лицею Сильверий Броглио «дал» фамилию пушкинскому герою. Сильверий Броглио был родом из Италии, потому по окончании обучения уехал в Италию и там примкнул к освободительному движению против королевской власти, за что в 1821 году был лишен всех званий и регалий, но в 1824 году он вновь среди восставших – на этот раз за свободу Греции от османского ига. Сильверий Броглио героически погиб. Погиб и герой повести А.С. Пушкина «Выстрел»: «Сказывают, что Сильвио, во время возмущения Александра Ипсиланти, предводительствовал отрядом этеристов и был убит в сражении под Скулянами» [5, т.8., кн.1, с.74].

В 1831 году А.С. Пушкин пишет послание «Клеветникам России» («О чем шумите вы, народные витии?»). Для самого А.С. Пушкина оно имело особую ценность, поскольку за 1831–1832 годы было опубликовано трижды. Впервые вошло в печатную брошюру «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина» (СПб., 1831. С.7-9). В стихотворении «Клеветникам России» А.С. Пушкин прямо обратился к «народным витиям» – депутатам французской палаты маркизу де Ла Файету (Лафайету), который в феврале 1831 года возглавил Польский комитет и призывал Францию поддержать поляков в вооруженном выступлении против России, и Франсуа Могену, вместе с генералом Максимилианом Ламарком активно призывавшему к военному вмешательству на стороне Польши, а также к европейским журналистам, обращавшимся к европейским странам вмешаться во внешнюю политику России относительно Польши – Польша тогда в 1830-1831 годах восстала против власти Российской империи на территории Царства Польского. Мятеж был подавлен, но вызвал массу клеветы и осуждения со стороны европейских держав. А.С. Пушкин словно включился в этот диалог:

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? Волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.
[5, т.3, кн.3, с.269]

Сохранился черновой текст письма А.С. Пушкина, написанного графу А.Х. Бенкендорфу, который в очередной раз подчеркивает смелость поэта и его активное участие в защите интересов России: «Ныне когда справедливое негодование и старая народная вражда, долго растравляемая завистию, соединила всех нас противу Польских мятежников; озлобленная Европа нападает покаместь на Россию, не оружием, но ежедневной, бешеной клеветою – [Пр<авительства>] конституционные правительства хотят мира, а молодые поколения, волнуемые журналами, требуют войны.... Пускай позволят нам Русским писателям отражать бесстыдные и невежественные нападения иностранных Газет. С радостью взялся бы я за редакцию Политического и Литературного Журнала, т.е. такого, в коем печатались бы политические и заграничные новости – около которого соединил бы писателей с дарованиями и таким образом приблизил бы к правительству людей полезных, которые всё еще дичатся, напрасно полагая его неприязненным к Просвещению» [5, т.14, с.283-284].

В 1834 году А.С. Пушкин вновь обращается к славянской теме. Он создает цикл стихотворений «Песни западных славян». В предисловии к «Песням...» А.С. Пушкин признается в том, что часть этих песен он позаимствовал из книги Проспера Мериме *La Guzla, ou choix de Poésies Illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzégowine*, вышедшей в Париже в 1827 году. Подлинность песен была признана Адамом Мицкевичем, которому А.С. Пушкин, по его собственному признанию, доверял как «критику зоркому и тонкому и знатоку в славенской поэзии». А.С. Пушкин обратился к своему близкому другу С.А. Соболевскому, который, в свою очередь, был знаком с французским писателем, дабы выяснить, «на чем основано изобретение странных сих песен». П. Мериме откликнулся быстро, написав русскому адресату довольно пространное и откровенное письмо.

А.С. Пушкин же с увлечением стал работать над материалом европейского коллеги. Ряд песен посвящен национальному сопротивлению сербов и черногорцев «Битва у Зеницы-Великой», «Гайдук Хризич», «Песня о Георгии Черном», «Воевода Милош». В песне «Видение короля» обращает на себя внимание тот исторический факт, который А.С. Пушкин приводит: речь идет о короле Стефане, брат которого, не смирившись с тем, что Стефан стал единоличным правителем в 1460 году после убийства ими отца Фомы I, переметнулся в Турцию к султану Магмету II; Стефан же, послушав наставление Ватикана, пошел войной на турков и потерпел поражение: в Ключ-городе Стефан попал в плен и за отказ перейти в мусульманство принял мученическую кончину. За рамками сюжета остается принуждение короля папским легатом к войне против Турции, внимание сосредоточено на видении короля, которое станет пророчеством. Получается, что внешне – по реальному сюжету король Стефан готов к мучениям, расплачиваясь за убийство отца, с другой – за рамками остается большая политическая игра Ватикана, сталкивающего западных славян с турками.

В «Песнях западных славян» сплетены и героическое прошлое славянских народов и их современная история. И проблема, поставленная А.С. Пушкиным о единстве славянского мира и России, станет знаковой для следующего поколения русских мыслителей – славянофилов А.С. Хомякова, Ю.Ф. Самарина, И.А. Аксакова, Н.М. Языкова и др. Творческое общение А.С. Пушкина с будущими славянофилами послужило выработке принципов историзма и народности в истории русской словесности и определению вектора русской общественной мысли. Обращение к историческому прошлому Отечества и национальным идеалам стало основой формирования православно-славянского мировоззрения ранних славянофилов. Идеализация ими культурно-исторической базы трансформировалась в своеобразную духовно-просветительскую программу. Под непосредственным воздействием поэзии А.С. Пушкина были определены литературно-эстетические и историософские критерии.

События 1828–1829 годов вызвали патриотический подъем в среде передовой писательской молодежи. Так, А.С. Хомяков с началом войны вновь на военной службе: участвует в осаде крепости Шумла, разрабатывает дальнобойное оружие, дважды ранен... по

пути на Дунай и в течение всей кампании пишет стихи «Экспромт. К Н.А. Муханову», «Сон», «Прощание с Адрианополем» и др. Последующие события в Польше также нашли отражение в «Оде (на Польский мятеж)». Но в отличие от своего великого современника А.С. Пушкина, А.С. Хомяков пошел дальше: он высказал мысль, которая станет доминирующей в программах славянофилов – единение всех славян под эгидой «Северного Орла» (России):

И взор поэта вдохновенный
Уж видит новый век чудес...
Он видит: гордо над вселенной,
До свода синего небе,
Орлы Славянские взлетают
Широким дерзностным крылом,
Но мощную главу склоняют
Пред старшим Северным Орлом.
Их тверд союз, горят перуны,
Закон их властен над землей,
И будущих Баянов струны
Поют согласие и покой!..

[10, с. 136]

В дальнейших рассуждениях А.С. Хомякова и его славянофильского окружения мысль о России как защитнице «младших братьев» будет лишь усиливаться, и уже в начале 1850-х годов последуют открытые призывы к «славянским братьям» сражаться за свою национальную независимость и обращения к России – исполнить свое призвание:

России

Тебя призвал на брань святую,
Тебя Господь наш возлюбил,
Тебе дал силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слепых, безумных, буйных сил.

Вставай, страна моя родная,
За братьев! Бог тебя зовет
Чрез волны гневного Дуная,
Туда, где, землю огибая,
Шумят струи Эгейских вод.

Но помни: быть орудьем Бога
Земным созданиям тяжело.

Своих рабов Он судит строго,
А на тебя, увы! как много
Грехов ужасных налегло!

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорей омой
Себя водою покаянья,
Да гром двойного наказанья
Не грянет над твоей главой!

С душой коленопреклоненной,
С главой, лежащею в пыли,
Молись молитвою смиренной
И раны совести растленной
Елеем плача исцели!

И встань потом, верна призванью,
И бросься в пыл кровавых сеч!
Борись за братьев крепкою бранью,
Держи стяг Божий крепкой дланью,
Рази мечом – то Божий меч!

[10, с. 221-222]

Стихотворения А.С. Хомякова вызвали мощный общественный резонанс не только в России, но и далеко за ее пределами. О А.С. Хомякове заговорили как о поэте, призывающем к объединению «окованных братьев» славян под скипетром Российской державы. А.С. Хомяков, пожалуй, единственный из поэтов его времени, кто мог обосновать богоизбранность России в защите интересов славянства, при этом вовсе не идеализируя России, история которой знает и «темные пятна». Призывая к осознанию своих грехов, А.С. Хомяков призывает к покаянию, без которого невозможно исполнить Промысел Божий. Покаяние, как можно судить по А.С. Хомякову, ведет к ответственности поколений перед судом истории за прошлое и определяет настоящее, см., например: «России («Гордись! – тебе льстецы сказали...») (1839), «Исповедь («Не говорите:

”То былое, То старина, то грех отцов...”») (1844) и др. В одном из вариантов «Исповеди русских» (так первоначально называлась «Исповедь») А.С. Хомяков, под воздействием историософии А.С. Пушкина, призывает к покаянию и в грехе цареубийства: «За клевету на Годунова, / За смерть и стыд его детей, / За Тушино, за Ляпунова, / За пьянство бешеных страстей...». Личный духовный опыт, преодоление жизненных коллизий привело А.С. Пушкина к осмыслению философии истории и философии литературы. Со второй половины 1820-х годов в А.С. Пушкине уже говорит поэт-государственник, поэт-геополитик, поэт, последовательно выражающий национальные интересы России. И славянофилы начертали пушкинское слово на своих знаменах!

1. Ф.М. Достоевский всю жизнь высоко ценил творчество А.С. Пушкина. В апреле 1854 года в стихотворении «На европейские события в 1854 году» он вспоминает исторические события, характер которых уже имел место быть – когда европейские политики вытались диктовать условия России. Обращаясь по примеру А.С. Пушкина к западным дипломатам и журналистам, Ф.М. Достоевский отвечает здесь на обвинения, вызванные восточной политикой России. Стихотворение «На европейские события в 1854 году» отличает острое политическое звучание. По своей тематике оно было актуальным. В нем отразилась реакция Ф.М. Достоевского на происходящие в Европе события. Россия – вновь в центре международного конфликта. Поэты-славянофилы (а это были люди пушкинского окружения) в первые месяцы после начала военных действий были склонны рассматривать войну как испытание, нужное России для ее возрождения, и вместе с тем как средство для освобождения славянских народов из-под власти Турции и для будущего торжества православного Востока над католическим Западом [7].

И хотя стихотворение Ф.М. Достоевского было актуальным, оно не было напечатано в «Санкт-Петербургских ведомостях» (в рубрике «Восстание христиан на Востоке», как предполагал Ф.М. Достоевский). Известно также, что стихотворение было представлено 1 мая 1854 года командиром батальона в Штаб отдельного Симбирского корпуса с ходатайством автора «о дозволении поместить оное в «Санкт-Петербургских ведомостях». В свою очередь, начальник штаба 26 июня 1854 года препроводил стихотворение управляющему III Отделением Его Императорского Величества канцелярии Л.В. Дубельту. Разрешения от III Отделения Е.И.В. канцелярии на печатание стихотворения Ф.М. Достоевского не последовало. Автограф стихотворения так и остался в деле III Отделения «Об инженер-поручике Федоре Достоевском». При жизни писателя стихотворение опубликовано не было, впервые оно увидело своего читателя в «Литературном приложении» консервативной газеты «Гражданин» (1881, №1), издателем которой был князь В.П. Мещерский (а в 1873-1874 годах Ф.М. Достоевский был редактором газеты, к тому времени уже имевший опыт в журналах «Век» и «Эпоха»).

В стихотворении Ф.М. Достоевского отражена реакция России на происходящие в Европе события и впечатления от отгремевших залпов Крымской или Восточной войны, в результате которой Россия не смогла усилить свое влияние на Балканах и помочь в отстаивании национальных интересов балканским народам, а также потеряла Черноморский флот. При этом в стихотворении доминируют высокие патриотические настроения автора, определяемые, в первую очередь, осмыслением исторической миссии России – России как гаранта безопасности на Балканах, как защитницы славянских интересов всего славянского мира. Идеи о славянском единстве были навяны А.С. Пушкиным, потому Ф.М. Достоевский обращается в своем стихотворении к теме, которая его великим предшественником была выстрадана. Ф.М. Достоевский убежден в неколебимости России и непобедимости русского народа, у которого есть несокрушимая статья – его вера в историческое предназначение:

Не вам судьбы России разбирать!

Неясны вам ее предназначенья!
Восток – ее! К ней руки простирать
Не устают миллионы поколений.
И властвуя над Азией глубокой,
Она всему младую жизнь дает,
И возрожденье древнего Востока
(Так Бог велел!) Россией настает.
То внове Русь, то подданство царя,
Грядущего роскошная заря! [3]

В стихотворении Ф.М. Достоевского «На европейские события в 1854 году» отразились общественно-политические взгляды, сконцентрированные на проблеме «Россия и Европа». Эта проблема по-прежнему была в центре внимания передовых литераторов и публицистов той поры, в частности, Ф.И. Тютчева и славянофилов. В разгар Крымской войны Ф.И. Тютчев пишет ряд стихотворений «Теперь тебе не до стихов, О слово русское, родное», «Вот от моря и до моря Нить железная скользит...» и др., которые дополняет стихотворение, написанное в связи с религиозно-освободительным движением греков-христиан острова Крит против турецкого господства над ними – «Ты долго ль будешь за туманом Скрываться, Русская звезда...» (1866), вновь затрагивающая тему России и ее миссии по защите единоверных народов. В творчестве Ф.М. Достоевского наблюдается свой, оригинальный взгляд на решение данной проблемы, соотносящийся с его последующим прозаическим творчеством (письмами, публицистикой).

Стихотворения Ф.М. Достоевского, написанные в середине 1850-х годов, и особенно – «На европейские события в 1854 году» предвосхищают его общественно-политическую публицистику последующих десятилетий. Коронация императора, по случаю которой Ф.М. Достоевскому было объявлено помилование, совпала с обращением Ф.М. Достоевского к новой форме творчества – поэзии. Этот небольшой цикл стихотворений («На первое июля 1855 года», «На коронацию и заключение мира», «На европейские события в 1854 году») не выглядит инородным в контексте всего творчества писателя-мыслителя. В творческом наследии русских художников слова XIX столетия – Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, А.П. Чехова и др., которых справедливо называют «властителями дум», можно обнаружить поэтические произведения. Поэзия во многом способствовала определению творческого пути, была своеобразным вектором, направляющим творчество. В упражнении поэзией, как можно предположить, выработывалась и особая стилистическая манера, нередко проявляющаяся в лирических отступлениях и лиризме прозы.

В исследовательской литературе о Ф.М. Достоевском сложилось устойчивое убеждение о том, что создавая политические стихотворения, Ф.М. Достоевский преследовал прежде всего цель убедить правительство в своей благонадежности и сделать попытку начать печататься. Возможно, это и так. Но Ф.М. Достоевский к этому времени был человеком, с которым произошел духовный и мировоззренческий переворот. В 1854 году Ф.М. Достоевский уже иначе смотрит на возможности проявления своей общественной позиции, которую уже можно охарактеризовать как консервативную. Наблюдение над судьбами «униженных» и «оскорбленных», характером простого русского человека, пусть и дошедшего до дна жизни, раскрыло знание самой жизни. Очевидно, публикация данного материала должна была заявить о Ф.М. Достоевском как о ярком мыслителе, которому небезразлична судьба России и который понимает ее историческую миссию:

Смешно французом русского пугать!

Знакома Русь со всякою бедой!
Случалось ей, что не бывало с вами.
Давил ее татарин под пятой,
А очутился он же под ногами.
Но далеко она с тех пор ушла!
Не в мерку ей стать вровень даже с вами;
Заморский рост она переросла,
Тянуться ль вам в одно с богатырями!
Попробуйте на нас теперь взглянуть,
Коль не боитесь голову свихнуть!
Страдала Русь в боях междоусобных,
По капле кровью чуть не изошла,
Томясь в борьбе своих единокровных;
Но живуча святая Русь была! [3]

Ф.М. Достоевский всю жизнь словно следовал традициям А.С. Пушкина. Как и А.С. Пушкин, он был опальным, как и А.С. Пушкин он засвидетельствовал своим творчеством новый осмысленный путь – путь служения России словом. «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа», – сказал Гоголь. Прибавлю от себя: и пророческое. Да, в появлении его заключается для всех нас, русских, нечто бесспорно пророческое. Пушкин как раз приходит в самом начале правильного самосознания нашего, едва лишь начавшегося и зародившегося в обществе нашем после целого столетия с петровской реформы, и появление его сильно способствует освещению темной дороги нашей новым направляющим светом. В этом-то смысле Пушкин есть пророчество и указание» [2, т.26, с.129]. Таким пророчеством и указанием стал А.С. Пушкин и для самого Ф.М. Достоевского. В последующие 1870-е годы тема славянского единства приобретет новое звучание в русской поэзии и публицистике, а славянские народы, угнетаемые Османской властью, наконец, добьются независимости и под покровительством Российской Империи начнут обустривать свое государственное бытие.

Литература

1. *Аксаков И.С.* Речь о А.С. Пушкине / Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика / Сост., вступит, статья и коммент. А.С. Курилова. М.: Современник, 1981. (Б-ка "Любителям российской словесности") // http://az.lib.ru/a/aksakow_i_s/text_0130-1.shtml
2. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. / Ред. коллегия: В.Г. Базанов, Ф.Я. Прийма, Г.М. Дридендер и др. Л.: «Наука», 1972-1990.
3. *Достоевский Ф.М.* Интернет-ресурс http://modernlib.ru/books/dostoevskiy_fedor_mihaylovich/stihotvoreniya_i_stihotvornie_nabroski_shutochnie_stihi_parodii_epigrammi/read

4. *Макогоненко Г.П.* Творчество А.С. Пушкина в 1830-е годы (1830-1833). Л.: Художественная литература, 1974.
5. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. / Ред. комитет: М. Горький, Д.Д. Благой, С.М. Бонди, В.Д. Бонч-Бруевич, Г.О. Винокур, А.М. Деборин, П.И. Лебедев-Полянский, Б.В. Томашевский, М.А. Цявловский, Д.П. Якубович. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959.
6. *Степанов Н.Л.* Лирика Пушкина. Очерки и этюды. М.: Советский писатель, 1989.
7. *Тарле Е.В.* Крымская война. М.; Л., 1950. Т.1. С.449-452.
8. *Тютчев Ф.И.* Полн. собр. соч. Письма: В 6-ти т. / Сост. В.Н. Касаткина. М.: Издательский Центр «Классика», 2003.
9. *Фомичев С.А.* «Загадочное» стихотворение Пушкина «Олегов щит» / Болдинские чтения. Горький, 1981.
10. *Хомяков А.С.* Стихотввоерния / Сост., вступ. ст. и коммент. В.А. Кошелева. М.: Прогресс-Плеяда, 2005. 704 с.
11. *Шмелева А.В.* А.С. Пушкин и славянофилы. О влиянии поэта на творческое самоопределение ранних славянофилов // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2011. № 3. с. 142-149. <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/135>
12. *Щеголев П.Е.* Ненаписанные стихотворения Пушкина // Исторический вестник, 1904. Январь.

Slavic question in Russian poetry: from Pushkin to Dostoevsky

Shmeleva A.V.,

PhD (Philology), Associate Professor, Head of a chair of methods of teaching Russian language and literature, President of the Association of teachers of the Moscow region "Teachers of Russian Language and Literature, Moscow, Russia, lug-anna@yandex.ru

Kovaleva A.E.,

student, Russian Defense Ministry's boarding school for girls, Moscow, Russia

A.S. Pushkin is one of the first poets who raised his voice in support of Russia's foreign policy concerning to the Slavic peoples who were suffering from Turkish authorities' humiliation. He also declared that Europe should not interfere in the activities of the Slavs, who protected their national interests and the national and historical traditions. The problem will be a landmark for the next generation of Russian thinkers- slavophiles such as A.S. Khomyakov, Y.F. Samarin, I.A. Aksakov, N.M. Iazykov and others. Pushkin's creative communication with the future Slavophiles was the development of the principles of historicism and nation in the history of Russian literature and determining the vector of Russian social thought. Appeal to the historical past of the Fatherland and national ideals was the basis for the formation of the Orthodox-Slavic ideology of the early Slavophiles. The idealization of the cultural and historical base was transformed into a kind of spiritual and educational program. Under the influence of the Pushkin's poetry there were defined literary-aesthetic and historiosophical criteria. The poem by F.M. Dostoevsky «On the European events in 1854» was poured into a single voice of the conservative wing of the writers.

Key Words: Russia, the Slavic world, the unity, the historical mission, national independence, the Slavophiles.

References

1. *Aksakov I.S. Rech' o A.S. Pushkine / Aksakov K.S., Aksakov I.S. Literaturnaya kritika / Sost., vstupit, stat'ya i komment. A.S. Kurilova. M.: Sovremennik, 1981. (B-ka "Lyubatelyam rossijskoj slovesnosti") // http://az.lib.ru/a/aksakow_i_s/text_0130-1.shtml*
2. *Dostoevskij F.M. Poln. sobr. soch.: V 30 t. / Red. kollegiya: V.G. Bazanov, F.YA. Prijma, G.M. Dridlender i dr. L.: «Nauka», 1972-1990.*
3. *Dostoevskij* *F.M.* Internet-resurs [http://modernlib.ru/books/dostoevskiy_fedor_mihaylovich/stihotvoreniya_i_stiho tvornie_nabroski_shutochnie_stihi_parodii_epigrammi/read](http://modernlib.ru/books/dostoevskiy_fedor_mihaylovich/stihotvoreniya_i_stiho_tvornie_nabroski_shutochnie_stihi_parodii_epigrammi/read)

4. *Makogonenko G.P.* Tvorchestvo A.S. Pushkina v 1830-e gody (1830-1833). L.: Hudozhestvennaya literatura, 1974.
5. *Pushkin A.S.* Poln. sobr. soch.: V 16 t. / Red. komitet: M. Gor'kij, D.D. Blagoj, S.M. Bondi, V.D. Bonch-Bruevich, G.O. Vinokur, A.M. Deborin, P.I. Lebedev-Polyanskij, B.V. Tomashevskij, M.A. Cyavlovskij, D.P. YAkubovich. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937-1959.
6. *Stepanov N.L.* Lirika Pushkina. Ocherki i ehtyudy. M.: Sovetskij pisatel', 1989.
7. *Tarle E.V.* Krymskaya vojna. M.; L., 1950. T.1. pp. 449-452.
8. *Tyutchev F.I.* Poln. sobr. soch. Pis'ma: V 6-ti t. / Sost. V.N. Kasatkina. M.: Izdatel'skij Centr «Klassika», 2003.
9. *Fomichev S.A.* «Zagadochnoe» stihotvorenie Pushkina «Olegov shchit» / Boldinskij chteniya. Gor'kij, 1981.
10. *Homyakov A.S.* Stihotvvoerniya / Sost., vstup. st. i komment. V.A. Kosheleva. M.: Progress-Pleyada, 2005. 704 p.
11. *SHmeleva A.V.* A.S. Pushkin i slavyanofily. O vliyanii poehta na tvorcheskoe samoopredelenie rannih slavyanofilov // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (EHlektronnyj zhurnal). 2011. № 3. pp. 142-149. <http://evestnik-mgou.ru/Articles/View/135>
12. *SHCHegolev P.E.* Nenapisannye stihotvoreniya Pushkina // Istoricheskij vestnik, 1904. YAnvar'.

Методика работы с поэтическими произведениями при обучении русскому языку как иностранному

Глебова Е.Н.,

магистрант, кафедры «Лингводидактика и межкультурные коммуникации», факультет «Иностранные языки», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, evglebova@yandex.ru

Статья посвящена использованию поэтических произведений в практике обучения РКИ. С целью развития учебного, развивающего, воспитательного и познавательного аспектов языкового образования предлагаются принципы отбора поэтических произведений, рассмотрены соответствующие задания, работа с художественно-выразительными средствами языка, придающими эмоциональность произведению и яркость образам. С целью развития грамматических навыков автор статьи обращается к игровой методике и рассматривает различные виды игр. Тем самым работа с поэтическим текстом на занятии рассматривается не только как с фактом культуры, но и базой для определенного количества заданий, которые в своей совокупности обеспечивали бы включение всех аспектов языкового образования и видов речевой деятельности.

Ключевые слова: культура, поэтическое произведение, художественный текст, художественно-выразительные средства языка, эстетическое восприятие, развивающий потенциал, воспитательный потенциал, учебный аспект, познавательный аспект, стихотворение, парадигматические и синтагматические связи, грамматические навыки.

Для цитаты:

Глебова Е.Н. Методика работы с поэтическими произведениями при обучении русскому языку как иностранному [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2016. Том 3. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n2/Glebova.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2016030206

For citation:

Glebova E.N. The methods how to work with a poetry in teaching Russian as a foreign language [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [Language and Text langpsy.ru], 2016, vol. 3, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n2/Glebova.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2016030206

Пристальное внимание к культуре как явлению, неоспоримо значимому для воспитания, в педагогике не вызывает сомнений. Это обусловлено тем, что социальное и персональное пространство, историческое и личное время бытия человека наполнено предметами, отношениями, ценностями, информацией и технологиями, которые имеют непосредственное отношение к материальной и духовной культуре.

Факты культуры становятся для человека ценностью, приобретают «социальное, человеческое и культурное значение, связываются с познавательными и волевыми аспектами его индивидуальности, определяют его мотивацию, его мировоззрение и нравственные убеждения, становятся основой его духовной свободы и развития творческих сил, ориентирами деятельности, а, следовательно, и основой взаимопонимания» [4: с.48].

Проведенный анализ некоторых учебных пособий по русскому языку как иностранному, английскому, немецкому языкам позволяет сделать неутешительный вывод: поэтические произведения практически не используются с точки зрения их культуроведческой значимости. В поэтическом творчестве скорее видят средство изучения разных аспектов языка, не обращаясь к его культурной художественной ценности. Отметим, однако, что «художественный текст является уникальным текстовым материалом, как бы специально созданным для использования при обучении языку (в нашем случае - русскому как иностранному)» [2: стр.8]. Неоспоримость в данном случае преимуществ поэтического текста отмечали многие лингвисты. «С поэтическим текстом в эффективности не может соперничать ни прозаический текст, ни самое рационально составленное упражнение, так как присущее стихам возвращение к одним и тем же элементам языка – повтор звуков, слов, частей предложений, целых предложений, ритм и рифма – позволяет использовать поэтический текст не только как запоминающуюся иллюстрацию языкового явления, но и как эффективное упражнение» [3: стр.5].

С этой целью хотелось бы обратить внимание на различные издания, содержащие поэтические произведения и, несомненно, имеющие право занять свое место в учебном процессе: хрестоматии, антологии, учебные пособия и рабочие тетради по литературе. Они могут быть востребованы в качестве вспомогательного материала и как средство к тому, чтобы обогатить, приукрасить, разнообразить учебный материал урока. Ценность подобных изданий не только в обширно представленном поэтическом материале, но и содержащейся в них дополнительной литературоведческой информации.

В лингвистической литературе предлагается несколько способов использования поэтических сборников:

1) обучающимся представляют некий поэтический жанр, в рамках которого им предлагается создать поэтическое произведение, обязательным, в данном случае, являются примеры подобных произведений выдающихся авторов; нередко обучающиеся даже создают некое подражание предложенным примерам; заданием особого рода является написание произведения на заданную тему;

2) при собственно лингвистическом подходе обучающиеся создают поэтическое произведение, в основу которого могут быть положены художественно-выразительные средства языка: метафора, эпитет, сравнение, антитеза, грамматические трансформации, фонетические приемы.

Необходимо отметить также принципы отбора поэтических произведений с целью развития учебного, развивающего, воспитательного и познавательного аспектов языкового образования:

- 1) принцип полезности поэтического текста в образовательном плане,
- 2) принцип освоенности выбранного материала за определенный период обучения,
- 3) принцип включенности поэтического материала в формат образовательного процесса.

Необходимым условием успешности работы с поэтическим текстом на занятии является также «поэтическая настроенность» обучающихся. В. М.М. Бахтин отмечал: «Лирика – это видение и слышание себя изнутри эмоциональными глазами и в эмоциональном голосе другого: я слышу себя в другом, с другими и для других» [1; с. 74]. Важно создать общую атмосферу вдохновенности обучающихся, готовых к восприятию и осознанию поэтического текста. Здесь крайне важно отметить следующее: преподаватель сам должен уметь задать некий поэтический настрой в группе за счет собственного отношения и умения его выразить,

интонации, тональности, регистра, собственно способности работать в особом «поэтическом» ключе.

Выделим несколько ведущих критериев оценки развития умений, которые необходимы для должного восприятия и понимания русской культуры в диалогическом соотношении с родной культурой обучающихся:

- 1) критерий знания фактов и денотатов культуры;
- 2) критерий способности к грамматической трансформации;
- 3) критерий количества и качества ассоциативных связей за определенное время;
- 4) критерий умения сравнительного анализа фактов чужой культуры со своей культурой, умения видеть различия и сходства;
- 5) критерий способности эстетического восприятия.

Так как методика работы с поэтическими произведениями необычна, и требует не только особого настроения, но и особого подхода, при описании технологии работы основополагающими являются два основных момента: адекватно поставленный задачам комплекс заданий и технологическая основа для организации работы с данными заданиями.

Задания для реализации учебного аспекта подразумевают работу над лексической, грамматической, фонетической областями языка. Это задания, направленные на расширение и отработку словарного запаса, морфологии, синтаксического строя языка, задания, рассматривающие язык в системе.

Задания для реализации познавательного материала предполагают «приобретение знаний о культуре страны или стран изучаемого языка, включая литературу, музыку, архитектуру, живопись, историю и т.д.» [5: стр.12]: прочитать/прослушать текст, с описанием исторического и культурного фона стихотворения; сравнить стихотворение, написанное архаичным языком с двумя-тремя более современными версиями; осуществить необходимую подборку синонимов; создать свою небольшую «антологию» стихов о... (любви, войне и т.п.), написать к ней вступление. Конечно, сложность заданий варьируется в зависимости от этапа обучения.

Среди заданий, направленных на реализацию развивающего потенциала поэзии, могут быть такие задания: восстановить стихотворение, из которого были изъяты буквы или даже целые слова; найти завершение строки (стиха) или пропущенные слова (либо полностью самостоятельно, либо из списка слов); заменить выделенные слова синонимами и т.п.

Задания для реализации воспитательного потенциала поэзии представлены, например, такими заданиями: обсудить, какое поведение и чувства социально приемлемы в родной культуре в ситуации, описанной в стихотворении; обсудить ценности и представления, скрыто или явно отраженные в поэтическом произведении.

Один из самых сложных вопросов методики преподавания иностранных языков – формирование лексических навыков речи. Вслед за профессором Р.К. Миньяр-Белоручевым определим сущность лексического навыка как:

- Способность мгновенно вызывать из долговременной памяти эталон слова в зависимости от конкретной речевой задачи;
- Включать его в речевую цепь.

В этой связи отметим, что слова существуют в нашей памяти не отдельно друг от друга, а включены в сложную систему лексико-семантических отношений, которая подразумевает два

вида структурных отношений на уровне лексической единицы – парадигматические и синтагматические. Синтагматические связи – уровень линейного развертывания, уровень синтагмы, соединения слов в словосочетании и предложении. Парадигматические связи непосредственно связаны с различными уровнями грамматических, фонетических и других парадигм. Парадигматические, или вертикальные, связи слов включают не только формальный уровень лексико-грамматических парадигм, но и семантические поля и микросистемы, куда входят синонимы, антонимы, другие слова, близкие по контексту.

В качестве примера приведем следующие задания:

- Прочитайте стихотворение И.С.Никитина «Русь».

Условно его можно разделить на три части, которые группируются вокруг ключевых слов. Первая часть: начало стихотворения – стих «Моя родина/Православная!». Вторая часть: строка «Широко ты, Русь» - «О них плакали!..». Третья часть: стих «И теперь среди/Городов твоих» - последняя строка. Из каждой части стихотворения выпишите ключевые слова, создающие величественный и неповторимый образ России. Определите тематику стихотворения и затем создайте ассоциативную схему на данные темы.

- Подберите синонимические и антонимические ряды к следующим словам данного стихотворения: могучий, недруг, груды, зловещий, путь, нужда, полчища

- Приведите к архаичным словам, приведенным в стихотворении, современные аналоги: брань, кликнуть, кишит, пир, краса

- Выберите из текста стихотворения слова с наиболее общим значением

- Объясните значение приведенных словосочетаний: черный день, сложить голову, стать за честь, идти на поклон.

- Подберите к существительным жизнь, гости, слава, народ, меч как можно больше прилагательных и глаголов

- Дайте свою дефиницию словам царь, старина, казна

- Прокомментируйте пословицы со словами из стихотворения

Прибыла было честь, да не умел ее снести!

Железом золото добывается.

Добрая слава далеко ходит, а худая дальше.

Крайне важна, на наш взгляд, работа с художественно-выразительными средствами языка, придающими эмоциональность произведению и яркость образам. Опираясь на приведенный текст стихотворения, преподаватель должен обратить внимание обучающихся на тропы, употребленные автором поэтического произведения:

- Метафоры: шатер небес, цепи гор, пожар небес;

- Эпитеты: по седым морям, ярким заревом, Русь державная, в красе царственной, мглу непроглядную, нивы зрелые, слава громкая, воля смелая;

- Сравнения: мурава лугов ковром стелется, горами лед ходит;

Особый пласт выразительных средств представляют фразеологические обороты, на которые должен обратить внимание преподаватель: «муравьем кишит люд», «мать сыра-земля», «сложить голову». Пусть обучающиеся назовут запомнившиеся им обороты речи, эмоционально окрашенные выражения. Стоит в этой связи обратить внимание на некое

сходство данного стихотворения с фольклорными произведениями. Если последнее вызовет затруднение, преподавателю необходимо привести примеры

Определенные трудности появляются в овладении грамматическим строем иностранного языка. «Знать грамматику означает знать:

- форму;
- значение;
- употребление;
- речевую функцию того или иного грамматического явления» [5: стр.103].

В отечественной методике предполагается, что при обучении различным аспектам языка преподаватель должен обеспечить:

- ознакомление с материалом;
- тренировку материала;
- выход в речь изучаемого материала.

Овладение грамматикой предполагает не столько знание правил, сколько умение не задумываясь реализовать их в процессе речевого взаимодействия. Тренировочные упражнения здесь эффективны наряду с использованием условно-коммуникативных и собственно-коммуникативных упражнений. Некоторые лингвисты считают наилучшим способом решения данной задачи использование различных игр. Игры бывают:

- языковые и коммуникативные;
- направленные на совместное решение проблем и соревновательного характера;
- ориентированные на фронтальную/групповую/парную форму работы

В качестве примера приведем несколько игр:

- «лото»: обучающиеся получают карточки с поэтическим текстом, в котором пропущены предлоги. Преподаватель называет предлоги в любой последовательности. Побеждает тот, кто первым заполнит пропуски, не допустив при этом ошибок;

- Анкетирование: обучающиеся получают карточки с некими анкетными данными и заполняют их сначала индивидуально, а затем во время фронтальной работы проверяют правильность своих предсказаний.

Среди заданий на развитие грамматических навыков весьма успешны грамматические трансформации:

1) в плане морфологии (видовременные формы глагола, морфологические категории рода, числа, падежа имен существительных, имен прилагательных, образование сравнительных степеней прилагательных) и т.д.;

2) в плане синтаксиса: трансформация словосочетаний (на уровне согласования, управления, примыкания) и предложений (образование вопросительных предложений, осложнение простых предложений, расчленение сложных предложений) и т.д.

Необходимо отметить следующие моменты в работе над грамматическим материалом:

- 1) любое грамматическое явление необходимо зрительно фиксировать,
- 2) при изучении текста на уровне предложения нужно представить утвердительную, отрицательную и вопросительную формы,

3) использовать сравнительный анализ различных грамматических структур (вспомнить грамматические явления, существующие в родном языке, но отсутствующие в изучаемом иностранном и наоборот, явления, существующие в обоих языках, но образующиеся по-разному).

Крайне важно, чтобы в этот момент иноязычные обучающиеся не были пассивными наблюдателями действий преподавателя, не повторяли бы механически непонятные для них формы, а были включены в учебный процесс. Задача преподавателя объяснить также те речевые ситуации, в рамках которых «работают» эти грамматические конструкции. Игнорирование речевой функции ведет к забыванию изученного материала или даже с тем, что обучающиеся начинают путать конструкции. В приведенном поэтическом тексте стоит обратить внимание обучающихся на предложения с пропущенными сказуемыми, осложненные предложения с обращениями, вопросительными предложениями с частицей «ли», предложения с инверсией. В приведенном поэтическом произведении много предложений, осложненных однородными членами. Преподавателю стоит обратить на них внимание обучающихся как на особый прием выразительности.

Работа над фонетикой требует не меньше внимания, чем другие аспекты обучения иностранному языку. Если на начальном этапе перед преподавателем стоит задача сформировать навыки артикуляции, то на среднем и продвинутом этапах важно поддерживать сформированные навыки и способствовать их совершенствованию. Особое внимание стоит уделить не изученным ритмико-интонационным моделям, аудированию живой аутентичной речи, различных акцентов и т.д. В фонетические упражнения может входить чтение стихотворного текста, чтение сложных в фонетическом плане словосочетаний с постепенным нанизыванием слов, слушание с целью выбора определенной лексики, синхронное повторение за преподавателем, узнавание слов со слуха, повторение фраз с различной интонацией в зависимости от речевой ситуации и т.д.

Например, у обучающихся плохо сформирован звук [ж]. Рассмотрим эту работу на нашем примере:

1) выделить и прочесть в тексте слова с этим звуком, обращая внимание на позицию звука в слове (пожар, жизнь, жен и т.д.),

2) повторить за преподавателем данные слова, а затем целые предложения,

3) составить микродиалоги в рамках речевого контекста с использованием данных выражений. Тематика диалогов может совпадать с тематикой поэтического произведения.

Тренировочный характер упражнений предполагает содержательную, речевую, социокультурную ценность заданий. В практике обучения иностранному языку нельзя разорвать практические, образовательные, развивающие цели обучения. «Формирование языковой компетенции не стоит противопоставлять формированию речевой и социокультурной компетенций» [5: стр.115].

Дополним ряд заданий к приведенному стихотворению:

• Какие образы возникают в вашем сознании при чтении стихотворения? Как удастся автору совместить прошлое и настоящее в пространстве стихотворения?

• Обсудите исторические события, упоминаемые в произведении. Какие русские богатыри вам известны? В каких еще произведениях вам доводилось о них читать? О каких подвигах русского народа или отдельных его представителей вы знаете?

• Как отразилось изображение темы родины, ее исторического прошлого, природы на поэтике произведения?

- Почему, на ваш взгляд, возникает ощущение своеобразного «расширения времени» в произведении? Когда это чувство усиливается?
- Какое представление о России вы получили, прочитав данное произведение?
- Какие ценностные ориентиры, на ваш взгляд, задает автор стихотворения?
- Какие слова, на ваш взгляд, придают особый пафос произведению?
- Какие приемы использует автор для выражения особого отношения к своей отчизне?
- С какой целью автор использует вопросительные и восклицательные предложения? Как вы понимаете смысл их использования?

Итак, в целях организации методики работы с поэтическими произведениями как фактами культуры мы использовали все аспекты языкового образования - познавательный, развивающий, воспитательный и учебный, реализующиеся в четырех видах речевой деятельности (чтении, говорении, аудировании и письме). Упражнения, реализующие коммуникативную задачу, многофункциональны и многоаспектны. Суть работы преподавателя с поэтическим текстом на занятии заключается в том, чтобы, обсуждая стихотворение как факт культуры дать определенное количество заданий, которые в своей совокупности обеспечивали бы включение всех аспектов языкового образования и видов речевой деятельности. Гносеологически расчлененные в нашей работе учебный, познавательный, развивающий и воспитательный аспекты, в действительности, при изучении поэтического произведения часто представляют собой единое и неразрывное целое, которое может оказывать сильное образовательное воздействие на читателя.

Литература

1. *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности//Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Издательство «Азбука», 2000. С. 9-226
2. *Кулибина Н.В.* Художественный текст в лингводидактическом осмыслении. Дис.док.пед.наук. М., 2001. 328 с.
3. *Лебединская Б.Я.* Английская грамматика в стихах: пособие по английскому языку. М.: АСТ: Астрель, 2006. 220 с.
4. *Пассов Е.И.* Методология методики: Теория и опыт применения (Избранное). Липецк, 2002. 228 с.
5. *Соловова Е.Н.* Методика обучения иностранным языкам. М.: Просвещение, 2005. 239 с.

The methods how to work with a poetry in teaching Russian as a foreign language

Glebova E.N.,

master student, Department of Linguodidactics and Intercultural Communication, Faculty of Foreign languages, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
evglebova@yandex.ru

The article is devoted to using poetry in the practice of teaching Russian as foreign. With the aim of developing educational, developmental, educational and cognitive aspects of language education suggests principles for the selection of poetic works, are considered appropriate tasks, working with artistic and expressive means of the language adds emotion to the product and the brightness of the images. Development of grammatical skills, the author of the article refers to the playing technique and considers different types of games. Thus the work with a poetic text on the lesson, not only as a fact of culture but a base for a certain number of jobs, which together would ensure the inclusion of all aspects of language education and kinds of speech activity.

Key Words: culture, poetry, literary text, artistic and expressive means of language, aesthetic perception.

References

1. *Bahtin M.M.* Avtor i geroj v jesteticheskoj dejatel'nosti//Avtor i geroj. K filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk. SPb.: Izdatel'stvo «Azbuka», 2000. pp. 9-226.
2. *Kulibina N.V.* Hudozhestvennyj tekst v lingvodidakticheskom osmyslenii. Dis.dok.ped.nauk. M., 2001. 328 p.
3. *Lebedinskaja B.Ja.* Anglijskaja grammatika v stihah: posobie po anglijskomu jazyku. M.: AST: Astrel', 2006. 220 p.
4. *Passov E.I.* Metodologija metodiki: Teorija i opyt primenenija (Izbrannoe). Lipeck, 2002. 228 p.
5. *Solovova E.N.* Metodika obuchenija inostrannym jazykam. M.: Prosveshhenie, 2005. 239 p.

Трансформация научного стиля в условиях меняющейся коммуникационной среды. Особенности современной научной статьи

Иваницкая Е.В.,

кандидат филологических наук, Москва, Россия, elizaveta1977@inbox.ru

Понимание специфики научного стиля необходимо для успешной коммуникации с мировым научным сообществом. В статье рассматривается история формирования научного стиля и становление его в России, его основные задачи и жанры, а также структура и особенности современной научной статьи как эффективного средства международной коммуникации. Научная статья как основной жанр научного стиля является яркой иллюстрацией его развития и постоянной трансформации. Сегодня для признания статьи и взаимодействия с мировым научным сообществом необходимы не только актуальность и новизна исследования, но и соблюдение ряда формальных принципов построения работы.

Ключевые слова: научный стиль, научная статья, коммуникационная среда, международное научное сообщество, жанры научного стиля, трансформация стиля, мировая научная среда.

Для цитаты:

Иваницкая Е.В. Трансформация научного стиля в условиях меняющейся коммуникационной среды. Особенности современной научной статьи [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2016. Том 3. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n2/Ivanitskaya.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2016030207

For citation:

Ivanitskaya E.V. The transformation of scientific style in the changing communication environment. Features of the modern scientific article [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [*Language and Text langpsy.ru*], 2016, vol. 3, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n2/Ivanitskaya.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2016030207

Научно-технический прогресс, развитие науки и коммуникационной среды оказывают непосредственное влияние на развитие языка, который является живой, многоуровневой и очень подвижной системой. Вводятся новые слова и понятия, меняются стиль и форма изложения, сама структура представления материала.

Яркой иллюстрацией происходящих в языке изменений является наиболее интернациональный стиль речи – научный стиль, который отражает научно-профессиональную сферу деятельности человека. Это один из функциональных стилей общелитературного языка, обслуживающий сферу науки и производства.

Научный стиль представляет научную сферу общения и речевой деятельности, связанную с реализацией науки как формы общественного сознания. При этом главнейшей формой мысли в области науки оказывается понятие, а языковое воплощение динамики мышления осуществляется в суждениях и умозаключениях, следующих одно за другим в логической последовательности [1].

В научном стиле речи, основным жанром которого является научная статья, произошли и продолжают происходить большие трансформации.

Иваницкая Е.В.

Трансформация научного стиля в условиях меняющейся коммуникационной среды. Особенности современной научной статьи

Язык и текст langpsy.ru

2016. Том 3. № 2. С. 62–75.

doi: 10.17759/langt.2016030207

Ivanitskaya E.V.

The transformation of scientific style in the changing communication environment.

Features of the modern scientific article

Language and Text langpsy.ru

2016, vol. 3, no. 2, pp. 62–75.

doi: 10.17759/langt.2016030207

Вследствие развития технологий, способов формирования, хранения и передачи информации теперь научная статья структурируется по-другому. Потоки информации многократно увеличились, скорость обмена данными резко возросла, на смену линейному построению текста пришел гипертекст. В современном информационном мире требуется особая структурированность представления и хранения информации для интеграции в общемировую систему знаний, для эффективной работы поисковых систем – уникальные коды статей (УДК), ключевые слова и аннотации с обязательным переводом на английский язык и т.д.).

Современный научный стиль характеризуется жесткой структурированностью, объективностью и логической последовательностью изложения, стремлением авторов к точности и сжатости при сохранении насыщенности содержания. Однако так было не всегда. Обратимся к истории формирования стиля.

История формирования научного стиля речи

Возникновение научного стиля было связано с развитием разных областей научного знания, разных сфер деятельности человека. И общую цель научной речи можно определить как сообщение нового знания о действительности и доказательство ее истинности [2].

Проблема языка и стиля занимала мыслителей с древнейших времен. В античной филологии наибольшего расцвета достигла риторика – наука о средствах выразительности речи. Стиль речи тогда понимался как самостоятельное средство убеждения, иногда более важное, чем сама мысль и логические доказательства правильности высказываемой мысли.

Первые следы отделения научного стиля от художественного проявились в александрийский период, когда в греческом языке, на котором общался весь культурный и научный мир, стала создаваться научная терминология. Интернациональным научным языком европейского Средневековья стал латинский. В эпоху Возрождения учёные уже стремились к сжатости и точности научного описания, свободного от эмоционально-художественных элементов изложения как противоречащих абстрактно-логическому отображению природы.

Коллективный труд ученых в международном масштабе можно считать основным фактором, обеспечивающим быстрый рост науки, который стал возможен благодаря развитию средств связи между странами и изобретению в XV веке книгопечатания, без которого было невозможно ни распространение, ни сохранение научного опыта и научных достижений [3].

Личная переписка между учеными в то время рассматривалась как один из наиболее популярных и эффективных методов обмена научной информацией. Невольно яркая личность ученого находила отражение и в стилистике текста. На первых порах стиль научного изложения был близок к стилю художественного повествования: Кеплера раздражал слишком «художественный» характер изложения Галилея, а Декарт считал стиль научных доказательств Галилея чрезмерно «беллетризованным». Освобождение научного стиля от эмоционально-художественных элементов шло постепенно.

Действительно, научные труды Галилея представляли собой беседу, в ходе которой ее участники приходили к верным выводам. Так, в 1632 г. во Флоренции вышел знаменитый труд Галилея "Dialogo di Galileo Galilei Linceo... sopra i due massimi sistemi del mondo Tolemaico e

Иваницкая Е.В.

Трансформация научного стиля в условиях меняющейся коммуникационной среды. Особенности современной научной статьи

Язык и текст langpsy.ru

2016. Том 3. № 2. С. 62–75.

doi: 10.17759/langt.2016030207

Ivanitskaya E.V.

The transformation of scientific style in the changing communication environment.

Features of the modern scientific article

Language and Text langpsy.ru

2016, vol. 3, no. 2, pp. 62–75.

doi: 10.17759/langt.2016030207

Сорерниcano" («Диалог о двух главнейших системах мира – птолемеевой и коперниковой»), состоящий из четырех диалогов, каждый из которых происходил в течение одного дня. Беседуют три любителя науки: Сальвиати представляет самого Галилея, Симпличио защищает философию перипатетиков, а Сагрето представляет просвещенного человека со здравым смыслом, который должен выбирать между обеими философиями. В книге нет авторских выводов, но представлены аргументы в пользу Коперника. Важно, что произведение было написано уже не на ученой латыни, а на народном итальянском языке.

В дальнейшем за образец научного языка было принято логическое изложение Ньютона, который ввел математический аппарат, четкость и логичность.

До XVIII вв. российская научная коммуникация часто носила межличностный характер – письма ученых друг другу, трактаты... Индивидуализация научного стиля уменьшалась постепенно.

В XVIII в. в России язык науки заметно отходит от художественной (литературнообразной) речи, но еще весьма близок ораторской. Наука переходит на отечественные языки, начинаются бурные процессы формирования специальных терминологий. Накопленные знания уже не вмещались в рамки древнего чужого языка, требовалась демократизация языковой формы для популяризации научных открытий, а складывающиеся единые национальные языки открывали возможности стилистической дифференциации внутри языка, которых раньше не было.

Родоначальником национального научного стиля речи (а также и отечественной научной журналистики) считают М.В. Ломоносова, которому всестороннее знание русского языка, обширные сведения в точных науках, прекрасное знакомство с латинским, греческим и западноевропейскими языками, литературный талант и природный гений позволили заложить правильные основания русской технической и научной терминологии. Этот мощный двигатель прогресса положил начало современному точному научному языку.

Считается, что в России научный язык и стиль начали складываться в первые десятилетия XVIII века, когда авторы научных книг и переводчики стали создавать русскую научную терминологию. Отечественная наука интенсивно развивалась, научная мысль и система доказательств усложнялась, и уже во второй половине XVIII века, благодаря работам М.В. Ломоносова и его учеников, формирование научного стиля делает большой шаг вперед, но окончательно сложится лишь во второй половине XIX века вместе с научной деятельностью крупнейших учёных того времени. Именно в XIX в. становятся видны черты массовой научной речи, связанные с ростом аудитории и тиражей изданий. Увеличился круг вовлеченных в коммуникацию людей, однако и эмоциональные черты еще оставались сильны (таким образом достигалось сильное воздействие не только на разум, но и на чувства аудитории).

Многогранная образованность М.В. Ломоносова позволила ему внести основополагающий вклад как в естественные науки (химия, физика, астрономия, науки о земле), так и в гуманитарные (история, русская словесность, геополитика). Великий русский ученый создал и стилистическую систему национального языка (теория трех штилей), сформулировал основные принципы построения текстов. Именно с ориентацией на средний «штиль» Ломоносова складывались лексико-грамматические особенности языка науки.

Иваницкая Е.В.

Трансформация научного стиля в условиях меняющейся коммуникационной среды. Особенности современной научной статьи

Язык и текст langpsy.ru

2016. Том 3. № 2. С. 62–75.

doi: 10.17759/langt.2016030207

Ivanitskaya E.V.

The transformation of scientific style in the changing communication environment.

Features of the modern scientific article

Language and Text langpsy.ru

2016, vol. 3, no. 2, pp. 62–75.

doi: 10.17759/langt.2016030207

Обратимся непосредственно к произведениям ученого, которые наглядно иллюстрируют язык научных работ того времени.

Во вступлении к своей работе «Краткое руководство к красноречию» (1748 г.), которая была первым печатным учебником и фундаментальным научным трудом, а также настольной книгой писателей того времени, Ломоносов вспоминает об ораторском искусстве (академическое красноречие очень близко научному стилю речи) с его сильными выразительными средствами (украшенное слово), и с патетикой говорит о великом будущем русского языка и его приведении к совершенству: «...в нынешние веки, хотя нет толь великого употребления украшенного слова... каково было у древних греков и римлян... язык имеет природное изобилие, красоту и силу, чем ни единому европейскому языку не уступает. И для того нет сумнения, чтобы российское слово не могло приведено быть в такое совершенство, каковому в других удивляемся... Благополучно российское слово, которое, под тению милости Петровой отрасли произрастая, великие дела его живыми цветами изобразить достойно будет» [4].

Среди его многочисленных статей есть и такие, которые непосредственно касаются научной журналистики и обязанностей журналиста при написании текстов. Его «Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии» [5], впервые опубликованное в 1755 году в переводе на французский язык и анонимно в одном из европейских журналов в ответ на критику, хорошо иллюстрирует эмоциональность и образность научных работ того времени, которые полны ярких эпитетов и метафор. Кроме того, Ломоносов прямо указывал, что зачастую невежественные критические статьи в газетах и журналах наносили прямой вред науке.

«...Всем известно, сколь значительны и быстры были успехи наук, достигнутые с тех пор, как сброшено ярмо рабства и его сменила свобода философии. Но нельзя не знать и того, что злоупотребление этой свободой причинило очень неприятные беды, количество которых было бы далеко не так велико, если бы большинство пишущих не превращало писание своих сочинений в ремесло и орудие для заработка средств к жизни, вместо того чтобы поставить себе целью строгое и правильное разыскание истины. Отсюда проистекает столько рискованных положений, столько странных систем, столько противоречивых мнений, столько отклонений и нелепостей, что науки уже давно задохлись бы под этой огромной грудой, если бы ученые объединения не направили своих совместных усилий на то, чтобы противостоять этой катастрофе...

...Журналы могли бы также очень благотворно влиять на приращение человеческих знаний, если бы их сотрудники были в состоянии выполнить целиком взятую ими на себя задачу и согласились не переступать надлежащих граней, определяемых этой задачей. Силы и добрая воля – вот что от них требуется. Силы – чтобы основательно и со знанием дела обсуждать те многочисленные и разнообразные вопросы, которые входят в их план; воля – для того, чтобы иметь в виду одну только истину, не делать никаких уступок ни предубеждению, ни страсти. Те, кто, не имея этих талантов и этих склонностей, выступают в качестве журналистов, никогда не сделали бы этого, если бы, как указано, голод не подстрекал их и не вынуждал рассуждать и судить о том, чего они совсем не понимают».

Иваницкая Е.В.

Трансформация научного стиля в условиях меняющейся коммуникационной среды. Особенности современной научной статьи

Язык и текст langpsy.ru

2016. Том 3. № 2. С. 62–75.

doi: 10.17759/langt.2016030207

Ivanitskaya E.V.

The transformation of scientific style in the changing communication environment.

Features of the modern scientific article

Language and Text langpsy.ru

2016, vol. 3, no. 2, pp. 62–75.

doi: 10.17759/langt.2016030207

Ломоносов использует весьма эмоциональные средства, чтобы показать вред недобросовестной журналистики, причиняемый не только конкретным ученым, но и развитию мировой науки в целом.

«Неизвестно, приснилось ли журналисту или он злобно выдумал то, что он, давая отчет о "Рассуждении об упругости воздуха", приписывает автору: будто корпускулы воздуха гладкие; у автора нельзя найти ни малейшего следа такого выражения. Не спутал ли он слово levitas, имеющееся в § 11 и означающее легкий удельный вес, со словом laevitas, имеющем смысл гладкий!..

Однако бешеная страсть критиковать и осуждать не покидает журналиста...

...он выставляет свои батареи против рассуждения, касающегося вопроса о действии химических растворителей, не взвешивая доводов и не делая никаких последовательных выводов, он изошряется вкривь и вкось... достаточно ясно видно, как плохо он умеет читать и схватывать сущность читаемого».

Сегодня язык научных трудов XVIII века кажется субъективным и простым, в тексте часто встречаются следы эмоционально-художественных элементов для усиления воздействия на читателя, просторечия, нет четкой структуры, по стилю изложения статьи напоминают трактат. Однако таким и был научный стиль русского языка в период его активного становления.

Современный научный стиль и его особенности

Стремительный прогресс науки и техники, быстрое развитие общества не могли не вызвать потребность в формировании специального языка, наилучшим образом приспособленного для выражения и передачи научного знания. Языком науки стал естественный язык с элементами искусственных языков (расчеты, графики, символы и др.); национальный язык с тенденцией к интернационализации.

В середине XX века в профессиональной среде лингвистов шли споры о стилях национального языка. В 1950-е гг. даже само существование стилей речи ставилось под сомнение. Однако большинство участников дискуссии, развернувшейся, в частности, на страницах специализированного журнала «Вопросы языкознания», признало, что в литературном языке, в процессе его исторического развития, вырабатываются отдельные языковые системы, которые отличаются друг от друга характером использования средств языка, целью общения, условиями, в которых это общение протекает [6].

По мнению В.В. Виноградова, каждый стиль языка является более или менее устойчивой системой на данном этапе развития литературного языка. Стили языка – категория историческая; они изменяются, развиваются, появляются и исчезают [7].

В отечественной лингвистике специальное изучение научной речи началось в 1960-х годах. Исследователи пришли к выводу, что реализация научной речи с её объективностью, подчеркнутой логичностью, обобщенностью, понятийностью и точностью достигается именно речевой системностью, а не только, например, лексическими единицами с соответствующей семантикой [8].

Для научного стиля, реализующего теоретическое мышление в понятийно-логической форме, характерны информативность, объективность, некатегоричность, взвешенность и

соразмерность оценок, обобщенность, подчеркнутая логичность и доказательность; отвлеченность, терминологичность, однозначность, краткость. Кроме того, научному тексту присуща коммуникативная направленность на адресата (диалогичность изложения).

Содержанием научного текста является вербализованное знание [8]. Оно создается на базе полученного ранее знания, уже зафиксированного в текстах, и нового знания, получаемого автором вновь создаваемого текста. При этом не только глубинная смысловая структура научного произведения, но и его внешняя форма, в значительной степени стандартизированы, что помогает интеграции нового знания в систему существующего. То есть содержание научного текста, его композиция строится в соответствии с законами речемыслительной деятельности в науке.

Основная задача научного стиля – предельно ясно и точно донести до читателя сообщаемую информацию. А это наилучшим образом достигается без использования эмоциональных средств, так как наука обращается прежде всего к разуму, а не к чувству. Научно-техническая революция изменила и сам характер исследования. Научные проблемы решаются теперь, как правило, усилиями не одиночек, а коллективами ученых и инженеров. Поэтому современный способ научного изложения можно определить как коллективный, или формально-логический, в котором мало места для эмоциональности.

В научном стиле речи выделяют подстили [9]:

- собственно научный (жанры – монография, статья, доклад),
- научно-информативный (реферат, аннотация, патентное описание),
- научно-справочный (словарь, справочник, каталог),
- учебно-научный (учебник, методическое пособие, лекция),
- научно-популярный (очерк и др.).

Отличительная черта собственно научного стиля, к которому относится и рассматриваемый нами основной жанр (статья), – академическое изложение, адресованное специалистам. Признаки данного подстиля – точность передаваемой информации, убедительность аргументации, логическая последовательность изложения, лаконичность.

Научные тексты оформляются в виде отдельных законченных произведений, структура которых подчинена законам жанра. Ведущий жанр научного стиля – научная статья – обладает менее разветвленной смысловой структурой, а следовательно, более простой композицией и значительно меньшим объемом в сравнении с монографией. Существует следующая классификация научных статей:

- проблемно-постановочная;
- научная статья – краткое сообщение о результатах научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ;
- научно-техническая (собственно-научная) статья с подробным изложением основных результатов исследования;
- обзорная историко-научная статья;
- полемическая, или дискуссионная статья;
- научно-популярная статья;

- маркетинговая (рекламная, PR-статья) – на границе научного и публицистического стиля.

Главная особенность научного стиля – точное и однозначное выражение мыслей, так как задача науки – показать закономерности. Основными чертами современного научного стиля являются: отвлеченная обобщенность, подчеркнутая логичность изложения, ясность, аргументированность, однозначность. Задачи общения в сфере науки, ее предмет, содержание речи требуют передачи общих понятий. Этому служит абстрактная лексика, специальная лексика и терминология.

Трансформация научного стиля была неизбежна, но происходила очень медленно, под непосредственным влиянием научно-технического прогресса и активного развития мировой научной мысли. Основа научной речи – письменная речь, связанная нормами. Основные изменения, произошедшие в научном тексте, касаются содержания (от общего к конкретному, от широкого описания к рассмотрению более узких вопросов, от субъективного и эмоционального к нейтральному и строго логическому изложению), лексики (исключение окрашенных, разговорно-просторечных слов, переход к нейтральным обезличенным конструкциям с использованием специальной лексики, терминологии и научных неологизмов) и формы (ужесточение структуры, формализация сообщения, краткость и фактологичность, нелинейное построение текста, создание особого кода научного сообщения для интеграции в общемировую систему знаний). Рассмотрим подробнее.

1. На смену субъективности, ассоциативности и эмоциональности изложения пришли точность, логичность и объективность, от широкого охвата исследования (стремление поднять много вопросов в одной работе, пространные рассуждения) – к более узкой тематике, обсуждение конкретных вопросов. При этом ушедшая из стиля эмоциональная составляющая перешла в сферу изображения (инфографика, иллюстрации), что значительно облегчает восприятие отвлеченно-обобщенных, логичных текстов.

2. Разговорная и просторечная лексика, как пережиток субъективного и эмоционального изложения, также исключена из стиля. Лексический состав современного научного стиля характеризуется однородностью, в нём отсутствует оценочная и эмоционально-экспрессивная лексика. Много слов среднего рода: состояние, развитие, явление, свойство... Много абстрактной лексики – система, период, случай. Тексты научного стиля используют сложносокращенные слова, аббревиатуры; содержат графическую информацию, формулы, символы.

Как отмечает Г.К. Трофимова, отвлеченно-обобщенный характер научной речи подчеркивается включением большого количества понятий, использованием специальных лексических единиц (обычно, всегда, часто), пассивных конструкций (металлы легко режутся). Широкое применение находят глаголы, имеющие отвлеченно-обобщенные значения, существительные, обозначающие отвлеченные понятия (скорость, время). Используются конструкции, подчеркивающие соотношение между частями высказывания: вводные слова (наконец, итак), такие конструкции, как: далее отметим, рассмотрим следующий пример, перейдем к следующей части, большое количество предлогов, выражающих различные отношения и действия (благодаря, в связи, вследствие и др.). Также в современном научном стиле не принято местоимение «я», его заменяют на «мы» («с нашей точки зрения», «нам представляется очевидным» [9]).

Иваницкая Е.В.

Трансформация научного стиля в условиях меняющейся коммуникационной среды. Особенности современной научной статьи

Язык и текст langpsy.ru

2016. Том 3. № 2. С. 62–75.

doi: 10.17759/langt.2016030207

Ivanitskaya E.V.

The transformation of scientific style in the changing communication environment.

Features of the modern scientific article

Language and Text langpsy.ru

2016, vol. 3, no. 2, pp. 62–75.

doi: 10.17759/langt.2016030207

В научных текстах делается акцент на специальной и терминологической лексике (эмоционально нейтральные слова, наиболее точно и однозначно называющие понятие и раскрывающие его содержание) с целью обеспечения информационного взаимопонимания на национальном и межнациональных уровнях, совместимости законодательных и нормативных документов. Термин может быть интернационален или близок терминам, которые созданы и употребляются в других языках (коммуникация, гипотеза, технология и др.). При этом термин обязательно должен быть современным, устаревшие термины заменяются новыми.

Характерной чертой научной прозы является активное образование неологизмов. Новые понятия, которые появляются в результате исследований, требуют и новых слов для своего обозначения. Поэтому научный стиль есть и будет неисчерпаемым источником возникновения новых слов, словосочетаний или других оттенков значений уже существующих слов. Причем в отличие от неологизмов, появляющихся в живой разговорной речи и в газетно-публицистическом стиле, неологизмы в стиле научной прозы оказываются значительно более устойчивыми. Со временем слова-неологизмы входят в фонд общеупотребительной лексики или остаются в обращении лишь в узкой области, в которой возникли. Вырабатывается особая научная фразеология.

Если говорить о синтаксисе научного стиля, то синтаксические конструкции подчеркивают логическую связь и последовательность мыслей, преобладание абстрактной лексики над конкретной. В синтаксисе используются сложные предложения с причастиями, деепричастными и причастными оборотами, временной связью (в связи с тем-то), простые предложения типа что есть что (водород есть газ), безличные предложения. В тексте используются преимущественно повествовательные предложения, вопросительные конструкции употребляются с целью привлечения внимания читателя к проблеме.

3. Произошел переход от хаотичности и произвольности изложения к жесткой, логически выстроенной структуре. Научный стиль создал строгую систему жанров и строгие правила текстовой композиции. Основными способами построения научного текста являются описание, рассуждение, повествование. Научный текст отличает прагматическое построение, при этом эмоции, многословие и многозначность исключаются как мешающие восприятию научного знания.

Однако современный текст получил уже не просто линейное развитие, а возможность установления контакта с другими текстами. Научная блогосфера огромна, объединяет миллионы страниц в Интернете, образуя гигантский международный массив уникальных данных. И сегодня мы работаем с гипертекстом (сверхтекст, устроенный таким образом, что он превращается в систему, иерархию текстов, одновременно составляя единство и множество текстов), возникшим в результате развития компьютерных сетей коммуникаций. Само понятие гипертекста было введено в науку в 60-80-е гг. XX века Т.Нельсоном, который определил его как нелинейный разветвляющийся текст, позволяющий читателю самому выбирать маршрут движения по его фрагментам, то есть путь чтения [10]. Интернет можно назвать самым грандиозным и практически бесконечным в информационном и пространственно-временном смысле гипертекстом. Сложная система состоит из постоянно возникающих и так или иначе изменяющихся страниц (сайтов). Электронный гипертекст Интернета является активным текстом, позволяющим каждому участвовать в его развитии и трансформации, входя в пространство этого своеобразного текста.

Иваницкая Е.В.

Трансформация научного стиля в условиях меняющейся коммуникационной среды. Особенности современной научной статьи

Язык и текст langpsy.ru

2016. Том 3. № 2. С. 62–75.

doi: 10.17759/langt.2016030207

Ivanitskaya E.V.

The transformation of scientific style in the changing communication environment.

Features of the modern scientific article

Language and Text langpsy.ru

2016, vol. 3, no. 2, pp. 62–75.

doi: 10.17759/langt.2016030207

Необходимо особенно отметить сильное влияние научного стиля на литературный язык, его словарный запас. Сфера применения научного стиля настолько широка, что он оказывает постоянное и разностороннее влияние на национальный язык, вводя в обиход огромное количество терминов: например, компьютер, дисплей, экология и многие другие перешли со страниц специальных изданий. Более того, если раньше толковые словари составлялись на основе языка художественной литературы и в меньшей степени публицистики, то сейчас описание развитых языков мира невозможно без учета научного стиля и его важной роли в жизни общества – например, из 600 000 слов авторитетного английского словаря Уэбстера (Вебстера) 500 000 составляет специальная лексика (Webster's Third New International Dictionary, Webster 3. 1961).

Структура научной статьи. Требования к публикациям в международных изданиях

Научный текст и научная коммуникация – это наиболее значимая форма коллективного взаимодействия специалистов разных областей знания и разной языковой принадлежности. Мировая научная среда объединяет огромные массивы знаний по всем сферам деятельности человека, опираясь на которые можно совершать новые открытия.

Публикации за рубежом – это важный этап профессиональной жизни любого научного работника. Публикуя свою научную статью в престижном журнале, входящем в международные базы цитирования (например, такие как Web of Science и Scopus), ученый включается в международное научное сообщество.

Однако для признания научной статьи мировым сообществом и публикации в иностранных журналах необходимо соблюдение жестких правил, формальных требований изложения. От этого во многом зависит принятие или не принятие работы научным сообществом.

Подавая научную статью в международный журнал, индексируемый Scopus или Web of Science, необходимо помнить, что основными пользователями этих систем выступают англоязычные или англоговорящие пользователи. Один из ключевых моментов, которые необходимо учитывать при подаче научной статьи для публикации в журналах, – это качество англоязычной аннотации, которая оценивается по содержанию, объему и языку. Для потенциальных читателей русскоязычной статьи аннотация – единственный источник информации о ее содержании. Она выполняет функцию независимого от статьи источника информации. Целью создания аннотации является ее представление как справочного инструмента, который позволяет читателю определить целесообразность ознакомления с полным текстом статьи.

Требования к публикации научных статей в отечественных и особенно в зарубежных изданиях достаточно жесткие, работа оценивается в том числе и по формальному признаку. В первую очередь необходимо строгое соответствие статьи тематике журнала, адекватный перевод аннотации и ключевых слов. Даже хороший перевод текста статьи на английский язык, выполненный не его носителем, иногда становится причиной отказа в публикации за рубежом. Наименее трудозатратным способом может стать публикация научной статьи в соавторстве с зарубежными коллегами.

Оформлять научную статью необходимо в соответствии с международными правилами и требованиями конкретного журнала. Требования к оформлению статей у разных изданий

Иваницкая Е.В.

Трансформация научного стиля в условиях меняющейся коммуникационной среды. Особенности современной научной статьи

Язык и текст langpsy.ru

2016. Том 3. № 2. С. 62–75.

doi: 10.17759/langt.2016030207

Ivanitskaya E.V.

The transformation of scientific style in the changing communication environment.

Features of the modern scientific article

Language and Text langpsy.ru

2016, vol. 3, no. 2, pp. 62–75.

doi: 10.17759/langt.2016030207

могут отличаться – информация для авторов публикуется на сайте. Однако структура научной статьи, как правило, общая [11].

1. **Title** (полное название статьи).
2. **Author** (имена авторов статьи).
3. **Contact** (адреса авторов).
4. **Abstract** (аннотация / реферат).
5. **Running title** (укороченный вариант названия статьи).
6. **Keywords** (несколько ключевых слов, которые могут быть использованы для составления Индекса цитирования).
7. **Introduction** (введение).
8. **Materials and methods** (материалы и методы).
9. **Results** (результаты).
10. **Discussion** (обсуждение, иногда главы Results и Discussion объединяются).
11. **Conclusions** (выводы).
12. **Acknowledgements** (благодарности).
13. **References** (ссылки на использованную литературу).

При рассмотрении статьи эксперты учитывают оригинальность исследования, ясность изложения, структурированность материала и качество написания, теоретическое и практическое значение, строгое соблюдение редакционных рамок и задач журнала, соответствующие название и аннотацию, точные ключевые слова. Российские научные издания также ориентируются на международные требования к статьям.

Выводы

Научный текст существует как открытая система. Научный стиль, безусловно, претерпел серьезную трансформацию и продолжает меняться. Как меняется и сам русский язык, живой как жизнь, переживая столетия.

Интернациональный язык науки живет в научных статьях. Научный стиль продолжает развиваться в условиях изменения характера коммуникаций, в формате гипертекста и режиме интерактивности. В отличие от художественного, научный текст способен формировать и изменять не только научную картину мира человека, но и саму действительность. Научные произведения, встраиваясь в научную коммуникацию и взаимодействуя друг с другом в бесконечном процессе познания, входят в научный и культурный контекст цивилизации, и пополняют его глобальный континуум [12].

Важное значение приобрело оформление статьи, ее четкая структура, соответствие требованиям международной научной среды. Современные научно-технические статьи структурированы по рубрикам и уже не обходятся без таких обязательных элементов, как УДК

Иваницкая Е.В.

Трансформация научного стиля в условиях меняющейся коммуникационной среды. Особенности современной научной статьи

Язык и текст langpsy.ru

2016. Том 3. № 2. С. 62–75.

doi: 10.17759/langt.2016030207

Ivanitskaya E.V.

The transformation of scientific style in the changing communication environment.

Features of the modern scientific article

Language and Text langpsy.ru

2016, vol. 3, no. 2, pp. 62–75.

doi: 10.17759/langt.2016030207

(уникальный десятичный код), ключевые слова и аннотация, выводы, список литературы, сведения об авторах.

В последние десятилетия письменная форма коммуникации стала очень важна. В эпоху глобализации весь мир становится единым центром коммуникации и передачи мыслей, наука также становится глобализированной. А чтобы ученые разных стран могли понимать друг друга, необходимо понятное и доступное всем средство коммуникации. И именно таким средством сегодня являются научные статьи на английском языке, структурированные в соответствии с требованиями мирового научного сообщества.

Возможно, в результате дальнейшей трансформации научного стиля сама научная статья со временем трансформируется в набор штрих-кодов или некий интерактивный электронный файл с аудио- и видеоматериалами... Научный стиль неотрывно следует за наукой и прогрессом, а научные статьи, как уникальное средство фиксации и распространения научного знания, являются подвижной и очень эффективной международной коммуникационной площадкой.

Литература

1. *Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А.* Стилистика русского языка. 4-е изд., М.: Флинта : Наука, 2008. С.289.
2. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.
3. *Капица П.Л.* Ломоносов и мировая наука // Успехи физических наук. 1965. Т. 87, вып.1. С. 155-168.
4. *Ломоносов М.В.* Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo7/L07-0892.HTM>. Дата обращения 30.04.2016.
5. *Ломоносов М.В.* Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии [Электронный ресурс]. URL: <http://lomonosov300.ru/147839.htm>. Дата обращения 04.05.2016.
6. «Вопросы языкознания», №№ 1-6, 1954 и № 1, 1955. См. Сорокин Ю. С. К вопросу об основных понятиях стилистики. «Вопросы языкознания», № 2, 1954.
7. *Виноградов В.В.* Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания, 1955, № 1. С. 73.
8. *Чернявская В.Е.* Интерпретация научного текста. Учебное пособие, издание 5-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 128 с.

Иваницкая Е.В.

Трансформация научного стиля в условиях меняющейся коммуникационной среды. Особенности современной научной статьи

Язык и текст langpsy.ru

2016. Том 3. № 2. С. 62–75.

doi: 10.17759/langt.2016030207

Ivanitskaya E.V.

The transformation of scientific style in the changing communication environment.

Features of the modern scientific article

Language and Text langpsy.ru

2016, vol. 3, no. 2, pp. 62–75.

doi: 10.17759/langt.2016030207

9. Трофимова Г.К. Русский язык и культура речи: курс лекций. Флинта, Наука, М., 2004.
10. *Nelson, T. H.* (1965). "Complex Information Processing: A File Structure for the Complex, the Changing and the Indeterminate" in ACM '65. Proceedings of the 1965 20th National Conference: 84-100, Cleveland, Ohio, USA: ACM
11. [Электронный ресурс] URL: <http://www.publishing-vak.ru/scopus.htm>. Дата обращения 30.04.2016.
12. *Баженова Е.А.* Научный текст и среда // Вестн. Перм. ун-та. Сер. «Российская и зарубежная филология». 2010. Вып. 2 (8). С. 60-64.

Иваницкая Е.В.

Трансформация научного стиля в условиях меняющейся коммуникационной среды. Особенности современной научной статьи

Язык и текст langpsy.ru

2016. Том 3. № 2. С. 62–75.

doi: 10.17759/langt.2016030207

Ivanitskaya E.V.

The transformation of scientific style in the changing communication environment.

Features of the modern scientific article

Language and Text langpsy.ru

2016, vol. 3, no. 2, pp. 62–75.

doi: 10.17759/langt.2016030207

The transformation of scientific style in the changing communication environment. Features of the modern scientific article

Ivanitskaya E.V.,

Ph.D. in Philology, Moscow, Russia, elizaveta1977@inbox.ru

Understanding the specifics of scientific style is required for successful communication with the world scientific community. The paper studies the development of scientific style in Russia, its main tasks and genres, as well as the structure and specifics of modern scientific articles as the effective means of international communication. Being the main genre of scientific style, scientific article is a vivid illustration of its development and constant transformation. Today, not only the relevance and novelty of the research are required for recognition and interaction with the international scientific community, but also the observance of a number of formal principles of the scientific article writing.

Key Words: scientific style, scientific article, communication environment, international scientific community, scientific style genres, style transformation, world scientific environment.

References

1. *Kozhina M.N., Duskaeva L.P., Salimovskii V.A.* Stilistika russkogo yazyka. 4-e izd., M. : Flinta : Nauka, 2008. 289 p.
2. Stilisticheskii enciklopedicheskii slovar' russkogo yazyka / pod red. M.N. Kozhinoi. M.: Flinta: Nauka, 2003. 696 p.
3. *Kapitsa P.L.* Lomonosov i mirovaya nauka // *Uspehi fizicheskikh nauk.* 1965. T. 87, vyp.1. pp. 155-168.
4. *Lomonosov M.V.* Kratkoe rukovodstvo k krasnorechiyu. Kniga pervaya, v kotoroi sodержitsya ritorika, pokazyuzhaya obtchie pravila oboego krasnorechiya, to est oratorii I poezii, sochinennaya v polzy lubytzich slovesnye nauki [Elektronnyi resurs]. URL: <http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo7/LO7-0892.HTM>. Data obrazheniya: 30.04.2016.
5. *Lomonosov M.V.* Rassyzhdenie ob obyazannostyah zhurnalistov pri izlozhenii imi sochineniy, prednaznachennoe dlya podderzhaniya svobody filosofii [Elektronnyi resurs]. URL: <http://lomonosov300.ru/147839.htm>. Data obrazheniya [04.05.2016](#).

Иваницкая Е.В.

Трансформация научного стиля в условиях меняющейся коммуникационной среды. Особенности современной научной статьи

Язык и текст langpsy.ru

2016. Том 3. № 2. С. 62–75.

doi: 10.17759/langt.2016030207

Ivanitskaya E.V.

The transformation of scientific style in the changing communication environment.

Features of the modern scientific article

Language and Text langpsy.ru

2016, vol. 3, no. 2, pp. 62–75.

doi: 10.17759/langt.2016030207

6. *Voprosy yazykoznanija*, №№ 1-6, 1954 i №1, 1955. Sm. Sorokin Yu.S. K voprosy ob osnovnyh ponyatiyah stilistiki // *Voprosy yazykoznanija*, № 2, 1954.
7. *Vinogradov V.V.* Itogi obsyzhdeniya voprosov stilistiki // *Voprosy yazykoznanija*, 1955, № 1. p. 73.
8. *Chernyavskaya V.E.* Interpretaciya nauchnogo teksta. Uchebnoe posobie, izdanie 5. M.: Knizhnyi dom "Librokom", 2010. 128 p.
9. *Trofimova G.K.* Russkii yazyk I kul'tura rechi: kurs lekcii. Flinta, Nauka, M., 2004.
10. *Nelson, T. H.* (1965). "Complex Information Processing: A File Structure for the Complex, the Changing and the Indeterminate" in ACM '65. Proceedings of the 1965 20th National Conference: 84-100, Cleveland, Ohio, USA: ACM
11. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.publishing-vak.ru/scopus.htm>. Data obrazheniya 30.04.2016.
12. *Bazhenova E.A.* Nauchnyi tekst i sreda // *Vestn. Perm. Un-ta. Seriya "Rossiiskaya i zarubezhnaya philologiya"*. 2010. Vyp. 2 (8). pp. 60-64.

Особенности мужской и женской публичной речи на материале речей Г. Коля, Г. Шредера и А. Меркель

Киянова К.А.,

аспирант, Московский государственный университета им. М.В. Ломоносова, ассистент кафедры иностранных языков исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
kijanova.karina@gmail.com

Данная статья посвящена проблеме дифференциации языков в зависимости от пола говорящего. В статье представлен анализ мужской и женской речи немецких государственных деятелей (Г. Коля, Г. Шредера и А. Меркель). Сопоставляя речи политиков, автор стремится выявить особенности данных речей на разных уровнях языка, учитывая влияние внеязыковых факторов. Анализируемый материал позволяет проследить особенности речевого поведения мужчин и женщин в рамках политического дискурса.

Ключевые слова: гендер, политический дискурс, мужская и женская речь, феминность и маскулинность.

Для цитаты:

Киянова К.А. Особенности мужской и женской публичной речи на материале речей Г. Коля, Г. Шредера и А. Меркель [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2016. Том 3. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n2/Kijanova.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2016030208

For citation:

Kijanova K.A. Features of male and female public speeches: a study of Helmut Kohl, Gerhard Schroeder and Angela Merkel's public speeches [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [*Language and Text langpsy.ru*], 2016, vol. 3, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n2/Kijanova.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2016030208

Для современного языкознания характерен повышенный интерес к языковой личности, в частности, к одной из ее основных характеристик – полу. Вопросы взаимосвязи языка, человека и действительности, проблемы отражения пола в языке, их связь с мышлением, а также речевое поведение мужчин и женщин, их социальные и культурные различия, концепты «феминность» и «мужественность» изучаются в рамках гендерной лингвистики. Особое внимание также уделяется изучению понятия «гендер» как некоего конструкта, подчеркивающего социокультурные и биологические особенности индивидов и репрезентируемого в языке.

В условиях быстрорастущего экономического, социального и культурного развития актуализируется проблема гендерных отношений и происходит пересмотр гендерных ролей в обществе. Подобная динамика обуславливает лингвистический интерес в сфере изучения специфики речевого поведения мужчин и женщин на бытовом уровне, в СМИ, а также в рекламном и политическом дискурсе. В силу того, что гендерные отношения находят свое

Киянова К.А.

Особенности мужской и женской публичной речи на материале речей Г. Коля, Г. Шредера и А. Меркель
Язык и текст langpsy.ru
2016. Том 3. № 2. С. 76–85.
doi: 10.17759/langt.2016030208

Kiyanova K.A.

Features of male and female public speeches: a study of Helmut Kohl, Gerhard Schroeder and Angela Merkel's public speeches
Language and Text langpsy.ru
2016, vol. 3, no. 2, pp. 76–85.
doi: 10.17759/langt.2016030208

выражение в языке, различные аспекты языка могут быть описаны при помощи анализа языковых средств с учетом гендерного фактора.

Анализом особенностей мужской и женской речи занимались такие российские и зарубежные лингвисты, как: Е.А. Земская, М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова, Э. Сепир, О. Есперсен, Дж. Коатс, Д. Таннен, З. Тремель-Плетц [4, с. 36-102]. Как правило, их работы были выполнены на материале обиходно-разговорной речи женщин и мужчин в различных ситуациях. Для женской речи выделялись, например, следующие типичные явления: низкая степень использования профессиональной и терминологической лексики; склонность к употреблению оценочных прилагательных; повторы, вставки, паратакис, эллипсис, использование вводных слов и выражений, эмфаза, перебивы, наличие нескольких тематических линий, междометия, эмоциональность речи, использование тропов. В мужской речи отмечалась высокая степень употребления профессиональной и терминологической лексики, наличие гипотаксиса и периодов, тенденция к использованию грубой лексики, невысокая / умеренная степень использования тропов [3, с. 446-488].

Поскольку в лингвистической литературе наименее разработанными являются исследования публичных речей политиков, то нам показалось целесообразным рассмотреть их в сравнении с вышеуказанными особенностями мужской и женской обиходно-разговорной речи. Некоторые лингвисты полагают, что гендерная маркированность может быть слабо выражена в политическом дискурсе из-за специфики жанра публичной речи [3, с. 489].

Материалом исследования послужили стенограммы публичных выступлений Г. Коля, Г. Шредера и А. Меркель перед бундестагом. Выбранные тексты приблизительно равноценны по объему и имеют одинаковую коммуникативную установку.

В ходе исследования практического материала были получены следующие результаты.

В первую очередь в представленных текстах отсутствуют междометия, эллипсисы, сниженная лексика, перебивы и развитие нескольких тематических линий, поскольку эти особенности не соответствуют функционально-коммуникативным установкам публичной речи, которая призвана быть строго официальной, логичной и последовательной. Между тем было отмечено большое количество вставок как информативного, уточняющего, так и оценочного характера. Приведем некоторые примеры:

1. А. Меркель (до 15 вставок):

Im Bewusstsein dieser gemeinsamen Interessen und Werte führen wir die Verhandlungen, am Ende aber – das wissen wir – werden die britischen Wählerinnen und Wähler entscheiden [12].

Dazu gehört an allererster Stelle die Fluchtbewegung, die Europa – das darf man wohl sagen – vor eine historische Bewährungsprobe stellt [12].

Ich will auch hier daran erinnern: Der Libanon hat 5 Millionen Einwohner – ich habe in London mit dem libanesischen Ministerpräsidenten gesprochen –, und dort sind deutlich mehr als 1 Million Flüchtlinge [12].

Wir haben in Minsk vereinbart – darauf will ich noch einmal hinweisen –, dass sie nach den Regeln von ODIHR, also der für Wahlen zuständigen Organisation der OSZE, stattfinden [13].

Das ist gerade in diesen Zeiten von enormer Bedeutung, in Zeiten, in denen Europa international gefordert ist wie nie zuvor [13].

Ich möchte – und das gilt für die ganze Bundesregierung –, dass das so bleibt. Darauf werden wir hinarbeiten [14].

2. Г. Коль (до 10 вставок):

Wir werden – das ist gut so – in den kommenden Jahren leidenschaftliche Debatten um den richtigen Weg unseres Lands in die Zukunft führen müssen [16].

Neue Mitglieder – das sei hier betont – müssen jedoch in jedem einzelnen Fall die notwendigen politischen und wirtschaftlichen Voraussetzungen erfüllen [16].

So – und das weiß jeder – kann kein Wachstum entstehe [15].

Wenn nicht rasch gehandelt wird – und das wäre eben bei sofortigen Neuwahlen nicht möglich gewesen –, würde die tatsächliche Haushaltslücke für 1983 allein beim Bund auf etwa 55 bis 60 Milliarden DM ansteigen [15].

Wir werden – um auch das noch zu diesem Thema zu bemerken – alles tun, um den Mißbrauch des Asylrechts zu verhindern [15].

3. Г. Шредер (до 29 вставок):

Darüber hinaus werden wir – das ist für viele schmerzlich – den Leistungskatalog überarbeiten und Leistungen streichen [17]. Die Lage – das spürt jeder hier im Haus, aber auch draußen – ist international wie national äußerst angespannt [17].

Deutschland leistet hierzu – das dürfen wir ruhig selbstbewusst, ja sogar stolz sagen – einen entscheidenden Beitrag, politisch wie finanziell [17].

Der Bund – wir werden das bei den Haushaltsberatungen diskutieren – kommt dieser Verantwortung durchaus nach [17].

Wir werden – wie geplant – die nächsten Stufen der Steuerreform mit einem Entlastungsvolumen von rund sieben Milliarden Euro am 1. Januar 2004 und von 18 Milliarden Euro am 1. Januar 2005 ohne Abstriche umsetzen [17].

Wir werden Gewinne aus Veräußerungen – das ist beschlossen – in Zukunft besteuern [17].

Вышеперечисленные примеры подтверждают мысль о том, что вставочные конструкции встречаются не только в речи женщин в обиходно-разговорной ситуации, но и в официально-деловой речи у женщин и мужчин. При этом нужно подчеркнуть, что у А. Меркель вставки имеют, скорее, информирующий и уточняющий характер, в то время как у мужчин-политиков – оценочный и акцентирующий характер.

Следующим типичным языковым явлением в речах политиков являются повторы (анафоры). Приведем примеры:

1. А. Меркель:

Keinem Land in Europa wird es alleine gelingen, sich dauerhaft erfolgreich im globalen Wettbewerb zu behaupten. Keinem Land wird es alleine gelingen, den internationalen Terrorismus zu besiegen oder etwa den Klimawandel aufzuhalten. Keinem Land wird es alleine gelingen, die Folgen von weltweiter Flucht und Vertreibung zu bewältigen und ihre Ursachen zu beseitigen. Keinem Land wird es alleine gelingen, ein Leben in Wohlstand und Frieden zu sichern [13].

2. Г. Шредер:

Wir müssen den Mut aufbringen, für den Frieden zu kämpfen, solange noch ein Funken Hoffnung besteht, dass der Krieg vermieden werden kann. Wir müssen den Mut aufbringen, in unserem Land jetzt die Veränderungen vorzunehmen, die notwendig sind, um wieder an die Spitze der wirtschaftlichen und der sozialen Entwicklung in Europa zu kommen [17].

Очевидно, что анафоры встречаются в речи как А. Меркель, так Г. Шредера вне зависимости от пола говорящего. Использование повторов обусловлено тем, что каждый из политиков преследует одну из важнейших коммуникативных задач, а именно – придать своей речи выразительность, убедительность, а также акцентировать внимание на важной мысли, передаваемой в высказывании. «Выдвигая наиболее важный повторяющийся элемент на первое место, анафора позволяет сосредоточить на нем большее внимание, способствуя тем самым закреплению его в памяти читателя (слушателя)» [6, с. 50-51]. Стоит добавить, что используемые в речах политиков анафоры выполняют эмоционально-выделительную функцию. Кроме того, они могут употребляться в целях ритмизации речи в том случае, когда речь является устной.

Представляется, что неправомерно было бы утверждать, что женская публичная речь характеризуется только паратаксистным построением. Как показал анализ, частота употребления сочинительной связи в женской речи лишь незначительно выше, чем, например, у Г. Шредера (ср.: 240 и 230 сочинительных союзов). Требование полноты, логичности и предписывающего характера изложения отразилось на использовании политиками обоего пола гипотаксистных структур в их речах. Этот факт объясняется тем, что, несмотря на то, что публичная речь является устной, она тем не менее готовится заранее, то есть не является спонтанной, и оформляется в письменном виде.

Следующим важным аспектом публичных выступлений является эмоциональность. Тезису о том, что речь женщины наиболее эмоциональна и экспрессивна, противоречат следующие примеры, в которых эмоциональность передается:

1) При помощи оценочной лексики положительной и отрицательной коннотации:

а. А. Меркель: *leider* (к сожалению), *schrecklich* (ужасный), *wunderbar* (замечательный), *besonders akut* (особо остро), *keine vernünftige Option* (неразумный выбор), *katastrophal* (катастрофический), *solid* (добротный, солидный).

б. Г. Коля: *die schwerste* (самая сложная), *zerrütet* (расстроенный, испорченный), *schlimm*, *das schlimmste* (плохой, худший), *bestürzend* (ошеломляющий), *Heilsbringer* (спасители), *die erfolgreichste Ära* (самая успешная эра), *positiv* (положительный), *katastrophal* (катастрофический), *schwierig* (трудный), *schwankend* (колеблющийся), *erstaunlich* (поразительный), *die Illusion* (иллюзия), *lebensgefährlich* (опасный для жизни), *die dringliste* (самая срочная), *gedankenlos* (необдуманный), *die Bitterkeit* (горечь, досада), *die Resignation* (разочарованность), *verteufeln* (очернить), *böswillig* (злонамеренный), *diffamieren* (оклеветать).

2) При помощи предикатов:

а. А. Меркель: *davon bin ich zutiefst überzeugt* (глубоко убеждена в этом), *ich bin überzeugt* (я убеждена), *bin ich sehr froh* (я очень рада).

б. Г. Коля: *davon bin ich zutiefst überzeugt* (глубоко убежден в этом), *ich freue mich* (я рад).

с. Г. Шредер: *ich zweifle aber daran* (но я сомневаюсь в этом), *ich bin sicher* (я уверен).

3) При помощи модальных глаголов, которые выражают отношение говорящего к действительности:

Таблица 1

Употребление модальных глаголов в речах политиков

Модальные глаголы	А. Меркель	Г. Коль	Г. Шредер
Wollen 1 л. мн.ч	10	74	11
Will	8	4	6
Dürfen 1 л. мн.ч	3	12	2
Sollten 1 л. мн.ч	2	5	4
Können 1 л. мн.ч	10	11	9

Из табл.1 следует, что в речах Г. Коля встречается самый высокий показатель употребления глагола *wollen* 1-го лица множественного числа (74 раза), который «выражает приглашение или побуждение к совместному действию» [1, с. 98-99], и глагола *dürfen* (как правило с отрицанием *nicht*), обозначающим категорический запрет.

4) При помощи восклицательных предложений различной модальности.

В речах Г. Коля встречается 7 восклицательных предложений, в речи Г. Шредера – одно. Восклицательных предложений на материале речей А. Меркель не было обнаружено.

5) При помощи тропов и фразеологических единиц:

а. Г. Коль:

Eine Atempause in der Sozialpolitik (метафора) [15].

Wir wollen keinen autoritären Staat, aber wir wollen einen Staat mit Autorität (игра слов) [16].

б. Г. Шредер:

Auch an diesem Punkt werden Sie zeigen können, ob Sie bereit sind Verantwortung für das Ganze zu übernehmen, oder ob Sie weiterhin allein aus parteipolitischer Orientierung egoistisch Ihr eigenes Süppchen kochen wollen (фразеологическая единица) [17].

Sie sägen damit an dem Ast, auf dem sie selber sitzen (фразеологическая единица) [17].

Ich möchte nicht, dass man den sozialen Status der Menschen wieder an ihren Zähnen ablesen kann (метафора) [17].

6) При помощи цитирования:

а. А. Меркель (3 цитаты):

Genau das dient dann nämlich Europa und – davon bin ich zutiefst überzeugt – dann auch dem Wohle Deutschlands, um im – ich zitiere Wolfgang Schäuble – „Rendezvous mit der Globalisierung“ wirklich bestehen zu können [13].

б. Г.Коль (6 цитат):

Ich zitiere einen liberalen Mitstreiter jener Zeit, Thomas Dehler, der sagte:

Die liberale Idee vom Menschen ist tief verbunden mit der christlichen Wahrheit. Der Mensch hat seine Würde als Ebenbild Gottes, als Träger einer unsterblichen Seele, als einmalige unverwechselbare Persönlichkeit. Diese Würde im irdischen Leben zu wahren, ist liberale Verpflichtung [15].

Ich zitiere Wilhelm Röpke, einen der Väter der Sozialen Marktwirtschaft. Er sagt: „Marktwirtschaft ist eine notwendige, aber keine ausreichende Bedingung einer freien, glücklichen, wohlhabenden, gerechten und geordneten Gesellschaft“.

Und er fügt hinzu: „Das schließliche Schicksal der Marktwirtschaft entscheidet sich jenseits von Angebot und Nachfrage“ [15].

Hier gilt in besonderer Weise das Wort von Hans-Dietrich Genscher: „Deutschlandpolitik ist europäische Friedenspolitik“ [15].

Удельный вес оценочных прилагательных, существительных и глаголов, восклицательных предложений, тропов и цитат в речи Коля позволяет нам считать эмоциональность речи политиков релевантным с точки зрения гендерного фактора. Наличие эмоционально окрашенных единиц в речи политиков объясняется стремлением политика, во-первых, придать своей речи образность и выразительность, во-вторых, привлечь внимание аудитории, и, в-третьих, оказать максимальное воздействие на адресата. Речь А. Меркель отнюдь не лишена эмоциональности, однако, наиболее сдержана и суха.

Нельзя не заметить, что формы этикетных обращений, выполняющие контактоустанавливающую функцию, используются А. Меркель и мужчинами-политиками в одинаковых ситуациях по-разному. Ср.: liebe Kolleginnen und Kollegen (дорогие/ уважаемые коллеги) в речах А. Меркель и meine sehr verehrten Damen und Herren (уважаемые дамы и господа) в речах мужчин-политиков. Атрибут lieb передает более дружелюбный, доверительный тон [18, с. 129], в то время как verehrt – наиболее дистанцированное отношение.

В ходе речи немецких политиков было также отмечено обращение meine Damen und Herren. У Г. Коля насчитывается самый высокий показатель (47 раз), в отличие от А. Меркель (19) и Г. Шредера (1). При этом обращаясь к публике, политики высказываются от своего лица при помощи местоимения ich, а также от лица народа, страны, партии при помощи wir.

Таблица 2

Употребление местоимений wir и ich

Местоимение	А. Меркель	Г. Коль	Г. Шредер
Wir	179	230	281
Ich	77	58	60

Из табл. 2 следует, что Г. Коль и Г. Шредер, обращаясь к аудитории, употребляют местоимение wir 1-го лица множественного числа, отождествляя себя (говорящего) с населением всего государства и с народом (со слушателем). Таким образом на первый план выдвигается коллективное целое, а не отдельная личность.

Киянова К.А.

Особенности мужской и женской публичной речи на материале речей Г. Коля, Г. Шредера и А. Меркель
Язык и текст langpsy.ru
2016. Том 3. № 2. С. 76–85.
doi: 10.17759/langt.2016030208

Kiyanova K.A.

Features of male and female public speeches: a study of Helmut Kohl, Gerhard Schroeder and Angela Merkel's public speeches
Language and Text langpsy.ru
2016, vol. 3, no. 2, pp. 76–85.
doi: 10.17759/langt.2016030208

Следующей языковой особенностью является высокий коэффициент использования терминологической лексики представителями обоего пола, что свидетельствует о высокой степени компетентности государственных деятелей. Например:

Die Wirtschafts- und Währungsunion, die Subsidiarität, das Engagement, die Zwischenbilanz, der Binnenmarkt, die Souveränität, die Mitgliedstaaten, die Krankenhausfinanzierung, der Protektionismus, die Legislaturperiode, die Ausländerpolitik, die Gesamtstrategie, der Etat, die Rentenstrukturreform, die Entbürokratisierung, die Arbeitskräften, die Tarifparteien, das Investitionsvolumen, die Finanzierbarkeit, die Koalition, die Abstimmung, der Kanzler, die Verbündeten, die Sanktionen, der Finanzminister

На владение терминологической лексикой политологического характера оказывают влияние экстралингвистические факторы, среди которых выделяется: конкретная внеязыковая ситуация, социальный статус и род профессиональной деятельности говорящего.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что в данной статье на незначительной части примеров была предпринята попытка выявить особенности мужской и женской публичной речи, а также показать влияние экстралингвистических факторов на данные особенности.

Очевидно, что речи политиков составляются заранее специальными людьми, спичрайтерами. Тем не менее в текстах публичных речей должны присутствовать индивидуальные особенности конкретного политического деятеля, в том числе должна проявляться его гендерная принадлежность. Полученные результаты (высокая степень вставочных конструкций у мужчин, выражение эмоциональности на разных языковых уровнях, этикетные обращения) позволяют нам говорить о существовании некоторых различиях в мужской и женской речи немецких политиков.

В заключение хотелось бы отметить, что проработанный в настоящей статье материал чрезвычайно важен, поскольку на основе гендерного подхода могут быть получены практические рекомендации для политиков обоего пола, что положительно скажется на эффективности общения государственных деятелей с аудиторией.

Литература

1. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969. 184 с.
2. Жеребкина И.А. Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие / Под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. 708 с.
3. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь / Под ред. Е.А. Земской. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 429-492.
4. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 252 с.
5. Кирилина А.В. Гендер и язык. М.: Языки славянской культуры, 2005. 624 с.

Киянова К.А.

Особенности мужской и женской публичной речи на материале речей Г. Коля, Г. Шредера и А. Меркель

Язык и текст langpsy.ru

2016. Том 3. № 2. С. 76–85.

doi: 10.17759/langt.2016030208

Kiyanova K.A.

Features of male and female public speeches: a study of Helmut Kohl, Gerhard Schroeder and Angela Merkel's public speeches

Language and Text langpsy.ru

2016, vol. 3, no. 2, pp. 76–85.

doi: 10.17759/langt.2016030208

6. Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. 840 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Советская энциклопедия, 1990. 683 с.
8. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии / под ред. А.Е. Кибрика. пер. с англ. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
9. *Jespersen O.* Language: Its Nature, Development, and Origin. London: G. Allen & Unwin Ltd., 2011. 454 p.
10. *Jespersen O.* The Woman // The Feminist Critique of Language / ed. by D. Cameron. London: Routledge, 2nd Edition, 1998. pp. 225-241.
11. *Lakoff, R.* Language and women's Place The Woman // The Feminist Critique of Language / ed. by D. Cameron. London: Routledge, 2nd Edition, 1998. pp. 242-253.
12. Regierungserklärung von Bundeskanzlerin Merkel 18.02.2016 URL: <https://www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Regierungserklaerung/2016/2016-02-18-regierungserklaerung.html> (дата обращения: 23.02.2016).
13. Regierungserklärung von Bundeskanzlerin Merkel 17.12.2015, URL: <https://www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Regierungserklaerung/2015/2015-12-17-regierungserklaerung.html> (дата обращения: 25.02.2016).
14. Regierungserklärung von Bundeskanzlerin Merkel 19.03.2015, URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Regierungserklaerung/2015/2015-03-19-regierungserklaerung.html> (дата обращения: 23.02.2016).
15. Regierungserklärung von Bundeskanzler Kohl in der 121. Sitzung des Deutschen Bundestages vom 13.10.1982, URL: <http://www.helmut-kohl-kas.de/index.php?msg=1934> (дата обращения: 25.02.2016).
16. Regierungserklärung in der 5. Sitzung des Deutschen Bundestags zur Regierungspolitik 1994 bis 1998, URL: http://helmut-kohl.kas.de/index.php?menu_sel=17&menu_sel2=132&menu_sel3=&menu_sel4=&msg=1483 (дата обращения: 21.02.2016).
17. Regierungserklärung des Bundeskanzlers Gerhard Schröder "Mut zum Frieden und zur Veränderung" (14.03.2003), URL: <http://gerhard-schroeder.de/2003/03/14/regierungserklarung-agenda-2010/> (дата обращения: 21.02.2016).
18. *Sommerfeldt K.E.* Sehr geehrter Herr! – Werter Genosse! – Lieber Kollege! // Sprachpflege. Zeitschrift für gutes Deutsch. Leipzig, 1980. № 7. pp. 129-132.

Киянова К.А.

Особенности мужской и женской публичной речи на материале речей Г. Коля, Г. Шредера и А. Меркель
Язык и текст langpsy.ru
2016. Том 3. № 2. С. 76–85.
doi: 10.17759/langt.2016030208

Kiyanova K.A.

Features of male and female public speeches: a study of Helmut Kohl, Gerhard Schroeder and Angela Merkel's public speeches
Language and Text langpsy.ru
2016, vol. 3, no. 2, pp. 76–85.
doi: 10.17759/langt.2016030208

Features of male and female public speeches: a study of Helmut Kohl, Gerhard Schroeder and Angela Merkel's public speeches

Kiyanova K.A.,

Postgraduate of Philological Faculty, Assistant of the Department of Foreign Languages, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
kiyanova.karina@gmail.com

The present essay examines the issues connected with the differences in the speeches of public men and women determined by their gender. The paper presents the analysis of the political speeches of such German politicians as H. Kohl, G. Schroeder and A. Merkel. By the comparison of their public speeches, the author tries to reveal gender rhetoric particularities at different linguistic levels, with the concern of extralinguistic factors. The material under analysis makes it possible to identify the gender speech peculiarities through the verbal behaviour of men and women in political discourse.

Key Words: gender, political discourse, male and female speech, feminine, masculine.

References

1. *Gulyga E.V., Shendel's E.I.* Grammatiko-leksicheskie polya v sovremennom nemetskom yazyke [Grammatical-lexical fields in modern German language]. Moscow: Prosveshchenie, 1969. 184 p.
2. *Zherebkina I.A.* Vvedenie v gendernye issledovaniya [Introduction to Gender Studies]. Ch. I: Uchebnoe posobie/ In Zherebkina I. A. (ed.). Khar'kov: KhTsGI, 2001; Saint Petersburg.: Aleteïya, 2001. 708 p.
3. *Zemskaya E.A., Kitaigorodskaya M.A., Rozanova N.N.* Osobennosti muzhskoi i zhenskoi rechi [Features of male and female speech] // Yazyk kak deyatel'nost'. Morfema. Slovo. Rech' [Language as an activity. Morpheme. Word. Speech] / In Zemskaya E.A. (ed.). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. pp. 429-492.
4. *Kirilina A.V.* Gendernye issledovaniya v lingvistike i teorii kommunikatsii [Gender studies in linguistics and communication theory]. Moscow: «Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 2004. 252 p.
5. *Kirilina A.V.* Gender i yazyk [Gender and Language]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2005. 624 p.

Киянова К.А.

Особенности мужской и женской публичной речи на материале речей Г. Коля, Г. Шредера и А. Меркель
Язык и текст langpsy.ru
2016. Том 3. № 2. С. 76–85.
doi: 10.17759/langt.2016030208

Kiyanova K.A.

Features of male and female public speeches: a study of Helmut Kohl, Gerhard Schroeder and Angela Merkel's public speeches
Language and Text langpsy.ru
2016, vol. 3, no. 2, pp. 76–85.
doi: 10.17759/langt.2016030208

6. Kul'tura russkoi rechi. Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik [Culture of Russian Speech. Encyclopedic Dictionary Catalog] / In Ivanov L.Yu., Skovorodnikov A.P., Shiryaev E. N. i dr (ed.). Moscow: Flinta: Nauka, 2003. 840 p.
7. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary] / In Yartsev V.N. (ed.). 2-e izd., dop. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. 683 p.
8. *Sepir E.* Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii [Selected works on linguistics and cultural studies] / In Kibrik A.E. (ed.). per. s angl. Moscow: Progress Publ., 1993. 656 p. (In Russ.).
9. *Jespersen O.* Language: Its Nature, Development, and Origin. London: G. Allen & Unwin Ltd., 2011. 454 p.
10. *Jespersen O.* The Woman // The Feminist Critique of Language / ed. by D. Cameron. London: Routledge, 2nd Edition, 1998. pp. 225-241.
11. *Lakoff R.* Language and women's Place The Woman// The Feminist Critique of Language / ed. by D. Cameron. London: Routledge, 2nd Edition, 1998. pp. 242-253.
12. Regierungserklärung von Bundeskanzlerin Merkel 18.02.2016. URL: <https://www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Regierungserklaerung/2016/2016-02-18-regierungserklaerung.html> (Accessed 23.02.2016).
13. Regierungserklärung von Bundeskanzlerin Merkel 17.12.2015. URL: <https://www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Regierungserklaerung/2015/2015-12-17-regierungserklaerung.html> (Accessed 25.02.2016).
14. Regierungserklärung von Bundeskanzlerin Merkel vom 19.03.2015. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Regierungserklaerung/2015/2015-03-19-regierungserklearung.html> (Accessed 23.02.2016).
15. Regierungserklärung von Bundeskanzler Kohl in der 121. Sitzung des Deutschen Bundestages vom 13.10.1982, URL: <http://www.helmut-kohl-kas.de/index.php?msg=1934> (Accessed 25.02.2016).
16. Regierungserklärung in der 5. Sitzung des Deutschen Bundestags zur Regierungspolitik 1994 bis 1998. URL: http://helmut-kohl.kas.de/index.php?menu_sel=17&menu_sel2=132&menu_sel3=&menu_sel4=&msg=1483 (Accessed 21.02.2016).
17. Regierungserklärung des Bundeskanzlers Gerhard Schröder "Mut zum Frieden und zur Veränderung" (14.03.2003). URL: http://www.documentarchiv.de/brd/2003/rede_schroeder_03-14.html (Accessed 21.02.2016).
18. *Sommerfeldt K.E.* Sehr geehrter Herr! – Werter Genosse! – Lieber Kollege!// Sprachpflege. Zeitschrift für gutes Deutsch. Leipzig, 1980. № 7. pp. 129-132.

К вопросу о национально – культурной специфике метафор

Павлишак Т.А.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингводидактики и межкультурной коммуникации факультета «Иностранные языки» Московского городского психолого-педагогического университет, *tatiana_lap@mail.ru*

Статья посвящена вопросам рассмотрения метафоры с позиции лингвокультурологии как новой области знания, изучающего проявления и культуры в языке и через язык. Показаны некоторые характеристики метафоры как одного из образительно – выразительных средств. В статье подчеркивается значение метафоры для отражения национально – культурной специфики языка.

Ключевые слова: метафора, национально – культурная специфика, картина мира, образные средства языка, образительные средства языка, культурные коннотации.

Для цитаты:

Павлишак Т.А. К вопросу о национально – культурной специфике метафор [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2016. Том 3. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n2/Pavlishak.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2016030209

For citation:

Pavlishak T.A. To the question of the cultural identity of metaphors [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [Language and Text langpsy.ru], 2016, vol. 3, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n2/Pavlishak.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2016030209

Метафора является одним из тропов – образительно – выразительным лексическим средством, представляющим собой слово или словосочетание, используемое в непрямом значении.

Традиционно считается, что сущность тропов заключается в сопоставлении традиционно употребленной лексической единицы, и понятия, выраженного этой же единицей в художественной речи с целью осуществления стилистической функции.

В качестве наиболее значимых тропов в русском языке определяют метафору, метонимию, синекдоху, иронию, гиперболу, литоту и олицетворение. Также отдельно рассматривают аллегория и перифраз, которые представляют собой развернутую метонимию либо метафору.

К метафорам относят скрытое сравнение, осуществляемое путем употребления наименования одного предмета по отношению к другому и подчеркивающее этим какую-либо значительную характеристику второго на основе их сходств. В широком смысле термин «метафора» часто употребляется по отношению к любым словам, употребляемым в непрямом значении.

Понятие «метафора» традиционно является объектом изучения многих лингвистов как в России, так и за рубежом (Н.Д. Арутюнова, Ю.Н. Караулов, Дж. Лакофф, Рудакова А. В., А.П. Чудинов, и другие). Вместе с тем сегодня существуют разногласия между исследователями, изучающими вопросы лингвистического понимания метафоры. Современные исследователи, в частности Арутюнова Н.Д., Демьянков В. З., Кубрякова Е.С., Телия В.Н., выделяют основные лингвистические понятия и процессы, объединяющие появление и функции метафоры в речи. Они включают в себя: общее значение слова, основной семантический элемент, который представляет собой результат образования семантической двуплановости метафорического значения; лексико-семантические связи слов, не имеющие логической связи с реальными предметами и явлениями.

Сущность и основное содержание метафоры, а также связанные с ней культурные коннотации, как следствие, представляют собой знание, другими словами - источник когнитивного освоения, что и является причиной, по которой образно-мотивированные слова (метафоры) могут считаться экспонентами культурных символов.

В конце XX века метафора стала рассматриваться учеными как более сложное и значительное явление, чем считалось ранее. Отмечается ее крайне важная роль в языке, культуре, науке и в других аспектах жизни человека. Исследователи сходятся во мнении, что метафоры по сути представляют собой универсалии сознания, а метафорическое видение мира психологи в наши дни предпочитают ассоциировать с генезисом человека и, как следствие, с его культурой. Наиболее вероятен тот факт, что протоязык имел метафорический характер, а сам процесс протокоммуникации осуществлялся на метафорическом уровне.

Метафора является универсальным средством языка, ее присутствие можно наблюдать во всех языках. Универсальный характер метафоры выявляется в пространстве и времени, в языковых структурах и в функционировании языка. Значительное число лингвистов склонно к утверждению о том, весь язык, по сути, представляет собой "кладбище метафор".

Несмотря на то, что феномен метафоры рассматривается множеством философов и исследователей уже в течение двух тысяч лет, в большинстве случаев ее рассматривают либо в качестве стилистического средства, либо же в качестве художественного приема.

В соответствии с современными исследованиями метафора определяется как «основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при помощи новой сферы» [4:4].

Р.И. Павиленис высказывает мысль о том, что формирование концептуальной системы происходит на довербальной стадии, дальнейшее же непрерывное строение новых смысловых структур на основе содержащихся в концептуальной системе концептов возможно при помощи языка. Язык, в свою очередь, выделяется как особый объект познания - осуществляемое концептуальной системой соотнесение информации об определенных объектах возможно за счет кодирования языковыми средствами определенных фрагментов концептуальной системы [3].

Естественный язык, фиксируя концепты, создает базу для построения новых концептуальных структур. Построенные посредством языка концептуальные структуры скорее относятся к возможному, чем к актуальному опыту индивида. Концептуальные структуры - это информация, которую без языка нельзя ввести в концептуальную систему [3]

Концептуальная картина мира, как известно, представляет собой отражение языков и мышления на вербальном и невербальном уровнях и понимается как система взаимосвязанной информации, отражающая познавательный опыт индивида на разных уровнях и в разных аспектах познания мира. Она служит не только средством ориентации в мире, но и инструментом познания и объяснения явлений, создает разные способы передачи знаний.

Иными словами, концептуальная картина мира - это совокупность систематизированных знаний человека об окружающем мире в виде концептов, образов. Под концептом мы, вслед за Е.С. Кубряковой и Д.Б. Демьянковым, понимаем «оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [1:90]

Соответственно, культурные концепты, представляя культурно-значимую информацию, составляют элемент в концептуальной картине мира.

Культурные концепты представляют собой имена абстрактных понятий. Культурная информация прикрепляется к сигнификату, то есть понятийному ядру [2:48].

Появление метафоры соотносится с концептуальной системой носителей языка, их представлениями о мире, с системной ценностью, существующих вокруг самостоятельно и только лишь вербализующихся в языке. Таким образом, можно сделать вывод, что метафора представляет собой модель выводного знания, модель вынесения гипотез.

Национально-культурную семантику составляют и фон, и коннотация, и ассоциации, которые создают основную составляющую национальной лингвистической картины мира, и когнитивный подход к понятиям национального разнообразия языковой картины предоставляет поле для изучения содержательной стороны разделов лингвокультурологии. Однако, в момент получения национального опыта другой культуры и его восприятия в процессе межкультурного общения значительное место занимает план определения национально – специфического содержания.

Образные средства языка, к которым относится метафора, являясь неотъемлемым компонентом общенациональной языковой картины мира, принадлежат к отдельным объектам изучения в лингвистике.

Осознание процесса появления метафор и их использования представляет собой в некотором роде ключ к пониманию ономастического, гносеологического состава речи. При представлении языка как свода классификации человеческого опыта, можно выделить языковую метафоризацию, выведенную в виде классификационных систем, базой которых является исследование закономерностей метафорических переносов, что дает возможность выявить культурологическое измерение лингвокогнитивного пространства, содержащее в себе как национальное, так и индивидуальное языковое сознание.

Метафора представляет собой некий способ представления мира, который применяет ранее полученные знания путем постижения новых. Метафора представляет интерес еще и тем, что в процессе создания нового знания, она сопоставляет разные понятия, проводя их через человека, сопоставляя окружающий мир с человеческим масштабом знаний и представлений, с системой культурно-национальных ценностей.

Следовательно, метафора по сути антропометрична, а сама возможность мыслить метафорически является характеристикой самого *homo sapiens*, Поэтому метафоры представляет собой в некотором роде осознание человеком самого себя. Сама метафора помогает легче воспринимать абстрактные понятия, путем метафорического переноса от конкретного к абстрактному, от материального к духовному.

Таким образом, метафора в современной науке о языке является комплексным явлением, которое содержит в себе ряд не только лингвистических, но и культурных характеристик, изучаемых специалистами с различных позиций, как с точки зрения создания образности, так и с точки зрения выражения культурно-личностного восприятия человека .

В связи с этим знания связанных с ним ассоциаций, стереотипных коннотаций, метафор, национальных образов, лежащих в их основе, способствуют адекватному восприятию

контекста текста, способствуют восприятию его эмоционального настроя, имплицитной информации, содержащейся в тексте. Коннотация слова рождается связью языка и культуры. Коннотация — это несущественные, но устойчивые признаки выражаемого лексемой понятия, воплощающие принятую в обществе оценку соответствующего предмета или факта, отражающие связанные со словом культурные представления и традиции. Не входя непосредственно в лексическое значение и не являясь следствиями из него, эти признаки объективно обнаруживают себя в языке, получая закрепление в переносных значениях, привычных метафорах и сравнениях, полусвободных сочетаниях, производных словах. К числу объективных проявлений коннотаций относят те, которые обычно не фиксируются словарями, но регулярно воспроизводятся в процессе порождения и интерпретации высказывания

Только овладение соответствующими «пакетами знаний» (фреймами) позволит языковой личности выйти за пределы собственной культуры и продуктивно осуществлять межкультурное общение с учетом его лингвистических и психологических особенностей, что даст представление о иноязычной картине мира.

Литература

1. *Демьянков В.З., Кубрякова Е.С.* Когнитивная лингвистика // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В.Ломоносова, 1996. КСКТ, С. 53–55.
2. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. 2-е изд., стереотипное. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 208 с.
3. *Павиленис Р.И.* Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.
4. *Чудинов А.П.* Когнитивно-дискурсивное исследование метафоры в текстах СМИ: гл. в учеб. пособии / А. П. Чудинов и др. // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие / МГУ. М., 2004. Ч. 2.

To the question of the cultural identity of metaphors

Pavlishak T.A.,

Ph.D (Philology), associate professor of the Linguodidactics and Cross-cultural Department of the Faculty of Foreign Languages Moscow State University of Psychology and Education,
tatiana_lap@mail.ru

The article is devoted to consideration of the metaphor from the perspective of cultural linguistics as a new area of knowledge that studies the interaction between language and culture. It demonstrates some metaphor characteristics as one of the figurative - expressive means. The article emphasizes the importance of metaphors to reflect national-cultural specificity of a language.

Key Words: metaphor, national-cultural specificity, worldview, descriptive language means, visual means of language, cultural connotation.

References

1. *Dem'yankov V.Z., Kubryakova E.S.* Kognitivnaya lingvistika // Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / Kubryakova E.S., Dem'yankov V.Z., Pankrac YU.G., Luzina L.G. M.: Filol. f-t MGU im. M.V.Lomonosova, 1996. KSKT, pp. 53–55.
2. *Maslova V.A.* Lingvokul'turologiya: Uchebnoe posobie dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij. 2-e izd., stereotipnoe. M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2004. 208 p.
3. *Pavilenis R.I.* Problema smysla: sovremennyy logiko-filosofskij analiz yazyka. M.: Mysl', 1983. 286 p.
4. *CHudinov A.P.* Kognitivno-diskursivnoe issledovanie metafory v tekstah SMI: gl. v ucheb. posobii / A. P. CHudinov i dr. // YAzyk SMI kak ob"ekt mezhdisciplinarnogo issledovaniya: ucheb. posobie / MGU. M., 2004. CH. 2.

Код стиля косматеско: распознавание смыслов

Цыкунов И. В.,

магистрант, кафедра «Лингводидактика и межкультурные коммуникации», факультет «Иностранные языки», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, artefakt@yandex.ru

Искусство итальянских мастеров Космати, создававших в XII–XIII веках в Риме и окрестностях уникальные мозаичные произведения, во все времена вызывало восхищение. Филигранная техника работы с камнем, полихромность, разнообразие геометрических фигур и сложность композиций демонстрируют их несомненную эстетическую ценность. Однако начиная с XIX века высказывались предположения, что мастера Космати использовали не просто абстрактные построения, но зашифрованный символический язык. Автор данной работы исследует элементы стиля косматеско как единую систему, пытаясь ответить на вопрос, существует ли символический язык Космати, репрезентирующий важные религиозные смыслы, или это всего лишь часть искусства декорирования пространства. И если он существует – возможно ли его прочесть. Отправной точкой работы послужила надпись на мозаичных полах косматеско в Вестминстерском аббатстве, сложенных предположительно в 1272 году, содержащая точную дату конца света.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, косматеско, мастера Космати, мозаика, каменщики, мозаичисты, Средневековье, Средневековая Италия, архитектурный стиль, Рим, Монтекасино, история искусства, теменология, история религии, раннее христианство, католичество, символика, семантика религиозных символов, семиотика, семиология.

Для цитаты:

Цыкунов И.В. Код стиля косматеско: распознавание смыслов [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2016. Том 3. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n2/Tsykunov.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2016030210

For citation:

Tsykunov I.V. Cosmatesque code: to know of meanings [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru]*, 2016, vol. 3, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n2/Tsykunov.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2016030210

1. Особенности стиля косматеско

1.1. История появления стиля косматеско в Италии

Архитектурный стиль косматеско появился благодаря богатому наследию византийских мастеров-мозаичистов. К моменту, когда каменщики прибыли в Италию, их произведения украшали многочисленные храмы Константинополя, церкви и монастыри от Греции до Палестины и даже мечети (Куббат ас-Сахра, мечеть Омейядов в Дамаске). Их искусство сложилось предположительно в VI–VIII веках, то есть за 300–500 лет до явления на Апеннинском полуострове. Великолепные византийские мозаики к X–XI векам покрыли полы монастырских храмов Афона и первых двух каменных церквей древней Киевской Руси эпохи св. Владимира и Ярослава Мудрого [25]. Но наибольший расцвет мастерство византийских мозаичистов получило на новой родине, и именно тут безымянные архитекторы и ремесленники обрели имена и славу основателей стиля. И что удивительно для того времени,

обстоятельства их появления известны точно – 1066 год, монастырь Монтекассино [40], крупный религиозный и культурный центр Средневековья [10, с. 368].

Начало итальянского периода истории косматеско предопределил один удивительный человек – монах Дезидерий (1026/27–1087), в миру Дауферий Эпифани, князь Беневентский [13, с. 148-150], а в конце жизни папа римский Виктор III. В 1058 году он стал аббатом Монтекассино и год спустя – кардиналом-пресвитером титулярной церкви святой Цецилии. Карьере молодого аббата способствовала необыкновенная энергия и несомненный организаторский талант.

Дезидерий сразу же взялся за украшение и переустройство обветшавшей со временем обители. Как сказано в монастырской хронике, «в девятом году своего пребывания в должности, от воплощения же Господнего 1066-м, в марте месяце, 4-го индикта, <...> он взялся за основательную перестройку церкви блаженного Бенедикта, из-за своих малых размеров и некрасивого вида совершенно не соответствовавшей такому богатству и такой общине братьев» [13, с. 169-170]. Аббата отговаривали монахи, ибо план перестройки был действительно грандиозен и начинался со спрямления скалистого гребня горы. Но Дезидерий был деятелен и настойчив в своих стремлениях. В Риме представители монастыря уговорами и деньгами добыли античные колонны и мрамор. Для строительства наняли опытных амальфитанских и ломбардийских мастеров.

Особая роль была определена для византийских мозаичистов. В монастырской хронике так повествуется об этом: «Между тем он посылает в Константинополь послов для найма мастеров, опытных во всяком случае в искусстве мозаики и ваяния, из которых одни должны были украсить мозаикой апсиду, арку и вестибюль главной базилики, а другие – выложить многообразием разных камней пол всей церкви. Какого совершенства были присланные ему тогда знатоки этих искусств, можно судить по их трудам, ибо всякий уверяет, что видит в мозаике живые и даже цветущие образы и полагает, что цветы всякого рода красок прямо-таки расцветают на мраморных плитах в красивом многоцветии. И поскольку знание этих искусств уже более 500 лет назад было утрачено латинянами, но по внушению и при содействии Бога заслужило возродиться в наше время благодаря его стараниям, то, чтобы оно впредь не пропадало в Италии, этот всяческого благоразумия муж постарался тщательно обучить этим искусствам очень многих мальчиков из монастыря. Все же не только из них, но и из всех мастеров, какие только могут ваять из золота и серебра, меди, железа, стекла, слоновой кости, дерева, гипса и камня, он приготовил себе весьма преданных мастеров своих» [13, с. 171]. Там же в хронике отмечается, что «весь пол во всей церкви вместе с прилегающими часовнями блаженного Варфоломея и блаженного Николая и со своей комнатой он покрыл удивительным и до сих пор неведомым в этих краях многообразием резных камней, но особенно пол возле алтаря и в хоре» [13, с. 172]. Собственно, это и есть первое достоверное упоминание о византийских мастерах.

В субботу 1 октября 1071 года базилика блаженного Бенедикта вместе с пятью своими алтарями была торжественно освящена папой Александром. Монастырские мальчики из Монтекассино стали мастерами и продолжателями стиля, названного впоследствии косматеско.

Рис. 1. Фрагмент полов косматеско в аббатстве Монтекассино

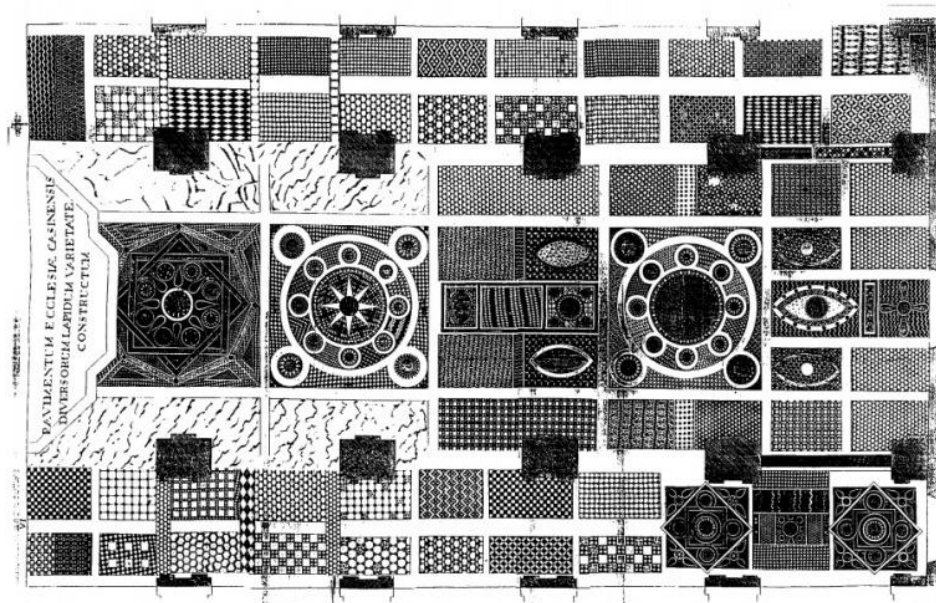

Рис. 2. План пола базилики блаженного Бенедикта в аббатстве Монтекассино.

Взяв лучшее из византийской практики, и греко-римских образцов итальянские мастера привнесли в искусство новые технические приемы, развили и усовершенствовали искусство, сделав его уникальным. Их главное достижение было в создании строгой системы, упорядочившей разнообразные элементы, выстроенные по принципам гармонии и религиозным канонам своего времени.

1.2. Признаки символической системы

Любой орнамент или геометрический рисунок дает представление о культуре, но далеко не все из них несут в себе символическую репрезентацию, ибо имеют сугубо прикладную декоративную функцию. Именно поэтому стоит определиться с критериями, позволяющими по возможности отделить спекулятивные толкования (которых, впрочем, не избежать) от более или менее объективных фактов.

Мы выделяем две группы критериев – внешнюю и внутреннюю. Для внешних критериев определяющими являются: среда, практика использования символов, смысловая нагрузка. Среда репрезентации изображений может быть обыденной или сакральной. Разницу определяет ее функциональность. Обычная римская базилика, предназначенная для встречи граждан и проведения суда стала местом сакральным – церковью в ранние христианские времена. Тут важно понять цель использования пространства, изучить предметы, исторические свидетельства и данные археологических раскопок.

Если в традиции исследуемого региона, данной культуры вообще или определенного сообщества есть практика создания символических систем, то высока вероятность, что исследуемое нами явление может использоваться подобным же образом, то есть быть символической системой. Элементы системы должны нести смысловую нагрузку, очевидную для представителей исследуемой культуры или сообщества. При этом нужно учесть, что со временем знание о смысле может быть утрачено или скрыто от непосвященного, что характерно для религиозных учений и тайных сообществ.

Для группы внутренних критериев выделим: системность, достаточность, наличие правил. Набор бессвязных символов – всего лишь коллекция красивых пиктограмм с локальным значением и не более того. Элементы, находящиеся в связи друг с другом указывают на систему. Достаточность определяется разнообразием элементов, позволяющим репрезентировать сложные смыслы и их ограниченностью, как ограничен алфавит в любой языковой системе. Вариации символической системы должны подчиняться определенным правилам. Если они есть, то перед нами символический язык.

Мы сформулировали критерии, по которым и будем рассматривать интересующий нас объект исследования. А для этого нам необходимо учитывать широкий исторический и религиозно-символический контекст.

1.3. Стиль Космати и символическая среда

Среда, в которой развивается косматеско, насыщена символическими значениями. Религиозный ритуал, храмовая обстановка, литургия – все это способствует развитию знаковых систем.

Исследователь храмового пространства Ш. М. Шукуров довольно четко формулирует суть проблемы: «любые суждения о Храме должны, прежде всего, подразумевать то, что мы всегда и при любых обстоятельствах имеем дело с неисчерпаемым образом Храма – трансформом репрезентирующего понятия и трансцендентной идеи. Главные для традиции храмовые постройки всегда и непременно находятся в центре мироздания – скажем, на священной горе или скале (например, Храм Соломона и Храм Грааля), а образ Храма вбирает в себя все мыслимые и немыслимые основы мироустройства» [27, с. 7].

Именно тема Храма рассматривается в рамках отдельной дисциплины, называемой теменологией, то есть храмоведением. Сам термин теменология принадлежит выдающемуся французскому ученому-иранисту Анри Корбену, ученику и первому переводчику Мартина Хайдеггера на французский язык. Дисциплина ориентирована на изучение не просто храмовой теологии и философии, а на образ Храма, находящегося на границе двух миров, по блаженному Августину – Града Земного и Града Небесного, а также посвящена феномену храма, его проявлению в контексте разных культур, изучению символов и храмового сознания.

Знаменитый представитель «венского искусствознания» Ханс Зедльмайр, размышляя о трансцендентности собора, отмечал, что «применительно к XII и XIII векам, было несомненным, что церковное здание передает Небо, Небесный Иерусалим. А символику церковного здания не формировало особое ученое знание, правами на которое обладали богословы, совсем иначе, эта символика была заранее известна и реальна для каждого верующего, вступавшего в храм» [9, с. 565].

Исторически произведения мастеров Космати связаны с церковью и только с ней. Мозаика их предшественников, византийских каменщиков, обнаруживается только там, где когда-то стоял храм или монастырь. Даже если это помещение дворца василевса, то, скорее всего, оно было частью дворцового храма. И не вполне ясно, была ли в такой замкнутости некая сакральность, или это следствие очевидной дороговизны мозаики. Впоследствии, когда косматеско признали одним из архитектурных стилей, его стали применять и в более утилитарной обстановке.

1.4. Практика использования символов

Христианство, как известно, в первые столетия развивалось во враждебном окружении. И именно в этот период разрабатывался художественный символический язык, который был открыт для интерпретации посвященным и скрыт от внимания тех, кто представлял собой опасность: «Богослужбное искусство формируется и живет по тем же правилам, что и само богослужение. Знаковый характер раннехристианского искусства, – очевидно, выражение той же “*disciplinae arcanae*” (тайного учения), запрещавшей открывать сокровенное учение непосвященным, не допускавшей и письменных формуляров богослужбного чина таинств» [28, с. 144].

В своем обширном труде о первых столетиях христианства немецкий исследователь XIX века Филип Шафф перечисляет основные символы: «В катакомбах часто изображались и связывались с добродетелями и обязанностями христианского образа жизни следующие символы, взятые из Писания: голубь с оливковой ветвью или без нее, обозначающий простоту и невинность; корабль, иногда символизировавший церковь, безопасно плывущую в губительном потоке, с намеком на Ноев ковчег, а иногда – душу верующего на его пути к небесному дому под наставлением умиряющего бури Спасителя; пальмовая ветвь, которую провидец Апокалипсиса вкладывает в руки избранных в знак их победы; якорь, символ надежды; лира, обозначающая праздничную радость и приятное согласие; петух, призыв к бдительности, с намеком на отречение Петра; лань, которая стремится к потокам прохладной воды; виноградная лоза, ветви и грозди которой, согласно притче, демонстрируют единство христиан со Христом, а также богатство и радость христианской жизни. Что касается феникса, то он, как символ обновления и воскресения, происходит из известного языческого мифа» [26, с. 193].

Также Филип Шафф отмечает, что страсти распятия Христа сначала не изображались, на них указывал только символ креста. Нередки были ссылки и на изображения языческого происхождения: Психея с крыльями, играющая с птицами и цветами (символ бессмертия), Геркулес, Тесей и особенно Орфей, который своими волшебными песнями успокаивал бури и укрощал диких зверей. Все это тоже в неявном виде соотносилось с христианскими понятиями.

Однако и после периода гонений символический язык христиан далеко не всегда был открыт для людей, далеких от веры. Мало того, сами христиане Средних веков далеко не всем древним символам могли дать интерпретацию. Многие аллегории и значения со временем забывались или замещались новыми.

1.5. Смысловая нагрузка

Здесь мы ступаем на зыбкую почву, ибо нам не известно буквально, каким смыслом наполняли свои символы средневековые мраморщики, они не оставили объяснений. Однако комментаторы, уверенные в существовании этого смысла, есть. Сошлемся на английский источник: «В 1268 напольная мозаика Космати была сделана для святилища Вестминстерского аббатства, в месте, имеющем огромное значение в церемонии коронации английских монархов. Полы Космати состоят из сотен кусков тесаного камня различных цветов и типов, многие из них являются драгоценным мрамором, специально привезенным из Рима. Толкования

конкретных символов этой мозаики слишком сложны, чтобы давать их здесь, но эксперты согласны с тем, что они имеют огромную идеологическую значимость» [39, с. 138].

Пол Вестминстерского аббатства был заложен мастерами из Италии по заказу Генриха III в пресвитерии собора. Именно на этом месте происходила коронация 38 монархов Великобритании. Однако королева Елизавета II уже стояла на мозаике, покрытой коврами, шедевру архитектуры требовался ремонт. К церемонии венчания принца Уильяма и Кэтрин Миддлтон в апреле 2011 года шедевр стиля косматеско был восстановлен. Перед специалистами возникло много вопросов, в том числе и о символизме композиции. Никогда прежде мастера Космати не оставляли поясняющих надписей к своим произведениям, кроме обозначения имени изготовителя или покоившегося под полом усопшего.

Рис. 3. Церемонии венчания принца Уильяма и Кэтрин Миддлтон (пол косматеско).

На полах Космати сохранилось всего семь букв, отлитых из сплава, в состав которого входили преимущественно медь и олово. Однако исследователи знают содержание трех частей надписи, поскольку в прошлом они несколько раз были записаны [30, с. 80]. Для любопытствующих надпись с вариантами расшифровки представлена на официальном сайте Вестминстерского аббатства [42]. Первые четыре строки есть с каждой из внешних сторон напольной мозаики. Следующие четыре идут вокруг центральной части с элементами, расположенными в шахматном порядке, а последняя – вокруг центрального круга (рис. 4). Прочитываем сам текст:

Рис. 4. Фрагмент мозаичного пола в Вестминстерском аббатстве

+XPI MILLENO BIS CENTENO DUODENO
CUM SEXAGENO SUBDUCTIS QUATUOR ANNO
TERTIUS HENRICUS REX URBS ODORICUS ET ABBAS
HOS COMPEGERE PORPHYREOS LAPIDES
SI LECTOR POSITA PRUDENTER CUNCTA REVOLVAT HIC FINEM
PRIMI MOBILIS INVENIET SEPES TRIMA CANES ET EQUOS
HOMINESQUE SUBADDAS CERVOS ET CORVOS AQUILAS IMMANIA
CETE MUNDUM QUODQUE SEQUENS PREEUNTIS TRIPLICAT ANNOS
SPERICUS ARCHETIPUM GLOBUS HIC MONSTRAT MACROCOSMUM

+XPI [от Рождества Христова] В год тысяча двести двенадцать плюс шестьдесят минус четыре [1268-й – за четыре года до смерти Генриха III] король Генрих третий, город, Одорикус [имя мастера-мраморщика] и аббат сложили вместе эти порфиновые камни. Если читатель обдумает все, что здесь выложено, он найдет предел Перводвигателя. Изгородь – три года, добавь собак, и лошадей, и людей, оленей и воронов, орлов, огромных китов, мир: каждый последующий утраивает годы предыдущего. Сферический глобус здесь показывает первоначальный Макрокосм.

Полагают, что надпись выполнена после смерти короля Генриха III в 1272 году. (1212+60). Генрих правил долго – 56 лет. Сама надпись сообщает о дате конца света, который произойдет через 19 683 года. Дата высчитывается сложением продолжительности жизни изгороди – 3 года, собаки – 9, лошади – 27, человека – 81 и т. д. Однако не совсем ясно, от какой даты идет отсчет: от начала мира или момента возведения мраморного пола.

В христианской космологии средних веков были популярны концепции Птолемея и Аристотеля, считавших, что неподвижная Земля находится в центре 9 вращающихся сфер (Солнце, Луна, пять планет, неподвижные звезды). Девятая сфера, самая дальняя, называлась *primum mobile*, ее в движение привел Бог, и она является источником движения всех остальных сфер. Остановка сфер и есть момент остановки всего Мира.

Рис. 5. Общий план пола в Вестминстерском аббатстве [42].

Исследование надписей на полу аббатства и истории их появления, однако, заслуживает отдельной публикации. В нашем случае достаточно исторического подтверждения того, что сами мастера рассматривали свое произведение как символическое и вкладывали в свои изображения определенный смысл, «комментируя» ими античные концепции и религиозные представления своего времени.

2. Метод анализа символики косматеско

Фрагмент в Вестминстерском аббатстве единственный, атрибутированный как символическая система, но это подсказка для оценки других произведений стиля косматеско. Все, что мы можем исследовать, – символическую практику христиан, описанную в трудах отцов церкви и источниках того времени, и уже на основании этого найти ключи, с помощью которых расшифровать базовые значения некоторых произведений мастеров косматеско.

2.1. Ключ первый: текст о священном

Основой аврамических религий и их символическим ядром является текст. В христианстве это прежде всего Библия. Большинство символических конструкций, иллюстраций, метафор и аллюзий опираются на Новый и Ветхий завет. Средневековый человек был серьезно убежден, что нет ни одного праздного слова в Священном Писании и что все, что написано, «вдохновлено Богом и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности» (II Тим. 3:16). Практически любая деталь в средневековом храме имеет отсылку к тексту и для верной ее расшифровки важно его найти. Кроме того, вся христианская «нумерология» строится на анализе и интерпретации библейских текстов.

Следующая группа источников – апокрифические евангелия, составлявшие во времена Средневековья корпус текстов из более 50 источников. Авторы этих полупризнанных текстов собирали изустные предания, описывающие события, не вошедшие в канонические Евангелия. Иногда это безымянные документы, чаще для авторитета в их название включалось имя кого-либо из апостолов или их учеников. Их содержание разнообразно. В «Евангелии (Псевдо) Матфея, или Книге о происхождении блаженной Марии и детстве Спасителя» говорилось о

юности Иисуса, «Протоевангелие Иакова» (брата Господня) посвящено времени от рождения Христа до избияния младенцев. А «Евангелие детства от Фомы» – пример апокрифического текста о совершенных им в детстве чудесах. Сознанию верующих было недостаточно библейской лаконичности и недосказанности, и они заполняли лакуны соответствующими сказаниями. Многие из них становятся темами для средневекового искусства.

Пользовалось популярностью апокрифическое «Евангелие от Никодима», авторство которого приписывалось новозаветному тайному последователю Иисуса Христа Никодиму. В этом тексте подробно описывались «деяния Пилата» и «сошествия во ад». Яркие сцены сокрушения врат ада и исход в рай из его глубин всех ветхозаветных праведников производили на верующих сильное впечатление. Некоторые сцены этого труда послужили одной из сюжетных основ «Романа о Граале» Роберта де Барона (XIII в.), сборников «Золотая легенда» и «Страсти Христовы». Новозаветный апокриф «Книга Иосифа Плотника» повествовал о последних годах приемного отца Иисуса Иосифа. Удивительно, но текст был создан в форме рассказа самого Иисуса о жизни Иосифа, данного ученикам на горе Масличной [6, с. 463-464]. Все эти тексты, так же как и Библия, влияли на символику храмов, фресок, мозаик и икон, сливаясь в единое пространство, демонстрирующее присутствие божественного начала во всем.

Также важен корпус текстов, состоящий из произведений отцов Церкви. Первый официальный список отцов содержался в *Decretum Gelasii de libris recipiendis et non recipiendis* (Декрет папы Геласия о книгах избираемых и отвергаемых). В качестве безусловно признаваемых авторов здесь названы Афанасий Александрийский, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Феофил Александрийский, Кирилл Александрийский, Киприан Карфагенский, Иларий Пиктавийский, Амвросий Медиоланский, Августин Гиппонский, Иероним Стридонский, Проспер Аквитанский и папа Лев Великий. Далее отмечено: «Итак, труды и сочинения всех правоверных отцов, которые не удалились от святой Римской церкви в какую-нибудь секту и не отделились от её веры и поучения... Римская церковь назначает к чтению». В то же время из сочинений Оригена признавались лишь те, которые одобрял Иероним. «Церковная история» Евсевия принималась выборочно, за исключением мест, где прославлялись еретики. Основанием включения в список являлись следующие критерии: древность, святость жизни, ортодоксальность и одобрение церкви, выраженное в решениях вселенских и местных соборов, декреты пап. В более поздние времена, после великой схизмы, список разнился, потому что западные авторитеты не всегда признавались восточной традицией, как, например, Августин [23, с. 11-12].

Брались во внимание и труды церковных писателей, благочестивых комментаторов священных текстов, духовидения святых и служителей церкви, местные легенды и сказания, часто относившиеся к особо почитаемым в определенной местности персонам. Марджори Роулинг отмечает: «Существовала теснейшая связь между работой поэтов и ученых, философов и теологов с одной стороны и художников – с другой. Средневековые соборы являются хранилищем иллюстраций не только к библейским легендам, но и к поэмам и популярным сказаниям, житиям святых, научным и религиозным теориям и историческим фактам, а также зарисовок из современной жизни» [20, с. 190].

Мастера создавали свои мозаичные полы, прислушиваясь к воле заказчика – монахов и священников. Соавтором архитекторов всегда был богослов. Все Средние века не теряло силы решение, принятое на Втором Никейском (VII Вселенском) соборе в 787 году, определившем, что композиция религиозных образов не оставляется на усмотрение художников, но оформляется в соответствии с принципами, определенными кафеолической церковью и религиозными традициями [12, с. 500-501].

2.2. Ключ второй: число и фигура

Особое отношение к числу и геометрии в Средневековом сознании было связано с библейской «Книгой Премудрости Соломона», где недвусмысленно указано: «Но Ты все расположил мерою, числом и весом» (Прем. 11, 21). На более чем 40, дошедших до нас, средневековых изображениях [31, с. 419-420] атрибутом Бога-Творца является циркуль. На ряде миниатюр мы видим выступающую из облаков Руку Господню, держащую циркуль, меру и весы. С цитатой из Соломона о мере и весе связана миниатюра из «Эдвинских евангелий» – иллюминированного немецкого манускрипта начала XI века. Подобное изображение Бога-Отца с циркулем и весами представлены в Псалтыри первой половины XI века, хранящейся в Лондонском музее.

Другой тип изображений Творца-Архитектора, измеряющего мироздание, относит нас к стиху из «Книги Притчей Соломоновых»: «Когда Он уготовлял небеса, я была там. Когда Он проводил круговую черту по лицу бездны, когда утверждал вверху облака, когда укреплял источники бездны, когда давал морю устав, чтобы воды не переступали пределов его, когда полагал основания земли» (Прит. 8, 27-29). Это миниатюра середины XIII в. из «Нравственной библии»: Бог, склонившись, проводит окружность у Своих ног. В Холкамской Библии XIV века, хранящейся в Британском музее, изображен Бог, восседающий на престоле и держащий в левой руке развернутый циркуль.

Рис. 6: Бог как архитектор мира. Книжная миниатюра, Библия (Bible moralisée, Codex Vindobonensis 2554), Франция, XIII в. (слева); Миниатюра из Холкамской Библии, Британский музей, XIV века (справа).

В Средние века идея о том, что в основе сотворенной Господом Гармонии находятся числовые соотношения, была общим местом, ее не надо было доказывать. И тут было полное доверие к Пифагору, основной принцип которого сформулировал Филолай (ок. 450 г. до н. э.) в своем трактате о пифагорейских доктринах: «В основе всех вещей лежит число, познать мир – значит познать управляющие им числа» [24, с. 41]. Согласно принципам Платона, «не геометр да не войдет» как в Академию, так и в царство вечной красоты и не сможет услышать музыку планет. Не случайно на порталах некоторых христианских храмов мы встретим скульптурные изображения Аристотеля, Платона, Пифагора и Птолемея, языческих ученых, ставших символами семи свободных искусств (рис. 7) наряду с Евклидом, Боэцием, христианскими святыми.

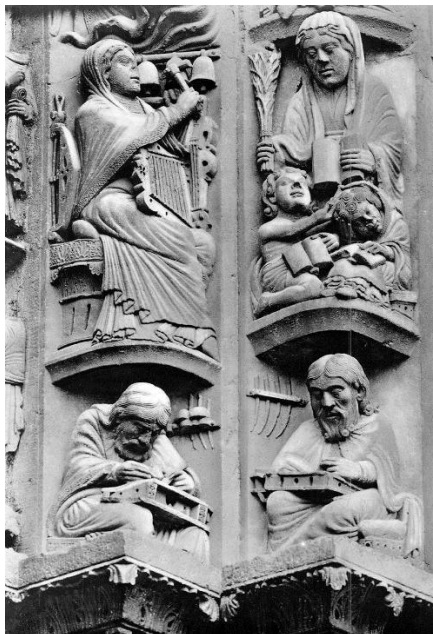

Рис. 7. Элемент Королевского портала собора в Шартре, скульптура Пифагора (справа) Франция, 1150 г.

Отцы Церкви не меняли отношения к священной сущности числа. В известной мере эпоха Средневековья была поистине «цифровой», поскольку все мироздание рассматривалось через призму цифр и их сочетаний. Ориген был уверен, что Бог создал мир «в соответствии с неким числом, представленным им самим, поскольку невозможно представить... что другие существа не ограничены по своему разуму» [24, с. 79]. И если мы сомневаемся в Оригене, заподозренном в ереси, то можем сослаться на Августина, одобрявшего числовой символизм в неоплатоническом духе, ибо «рассуждая теперь о науке чисел, становится ясным даже самому недалекому уму, что она не была создана человеком, но открыта благодаря исследованию» [24, с. 82].

Блаженный Августин пишет о странствиях и открытиях Разума: «Исследовал он все внимательно; понял вполне, что он очень многое может сделать, и что может – может посредством чисел. Его пробудило некое чудо, и он начал подозревать, что, может быть, и сам он есть число, то самое число, которым все исчисляется, а если он не был числом, то в числе есть Тот, Которого он стремился достигнуть» [1, с. 69].

Винсент Фостер Хоппер в своем исследовании истории чисел отмечает, что для многих авторов в Средние века число являлось первым принципом и арифметическим ключом к космическим тайнам. Тут все по древнегреческому философу и неоплатонику Никомаху, в частности писавшему: «Все, что по природе подчиняется систематическому методу, устроено во Вселенной как в частях, так и в целом, определено и сведено к соответствию с числом, благодаря продуманности и уразумению его, того, кто создал все сущее. Ведь образец был устроен как предварительный набросок, доминирование числа, ранее существовавшего в сознании создавшего мир Господа» [24, с. 45]. Числовая философия пронизывала все сферы искусства и религиозной жизни. Через цифры человеку становился понятным Бог и его творения.

Рабан Мавр, богослов и просветитель Средних веков, почитаемый блаженным, обобщил многочисленные трактовки христианского значения числа. В его классическом тексте [33] они представлены и снабжены подробными ссылками на Священное Писание:

1 – указывает на единство Божественности, также выражает единство Церкви и веры.

2 – два Завета, число заповедей, суммировавших весь закон и деяния пророков; число рыб, сопровождавших пять хлебов; два достоинства: королевское и священническое; два народа: евреи и язычники; обозначение двойственного союза души и тела; число людей, необходимых для союза, выбор между избранным и проклятым [«Они будут два в поле: один будет взят, а другой оставлен» (Мф 24:40)].

3 – тайна Троицы; третий день воскресения после погребения Христа; три основания: вера, надежда, милосердие; три формы человеческой деятельности во благо и во зло: мысли, слова, поступки; три способа исповедовать веру: священнослужитель, монах, брак; Ной, Даниил, Иов.

4 – число евангелистов; четыре добродетели святых: благоразумие, справедливость, мужество и умеренность; четыре части света; четыре элемента (вода, огонь, воздух, земля), из которых формируется человеческое тело.

5 – пятикнижие Моисея; пять чувств тела: зрение, слух, вкус, обоняние и осязание; пять талантов.

6 – дни Творения мира [«В шесть дней Бог создал небо и землю» (Исх. 20:11)]; шесть возрастов человека; суббота как день Господа, находящегося в могиле перед Воскресением.

7 – день Творения, когда Бог отдыхал; семикратная благодать Святого Духа; духи из Откровения (Откр. 5:6): «стоял Агнец как бы закланный, имеющий семь рогов и семь очей, которые суть семь духов Божиих, посланных во всю землю»; семь Церквей, символизируемых семью свечами и семью звездами; цикл в семь дней; семь грехов; семь злейших духов; семь мерзостей души Соломона (Притч. 26:25); семь наказаний за грехи (Лев. 26:24); символизирует старый Закон и Евангелие.

8 – день воскресения Господа, а также будущее воскресение всех святых.

9 – страсти господни, Иисус Христос в девятом часу издал сильный крик и умер; число уровней ангельской иерархии; число овец в евангельской притче; число, указывающее на несовершенство по отношению к Божьим заповедям.

10 – декалог, число совершенства и полноты произведений святых; десять покрывал Скинии.

11 – поскольку десятка – совершенное число и закон, 11 символизирует выход за пределы того и другого и означает грех, нарушение закона; число козлиных шкур в Скинии, представляющих тех, кто грешит.

12 – число апостолов; число святых, избранных из четырех частей света по вере в Святую Троицу; форма единой Церкви; число драгоценных камней Небесного града; число колен Израиля, которые видят Бога.

13 – полнота Закона вместе с верой в Святую Троицу.

И так далее, вплоть до числа 144 000, мистического представления избранных, евреев, которые в конце мира будут верить в Христа. Список Мавра можно сравнить с другими средневековыми источниками, которые интерпретировали священное значение чисел. Французский писатель и мистик Жорис Карл Гюисманс в своем известном произведении «Собор» сделал выжимку из писаний церковных авторитетов, подробно разъяснявших священные значения цифр [6, с. 113].

Винсент Фостер Хоппер в своем труде подчеркивает прикладную часть цифровой символики: «Таким образом, “застывшее красноречие” архитектуры соборов во многом символизирует красноречивость числа, благодаря которому совокупность столбов, ворот и окон выполняется со значением. Так к алтарю всегда ведут три ступени или число им кратное.

Купель для крещения восьмиугольная, поскольку 8 – число спасения. При освящении собора центральная дверь Царских врат трижды окроплялась святой водой, зажигались 12 свечей, трижды воздавалась благодать небесам. Три глухих стука сопровождали открытые двери, после чего четыре крайние части крестообразной структуры трижды окроплялись, равно как семь алтарей. 12 священников в День Христа проносили кресты по четырем частям церкви. Все церковные службы устраивались в соответствии с числовым символизмом» [24, с. 119].

Человека не вовлеченного может удивить такая символическая насыщенность богослужебной практики. Исследователь С. С. Ванеян подчеркивает этот момент, отмечая, что «символизм – это не только богослужебный способ распространения церковного учения, но и средство, инструмент хранения, передачи и воспроизведения в акте понимания того или иного содержания. И поэтому это не только догматически-богословская и ветхо- и новозаветная тематика, но и содержание мыслей, чувств и переживаний всех пользователей этого символизма независимо от исторического времени» [3, с. 64].

В качестве примера расшифровки смыслов мы можем рассмотреть фрагмент плана базилики Сан-Клементе в Риме (рис. 11), отображающего полы мастеров Космати. Тут мы видим 12 кругов из порфира, символизирующих 12 апостолов, последовавших за Христом, ибо: «Стена города имеет двенадцать оснований, и на них имена двенадцати Апостолов Агнца» (Откр: 21,14). Это еще и календарный цикл (12 месяцев). Здесь же вдоль осевой символической конструкции обозначены четыре плиты, разделенные пятой, символизирующие прежде всего четырех евангелистов, а потом уже и четыре стороны света, на которые распространяется учение Христово, главные добродетели, с помощью коих развивается человек в своей духовной жизни, и четыре сезона, обозначающие движение времени. Пятая плита (состоящая в свою очередь из 12 квадратов) обозначает начало, основу креста и место, с которого в Храме произносится слово Божье, с одной стороны через Писание, с другой – через проповедь. Сумма числа плит с двух сторон оси составляет восемь, а это число воскресения Христа, а также будущего воскресения всех святых. Все плиты в сумме составляют число 10, а это декалог, число полноты произведений Святых, символ совершенства мира, достигаемый через следование 10 заповедям.

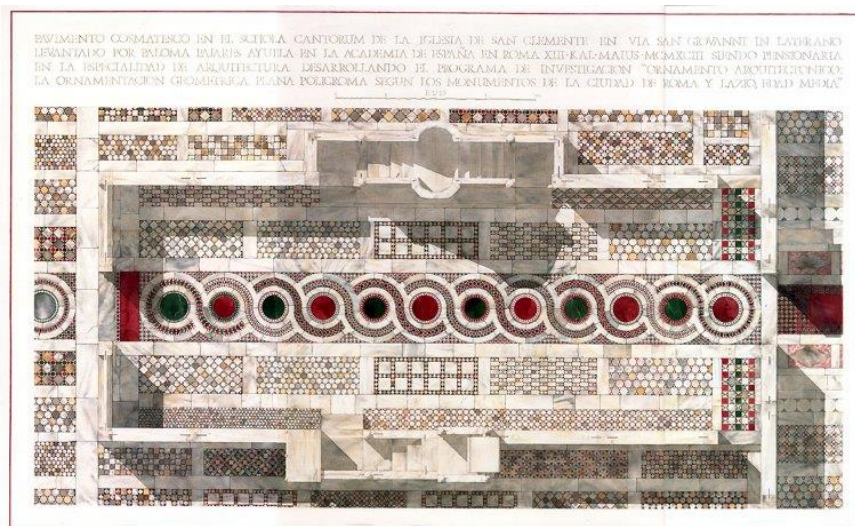

Рис. 8. Фрагмент плана полов косматеско в базилике Сан-Клементе в Риме

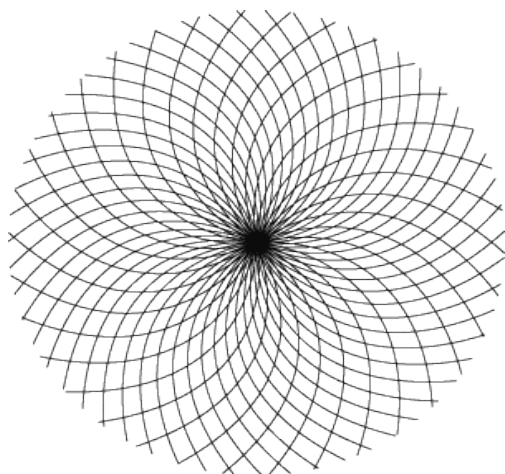
Реконструируя числовой код Средневековья, мы понимаем, что в, казалось бы, абстрактной композиции фигур может содержаться целая богословская концепция, поддерживающая семиотические основы храма. И в этом есть особый психологический смысл, ибо верно замечает исследователь средневековой культуры А. В. Волков, что «благодаря символическому мышлению средневековый человек, как ребенок, умел легко перекидывать

мост между мирами. Наделяя символы силой символизируемого, он прозревал невидимую сущность окружающего мира, стирая грань, разделяющую земное и небесное» [5, с. 15]. И характерен для этого подход мастеров того времени, которым важна «гармония пропорций, побуждающая объединить естественное со сверхъестественным в игре непрерывных соотношений» [5, с. 16].

Обсуждая символизм косматеско, невозможно избежать принципов математики. Более того, именно этот стиль содержит математические казусы, трактуемые специалистами как нечто сложнообъяснимое. Начнем с почти банального. Эксперты отмечают следование мозаичистов принципам «золотого сечения», используемого с древнеегипетских времен и Античности и названного позже Лукой Пачоли, другом Леонардо да Винчи, «божественной пропорцией» [15]. Соотношение сторон, расположение элементов мраморники соразмеряют именно с этими священными соотношениями. Монах-францисканец Лука Пачоли считал, что золотая пропорция является выражением божественного триединства: Бог Сын, Бог Отец и Бог Дух Святой. Предполагалось, что малый отрезок олицетворяет Бога Сына, больший отрезок – Бога Отца, а весь отрезок – Бога Духа святого [15, с. 200]. Неизменность и вездесущность пропорции ученый монах сравнивает с самоподобием Бога.

Знание пропорций мастерами Космати наверняка базировались и на византийской дисциплине *poetos*, представляющей собой математическую теорию, исследования чисел и чистой геометрии, созданной при участии знаменитых геометров эпохи Юстиниана – Эвтоция, Исидора и Анфимия, обогативших инструментарий византийских архитекторов [15, с. 63-64]. Насколько значимой может быть тайна пропорций, свидетельствует хрестоматийный пример из истории искусств, согласно которому в 1099 году епископ Утрехтский был убит архитектором за то, что он выпытал у его сына секрет приемов пропорциональных построений, применяемый при строительстве соборов, так называемый *arcantum magisterium* [4, с. 65].

Проблема золотого сечения была переосмыслена Леонардо Пизанским, прозванным впоследствии Фибоначчи, великим итальянским математиком XIII века. Создав бесконечный ряд, в котором каждое следующее число является суммой двух предыдущих (0, 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21...), он установил, что соотношение соседних чисел близко к пропорции золотого сечения, что символизировало способность Бога творить подобное из подобного. Именно соблюдение этого принципа мы и наблюдаем при рассмотрении геометрических орнаментов византийских и итальянских мастеров (рис. 9), освоивших этот элемент из палитры фигур более древней римской мозаики.

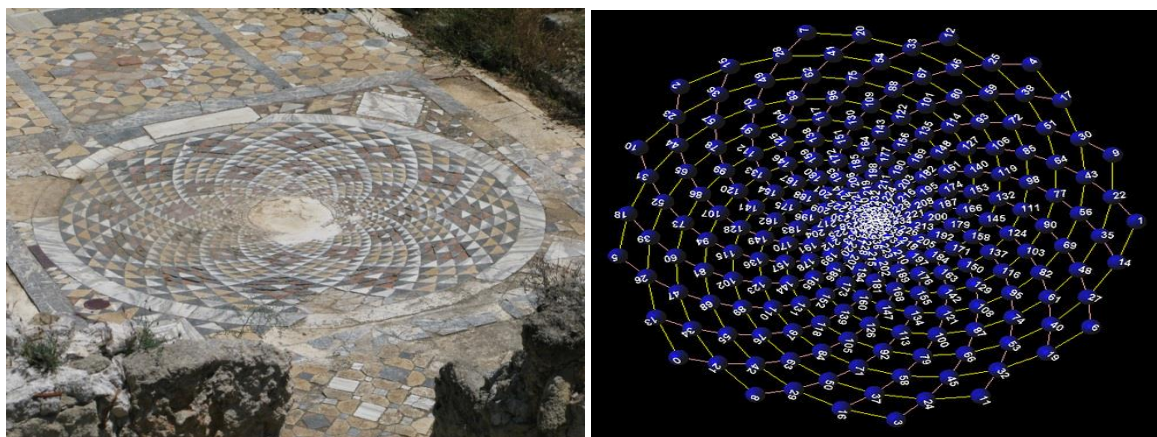

Рис. 9. Фигуры косматеско и спираль Фибоначчи

На особенностях золотого сечения тайна геометрических фигур Космати не заканчивается. Современные математики до сих пор не без удивления констатируют, что древние мастера использовали принципы фрактальной геометрии. Знаменитый треугольник Серпинского был открыт столетиями позже (в 1915 году), но при этом прекрасно представлен во многих фрагментах мозаики Космати. Символически это *демонстрация идеи самоподобия, представление мира, где в каждом сегменте пространства явлен Бог.*

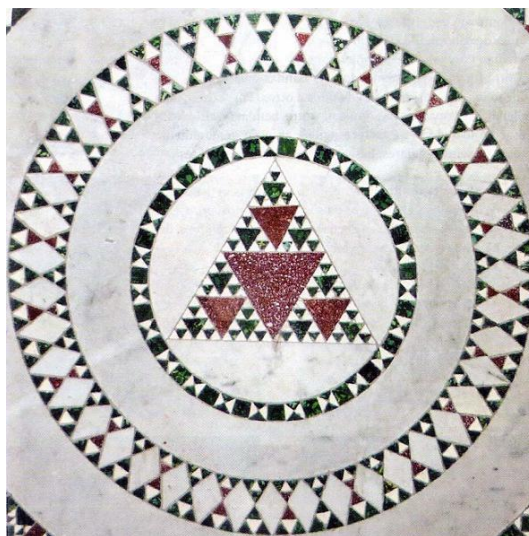

Рис. 10. Элемент мозаики косматеско (храм Санта-Мария-ин-Трастевере, Рим)

Рис. 11. Процедура построения треугольника Серпинского

Определенные фигуры косматеско структурно схожи как с лентой Мебиуса (открыта в 1858 году), так и со знаком бесконечности. Символ бесконечности впервые появился в

опубликованном в 1655 году трактате английского математика Джона Валлиса «О конических сечениях» [41]. Предполагается, что символ имеет более древнее происхождение и связан с уроборосом – змеей, кусающей свой хвост. Правда, в раннехристианской философии придерживались концепции Аристотеля, отвергавшего бесконечность в мире, но придерживались идеи Бога как бесконечного существа в конечном мире. Вообще, сама структура переплетающихся лент (волн) демонстрирует взаимосвязность символов и их перетекание друг в друга. Это похоже на репрезентацию идеи мира, где все связано со всем.

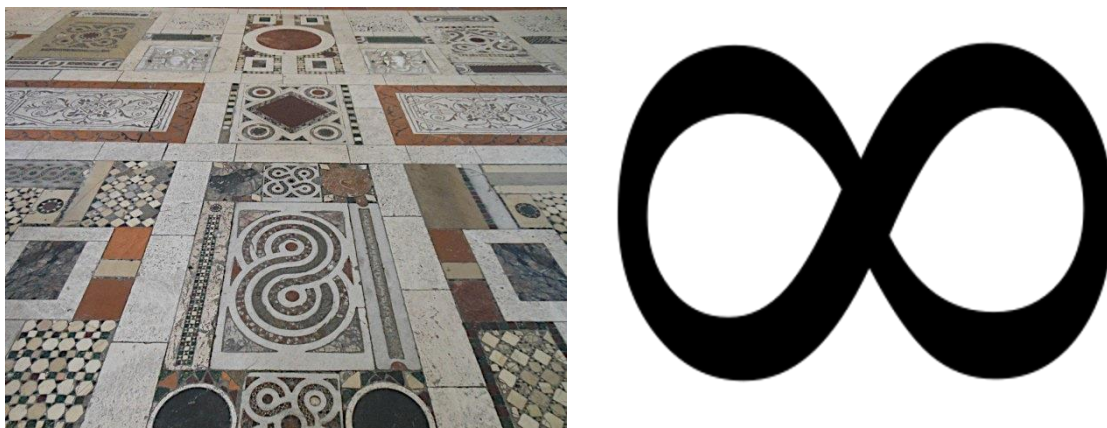

Рис. 12. Фрагмент мозаики косматеско и лента Мебиуса (базилика Кафедрале ди Санта Ассунта, Сполето)

Рис. 13. Фрагмент мозаики косматеско из церкви Сант-Анриано в городе Сан-Деметрио Короне (Италия)

Математики склонны считать, что фигуры, подобные треугольнику Серпинского и ленте Мебиуса, являются интуитивным предвосхищением будущих открытий, что не мешает полам Космати быть великолепной обучающей моделью для демонстрации математических закономерностей. Однако следует разделять математику как точную дисциплину и науку сакральных чисел, строящуюся на интерпретации священных текстов.

2.3. Ключ третий: иконографическая схема

Известно, что, начиная с раннего христианства последовательно формулировались правила и приемы создания храмовых изображений: фресок, мозаик, икон, плутео, скульптур, иллюстраций в кодексах, предметов для богослужения. Со временем система усложнялась, но и при этом обретала общие черты, а удачные художественные и символические решения копировались мастерами. Иконографические схемы вместе с церковными предметами перемещались между государствами до тех пор, пока не были разработаны строгие каноны изображения.

Исследователь семиотики культуры Светлана Махлина отмечает, что Книга и Архитектура метаобразы тварного мироздания, где «в совершенных геометрических фигурах

воплощался порядок мира и его божественное устройство, которые надо постигать как книгу» [18, с. 293]. И дальше, что для нас ценно, автор описывает механизм трансформации книги в архитектурные конструкции: «Собор являл собой грандиозное воплощение законов мироздания, поэтому изображение его элементов наделялось определенными семантическими значениями, которые составляли некоторый текст языка той эпохи. Такие символы, число которых неисчислимо (все их привести невозможно) представляли собой гармонический аккорд символов, легко читавшийся человеком Средневековья, представляя собой один, многообразно повторенный христологический код» [18, с. 294-295].

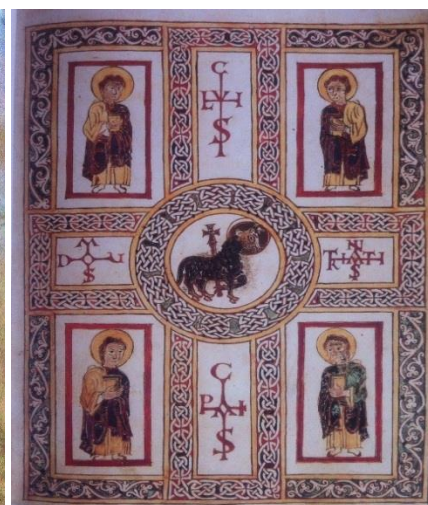
Классик искусствоведения Эмиль Маль находил в книжной миниатюре закономерности, которым подчиняется и монументальное искусство. Маль писал: «Порой нам даже представлялось, что миниатюристы являются истинными авторами схем, поступающих впоследствии в распоряжение скульпторов и мастеров витража. Мы убеждены, что внимательное изучение книжной миниатюры сулит много открытий» [17, с. 29].

Мастера Космати использовали много иконографических схем [34, с. 65], при этом избегая изображений, что может быть обусловлено нежеланием располагать на полу почитаемые всеми образы, поэтому остается только форма, намек на то, что подразумевается. Причем, совершенно непонятно откуда взят образец. Он мог появиться первоначально на плутео и перекочевать в книгу или наоборот.

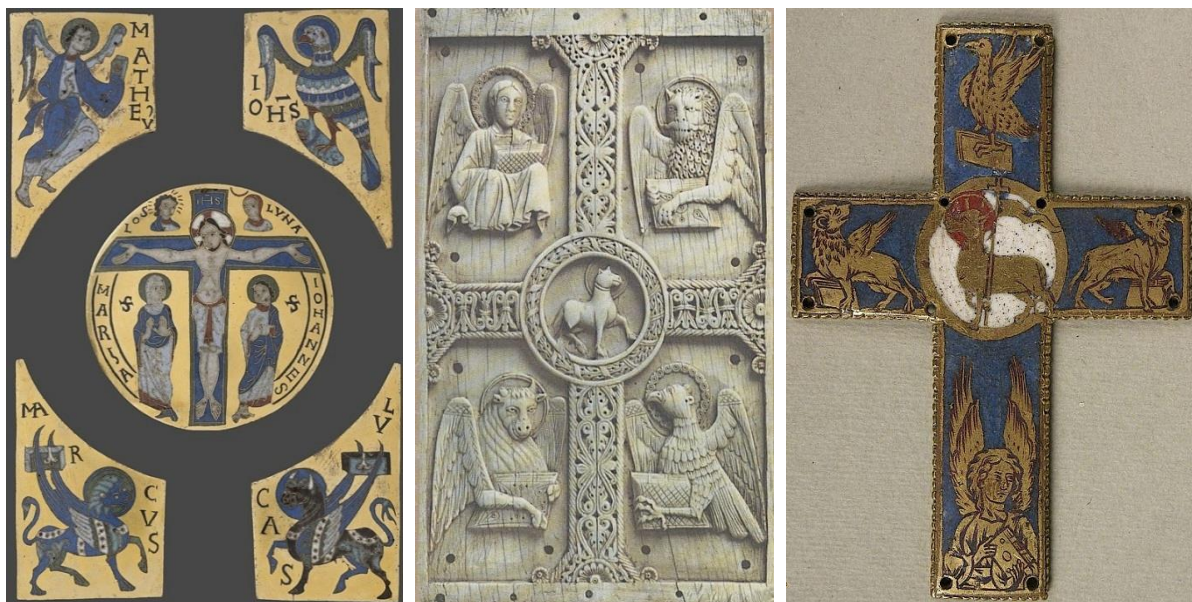
Попробуем сравнить иконографическую схему, связанную с образом креста (рис. 14). Очевидно, что все объекты на рисунке построены по одной схеме и обозначают символ креста и Иисуса Христа в окружении четырех евангелистов (тетраморф) [36, с. 75].

1.

2.

3.

4.

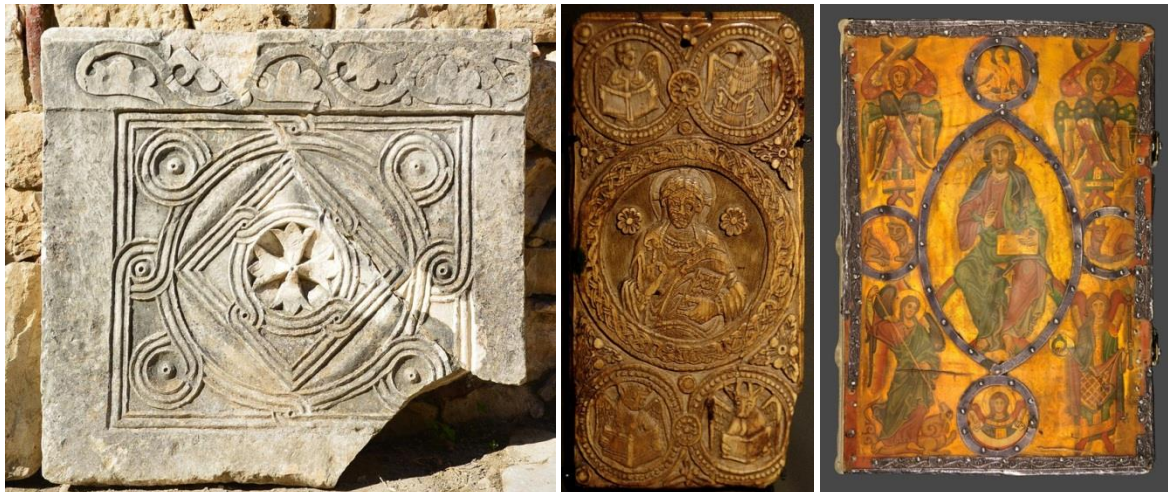
5.

Рис. 14. Иконографическая схема креста с тетраморфом (1. Фрагмент мозаики в римской базилике Санта-Мария-Маджоре; 2. Миниатюра из Псалтыря (Salterio di Nonantola), XI в., местонахождение: библиотека Ватикана; 3. Убранство рукописной книги, 1100г, Франция, XII в., местонахождение: Нью-Йорк. Метрополитен-Музей; 4. Оклад рукописной книги, Юг Италии, XI в., местонахождение: Нью-Йорк. Метрополитен-Музей; 5. Пластина в форме креста, Франция, Лотарингия. г. Мец, XIII в., местонахождение: Краков. Музей Чарторийских.

Возьмем в качестве примера миниатюру из кодекса XI века, фрагмент мозаики косматеско, изображающие пятичастную структуру со все тем же тетраморфом, но помещенным в пересекающиеся круги. И тогда мы можем заметить, что перед нами вовсе не абстрактные геометрические фигуры, а символическая репрезентация важнейших христианских смыслов. Центральной фигурой в такой иконографической схеме может стать и Дева Мария, а в сопутствующих кругах мы можем увидеть архангелов, символы четырех стихий, обозначение сторон света. При этом пятичастная структура может быть представлена не только кругами, но и с добавлением к центральной схеме мандорлы или ромба.

Рис. 15. Миниатюра из кодекса XI века (Maiestas Domini. Codice 172 Montecassino) и фрагмент мозаики косматеско

1.

2.

3.

Рис. 16. 1– плутео, Византия Константинополь, X в., местонахождение: Демре (Миры Ликийские), Турция; 2 – Фрагмент резного убранства рукописной книги, Франция. Лорейн. Мец; XI в., местонахождение: Бельгия. Льеж. Музей Гранд Куртиус (Musée du Grand Curtius); материал: кость; техника: резьба по кости; 3 – Оклад Бамбергской Псалтири (Bamberger Psalter - Staatsbibliothek Bamberg Msc.Bibl.48). 1220-30гг., Германия, XIII в., местонахождение: Германия. Бамберг.

В богато иллюстрированной энциклопедии «О природе вещей» (De rerum naturis) Рабана Мавра есть иллюстрации, содержащие характерные элементы стиля косматеско: цветовые и геометрические схемы, размещение их в декорируемом пространстве. Возможно, именно эти миниатюры были одним из источников, вдохновивших мастеров. И в этом свете труды Рабана Мавра становятся важными для интерпретации образов и символов, использованных мраморщиками. Ведь энциклопедия и сопутствующие ей трактаты представляют знания о мире и космологии того времени и дают ключи к расшифровке иконологии памятников Космати.

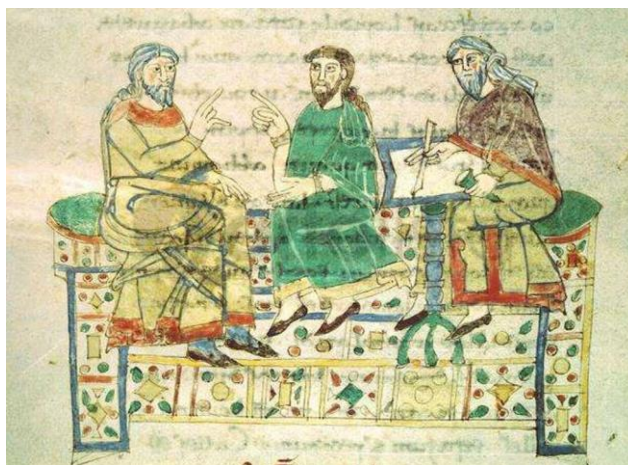

Рис 17. Иллюстрация из кодекса Рабана Мавра «О природе вещей» (Monte Cassino, Biblioteca dell'Abbazia, cod. 132)

2.4. Ключ четвертый: символ

В средневековой практике каждая из геометрических фигур имела свое сакральное значение, но рассматривать их лучше в приложении к конкретным архитектурным объектам: *«Поскольку церкви считались архитектурными сооружениями, где верующие могли приобщиться к Божественному порядку, устройству апсид уделялось огромное внимание. Так как алтарь является самой значимой частью церкви, зодчие, используя богословские, числовые и геометрические символы, стремились наполнить его возвышенным смыслом»* [16, с. 106]. Однако верно и то, что символической кодировке подвергалась не только алтарная часть храма.

Характерные для мозаичистов Космати фигуры – это разного вида кресты и звезды, круги и многоугольники. Они представлены как часть базового фона или развернуты в большие «самостоятельные» фигуры. Очевидно, что излюбленными символами мастеров являлись шестиконечные звезды, восьмиконечные кресты, ромбы, квадраты, круги и треугольники. Все они имеют символические значения. Так круг считался символом Вселенной и божественной силы, треугольник символом Троицы, квадрат символом тварного мира. Часто встречаемый в косматеско шестиугольник один из символов раннего христианства, связан с 6 днями творения мира, а также с Вифлеемской звездой. Существует объяснение гексаграммы, как символа соединения во Христе божественной и человеческой природы, графического изображения слов св. Ириней Лионского: *«Бог стал человеком (треугольник, опускающийся вниз), чтобы человек стал богом»* (треугольник вершиной вверх). По храмовым символам и их коннотациям есть обширные популярные труды [6; 16; 35; 37]. В числе классических трудов в понимании христианских символов важны работы известных искусствоведов Эмиля Маля, Ханса Зедльмайра.

В наборе стиля косматеско достаточно и других фигур с простым и сложным символизмом: достаточно взглянуть на фрагменты мозаики косматеско (Рис. 18), однако это уже тема отдельного исследования.

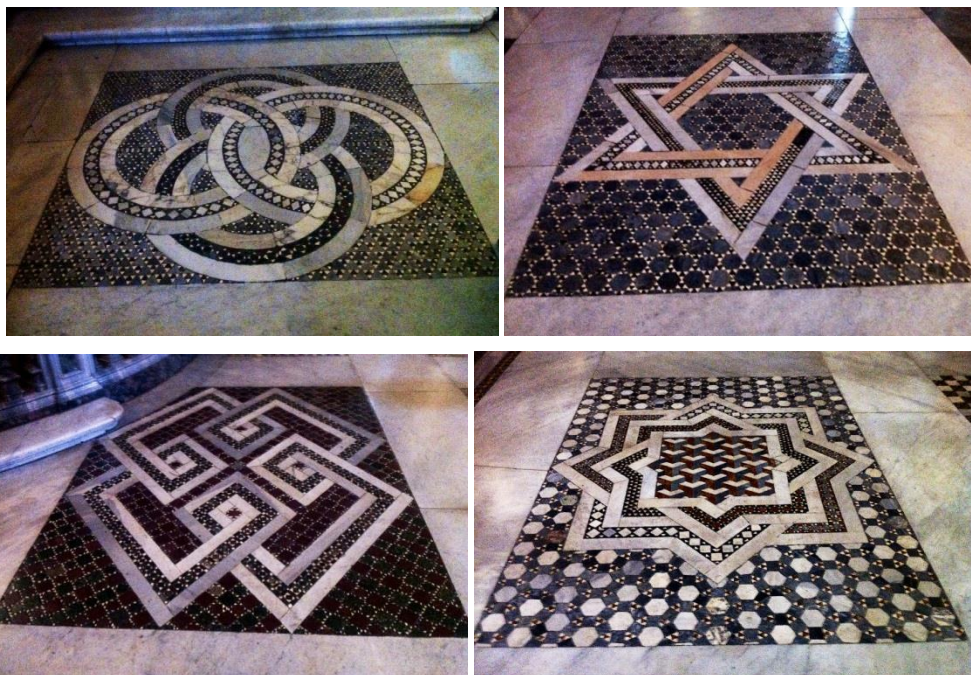

Рис. 18. Фрагменты пола мастеров Космати в Санта-Мария-Маджоре в Риме

2.5. Ключ пятый: цвет

Помимо значения чисел, существует и символическая цветовая палитра, и Космати, безусловно, учитывали ее. В их мозаичной технике применялись квадратные и треугольные цветные камни из красного порфира, зеленого серпентина, мрамора белого, желтого и других цветов. Именно цветовая насыщенность и полихромность полов Космати сделали их знаменитыми.

Как мы видим из записей современников, мозаика нового стиля вызывала восхищение, сравнивалась с вечно живыми образами райского сада. И это понятно, ибо с появлением мастеров косматеско средневековый храм получил новое, шестое измерение, отказавшись от привычного серого каменного пространства. Как верно замечает исследователь храмового пространства Ш. М. Шукуров, «Храм не может оставаться бесцветным или одноцветным, он должен блестеть всеми цветами радуги, и это обстоятельство в первую очередь касается основного иконографического образа Храма – драгоценного камня» [27, с. 104]. И здесь не менее важен и сам материал, каменная основа мозаики, ибо сам камень в христианстве есть образ Храма. Именно он встретился Иакову, послужив ему изголовьем (Быт. 28:11–12), а привидевшееся ему богоявление сделало камень памятным. Возлив на него масло, Иаков назвал место сие Домом Божиим. И с тех пор образ Храма непременно связан с камнем [27, с. 94].

Первым, кто «стандартизировал» цвета для литургических целей, был папа Иннокентий III, покровитель мастеров Космати. Церковная колористика выстраивалась соответственно различным периодам в церковном календаре и влияла на украшения алтаря и облачения священников. Впоследствии папа Пий V в 1570 году доработал систему, используя белый, красный, зеленый, фиолетовый и черный цвета. Выделим канонические значения [35, с. 110]: белый цвет – вера, чистота, невинность, девственность, торжество, слава, святость; зеленый – надежда, жизнь вечная; красный – благотворительность, любовь, инкарнация, страдания, мученичество; фиолетовый: покаяние, смирение.

Также в христианской символике красный цвет мог символизировать кровь Христа, пролитую за всех людей во имя их спасения. В сочетании с зеленым цветом получается надежда на искупление посредством жертвы Христа и путь в жизнь вечную. Такая трактовка представляется логичной и вписывающейся в понятия исследуемого нами исторического периода. Желтый цвет, замещающий золотой, обозначал проявление божественного присутствия, горний свет, являющийся фоном сакральных или аллегорических композиций.

Ханс Зедльмайр, анализируя описание храма Святого Грааля в «Младшем Титуреле» Альбрехта фон Шарфенберга (поэма написана ок. 1260–1270 гг.), обратил особое внимание на пол идеального собора. Пол Святого Грааля имитировал море – сверкающий пол из оникса был покрыт слоем хрусталя подобно прозрачному льду, а между слоями сновали движимые воздухом рыбы из драгоценных камней: «... тема чисто отполированного, зеркального пола встречается нередко в архитектурных описаниях XIII века. (Пол был подобен стеклу, прозрачный, зеленый, сверкающий как зеркало.) Или вообще пол может сам быть зеркалом. Поэтому возникает вопрос: не полировался ли камень пола в соборе, по крайней мере в постклассическую эпоху? Стоит только раз внимательно отнестись к этой возможности, и уже будет казаться невероятным, чтобы оставались нетронутыми эти немалые поверхности мутной материи – при том, что повсюду дает о себе знать чувство нового расширения пространства, избегающее всякого безразличного ограничения и стремящееся ко всему, что полно света и жизни» [9, с. 560]. Отметим, что полы в стиле косматеско во многом выполняют эту задачу.

3. Выход в иной мир

Попытки прочтения символической системы всегда непросты, потому что мы имеем дело с многослойной и многосмысловой конструкцией. С одной стороны, мы видим, казалось

бы, утилитарные вещи, выполненные в камне. С другой – перед нами открывается другое пространство. Исследователь С. Ю. Кавтарадзе так формулирует эту особенность: «Архитектура не просто создает полезные для жизни объемы, но и красноречиво говорит об устройстве мира, внешнего (макрокосм) и внутреннего (микрокосм) – столь же необъятного, но заключенного в сознании каждого из нас. Казалось бы, на этом все – тема исчерпана... Однако есть и иная реальность, то, что иногда называют тонким миром. Это не четвертое, не пятое и не 113-е измерение; это не прошлое, не настоящее и не будущее. Иной мир. Он присутствует тут же, рядом с нами, он разлит везде и есть всегда, потому что принадлежит вечности, где хода времени нет вообще. Его не постичь ни физикой, ни химией, но он и так открыт любому неглупому и тонко чувствующему человеку. Философы называют его трансцендентным. Это мир духов и душ, мир богов и Бога» [11, с. 161].

Нам сложно проникнуть в средневековое сознание, оно значительно отличается от нашего понимания мира и далеко не всегда поддается реконструкции. Но можно сказать точно, что люди того времени очень тонко чувствовали это различие, легко и естественно воспринимали его, более того – сокровенное было частью их жизни. Но у нас нет другого способа понять это, кроме как через тексты, произведения искусства и архитектуру.

Архитектура, как заметил в свое время Умберто Эко, бросает вызов семиологии, потому что «архитектурные сооружения, как кажется, ничего не сообщают, во всяком случае они задуманы для того, чтобы исполнять свое назначение» [29, с. 204]. И при этом Эко находит выход, заявляя, что архитектор артикулирует архитектурные означающие, акцентируя функцию, но сама система функций не принадлежит языку архитектуры, находясь вне его. Архитектурный знак в этом случае соотносится уже не с физическим референтом, а культурным значением, антропологическим кодом. И если, по Эко, архитектура предстает неким паразитическим языком, который может говорить, опираясь на другие языки, то мы находим выход в реконструкции смыслов, заложенных в священных текстах, сакральных значениях чисел, особенностях иконографических подходов, значений цвета и символических интерпретаций. Мы собираем и восстанавливаем семантическое поле произведения ровно так же, как собирают в единую картину изучаемую нами мозаику.

Мозаика косматеско, как мы убедились, обладает набором элементов, по которым, зная код, можно выстроить символическое повествование. И для многих современников мастеров этот код был понятен. Светлана Махлина, исследующая семиотику культуры, так раскрывает особенности средневекового мышления: «В целом, эта эпоха любила и ценила загадку. В том или ином виде она входила и в развлечение, и в обучение, и в отправление культа. Постигание загадки не только прочитанной, но и услышанной, и увиденной, вводило в область чудесного, в стремлении преобразить обыденный ход вещей, переводя конкретные изображения в план духовного осмысления и морального познания, что всегда было связано с символическим истолкованием. Многозначность прочтения символов языка Средневековья не может считаться полностью выявленной, и дальнейшие исследования вполне могут привнести новые прочтения и новые глубины в их интерпретации» [18, с. 229].

В свою очередь, повествование стало возможным благодаря разнообразию иконических элементов, несущих смысловую нагрузку. И совершенно очевидно, что изучая стиль косматеско, мы имеем дело с системой, которая создается и изменяется в соответствии с постигаемыми правилами, в данном случае принципами числовых соотношений, геометрической и символической репрезентации, свидетельствующих о важных религиозных догматах и общем принципе присутствия Бога – демонстрации строго упорядоченного и сложноорганизованного пространства.

Характерные для мозаичистов Космати фигуры – это разного вида кресты и звезды, круги и многоугольники. Они представлены как часть базового фона или развернуты в большие «самостоятельные» фигуры. Очевидно, что излюбленными символами мастеров

являлись шестиконечные звезды, восьмиконечные кресты, ромбы, квадраты, круги и треугольники. Все они имеют символические значения. Так круг считался символом Вселенной и божественной силы, треугольник символом Троицы, квадрат символом тварного мира. Часто встречаемый в косматеско шестиугольник один из символов раннего христианства, связан с 6 днями творения мира, а также с Вифлеемской звездой. Существует объяснение гексаграммы, как символа соединения во Христе божественной и человеческой природы, графического изображения слов св. Ириней Лионского: «*Бог стал человеком* (треугольник опускающийся вниз), *чтобы человек стал богом*» (треугольник вершиной вверх). По храмовым символам и их коннотациям есть обширные популярные труды [6; 16; 35; 37]. В числе классических трудов в понимании христианских символов важны работы известных искусствоведов Эмиля Маля, Ханса Зедльмайра.

Литература

1. *Аврелий Августин. О порядке // Об истории истинной религии. Теологический трактат.* Минск : Харвест, 1999.
2. *Брук К. Возрождение XII века / пер. и комм. А. Н. Панасьева [Электронный ресурс] // Agnuz.Info. Католическая информационная служба. URL: <http://agnuz.info/app/webroot/library/167/93/> (дата обращения: 05.02.1016).*
3. *Ванеян С.С. Архитектура и иконография. «Тело символа» в зеркале классической методологии.* М. : Прогресс-Традиция, 2010.
4. *Водчиц С.С. Книжный дизайн: теория пропорций : учеб. пособие.* М.: МГТУ им Н.Э. Баумана, 2011.
5. *Волков А.В. Код Средневековья. Загадки романских мастеров.* М. : Вече, 2013.
6. *Гюисманс Ж.К. Собор / пер. с фр. Н. Зубкова.* М. : Энигма, 2012.
7. *Деменок С.Л. Просто символ. Символ как вещь и вещь как символ.* СПб.: Страта, 2015.
8. *Дмитриев И.С. Религиозные искания Исаака Ньютона // Вопросы философии.* 1991. № 6. С. 58–67.
9. *Зедльмайр Х. Возникновение собора // Храм земной и небесный.* М.: Прогресс-Традиция, 2009.
10. *Иллюстрированная энциклопедия. История средних веков.* М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004.
11. *Кавтарадзе С.Ю. Анатомия архитектуры. Семь книг о логике, форме и смысле.* М.: Дом Высшей школы экономики, 2015.
12. *Карташев А.В. Вселенские соборы.* М.: Республика, 1994.
13. *Лев Марсиканский, Петр Дьякон. Хроника Монтекассино. В 4 книгах / перевод с лат. и комм. И. В. Дьяконова; под ред. И. А. Настенко.* М.: «SPSL» «Русская панорама», 2015.
14. *Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в средние века.* СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003.
15. *Ливио Марио. Число Бога. Золотое сечение – формула мироздания.* М: АСТ, 2015.

16. *Макнамара Д.Р.* Как читать церкви: интенсивный курс по христианской архитектуре. М: РИПОЛ классик, 2011.
17. *Маль Э.* Религиозное искусство XIII века во Франции. М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2008.
18. *Махлина С.Т.* Лекции по семиотике культуры и лингвистике. СПб.: СПбКО, 2010.
19. *Родин А.В.* Математика Евклида в свете философии Платона и Аристотеля. М.: Наука, 2003.
20. *Роулинг М.* Европа в Средние века: быт, религия, культура. М: Центрполиграф, 2005.
21. *Сираждинов С.Х., Матвиевская Г.П.* Ал-Хорезми – выдающийся математик и астроном средневековья. М.: Просвещение, 1983.
22. *Солопчинский О., Тяжелов В.* Малая история искусств. Искусство средних веков. М.: Искусство, 1975.
23. *Столяров А.А.* Патрология и патристика. М.: Канон+, 2001.
24. *Холпер В.Ф.* Числовая символика Средневековья. Тайный смысл и форма выражения / Пер. с англ. С. Федорова. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2014.
25. *Цыкунов И.В.* Рождение стиля косматеско: Византия, Древняя Русь и Средневековая Италия // Язык и текст langpsy.ru. 2015. Том 2. № 4. doi: 10.17759/langt.2015020411.
26. *Шафф Ф.* История христианской церкви. Том II. Доникийское христианство. 100–325 гг. Р. Х. СПб: Христианское общество «Библия для всех», 2007.
27. *Шукуров Ш.М.* Образ храма. М.: Прогресс-Традиция, 2002.
28. *Щипина Р.И.* Григорий Нисский. Создание канона. СПб: Издательство СПбКО, 2013.
29. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб: Петрополис, 1998.
30. *Foster R.* Patterns of Thought: The Hidden Meaning of the Great Pavement of Westminster Abbey. London: Jonathan Cape, 1991.
31. *Friedman J.B.* The architect's compass in creation miniatures of the latter middle ages / Traditio. Studies in ancient and medieval history, thought and religion. Vol. XXX, 1974.
32. *Hutton E.* The Cosmati, the Roman Marble Workers of the XIIth and XIIIth Centuries. London: Routledge and Kegan Paul, 1950.
33. *Rabanus Maurus's* «De rerum naturis». URL: <http://www.mun.ca/rabanus/text.html> (дата обращения 04.02.2016).
34. *Severino M.* Pavimenti cosmateschi di Roma: storia, leggenda e verita. Vol. 1: Introduzione all'arte cosmatesca [Risorsa elettronica]. [Italia], 2012. URL: http://reader.ilmiolibro.kataweb.it/v/876579/pavimenti-cosmateschi-di-roma_876579 (data di accesso: 08.02.2016).

35. *Stemp R.* The Secret Language of Churches & Cathedrals. Decoding the Sacred Symbolism of Christianity's Holy Buildings. New York: Sterling Publishing Co., 2010.
36. *Stickler A.M., Boyle P. L. E., de Nicolo P.* Bibliotheca Apostolica Vaticana. Firenze, 1985.
37. *Taylor Richard.* How to Read a Church. A Guide to Images, Symbols and Meanings in Churches and Cathedrals, London: Rider, 2003.
38. *Orofino G.* Affreschi in Val Comino e nel Cassinate, 2000.
39. *Wheatley A.* The Idea of the Castle in Medieval England. York: York Medieval Press, 2004.
40. URL: <http://www.abbaziamontecassino.org/abbey/index.php/en/> (дата обращения: 05.02.2016).
41. URL: https://books.google.ru/books?id=03M_AAAAcAAJ&pg=PP5&hl=ru#v=onepage&q&f=false (дата обращения 02.02.2016).
42. URL: <http://www.westminster-abbey.org/conservation/history/inscription> (дата обращения 20.01.2016).

Cosmotesque code: to know of meanings

Tsykunov I.V.,

master student, Department of Linguodidactics and Intercultural Communication, Faculty of Foreign languages, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
artefakt@yandex.ru

The art of Italian craftsmen Cosmati, who created unique mosaic production at XII and XIII centuries in Rome and its environments, had delighted people over centuries. The filigree technique of the stonework, polychrome, and diversity of geometrical figures and difficulties of composition demonstrate their undoubted ecstatic value. From the beginning of the 19th century, however, the opinions, that craftsmen Cosmati used not only abstract formation but also enciphered language of symbols, were firstly express. Author of this work investigates style elements of Cosmatesque as sole system, trying to answer on the question about the possibility of existence of symbolic Cosmati language, representing important religious meanings, or this is just the part of art of the decoration of space. In addition, if it exist, is it any possibility to read it. By the starting point of work, there was the writing on the mosaic floors of Cosmatesque in Westminster Abbey, creating in 1272 year, which contains the exact date of the end of the world.

Key Words: intercultural communication, Cosmatesque, craftsmen Cosmati, mosaic, bricklayers, mosaicists, Middle Ages, Medieval Italy, architectural style, Rome, Montekassino, the history of art, terminology, the history of religion, early Christianity, Catholicism, symbolism, semantics of religious symbols, semiotics, semiology.

References

1. *Avgustin. A.* O porjadke. Ob istorii istinnoj religii. Teologicheskij traktat. [About the order. About the history of the true religion. Theological treatise]. Minsk: Harvest, 1999.
2. *Bruk K.* Vozrozhdenie XII veka [The Renaissance of the XII century]. Agnuz.Info. Katolicheskaja informacionnaja sluzhba. URL: <http://agnuz.info/app/webroot/library/167/93/> (data obrashhenija: 05.02.1016).
3. *Vanejan S.S.* Arhitektura i ikonografija. «Telo simvola» v zerkale klassicheskoj metodologii [Architecture and iconography. "The body of symbol" in the mirror of the classical methodology]. Moscow: Progress-Tradicija, 2010.
4. *Vodchits S.S.* Knizhnyj dizajn: teorija proporcij: ucheb. Posobie [Book design: the theory of proportions: proc. allowance]. Moscow: MGTU im N.Je. Baumana, 2011.
5. *Volkov A.V.* Kod Srednevekov'ja. Zagadki romanskih masterov [Code Of The Middle Ages]. Moscow: Veche, 2013.
6. *Gjuismans Z.K.* Sobor [The Cathedral]. Moscow: Jenigma, 2012.
7. *Demnok S.L.* Prosto simvol. Simvol kak veshh' i veshh' kak simvol [Just a symbol. The symbol as a thing and the thing as a symbol]. Sankt-Peterburg: Strata, 2015.

8. *Dmitriev I.S.* Religioznye iskanija Isaaka N'jutona. Voprosy filosofii [The Religious quest of Isaac Newton. Questions of philosophy]. 1991. № 6. pp. 58–67.
9. *Zedl'majr H.* Vozniknovenie sobora. Hram zemnoj i nebesnyj [Emergence of the Church. Temple of earth and heaven]. Moscow: Progress-Tradicija, 2009.
10. Iljustrirovannaja jenciklopedija. Istorija srednih vekov [The illustrated encyclopedia. The history of the Middle Ages. Moscow: OLMA-PRESS Obrazovanie, 2004.
11. *Kavtaradze S.* Anatomija arhitektury. Sem' knig o logike, forme i smysle [Anatomy of architecture. Seven books about logic, form and meaning]. Moscow: Dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2015.
12. *Kartashev A.V.* Vselsenskie sobory [Ecumenical councils]. Moscow: Respublika, 1994.
13. *Lev Marsikanskij, Petr D'jakon.* Hronika Montekassino. V 4 knigah [The Chronicle Of Montecassino. In 4 books]. Moscow: «SPSL» – «Russkaja panorama», 2015.
14. *Le Goff Z.* Intellektualy v srednie veka [Intellectuals in the Middle Ages]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2003.
15. *Livio Mario.* Chislo Boga. Zolotoe sechenie – formula mirozdanija [The Number Of God. The Golden ratio – the formula of the universe]. Moscow: AST, 2015.
16. *Maknamara D.R.* Kak chitat' cerkvi: intensivnyj kurs po hristianskoj arhitekture [How to read churches: a crash course on Christian architecture]. Moscow: RIPOL klassik, 2011.
17. *Mal' Je.* Religioznoe iskusstvo XIII veka vo Francii [Religious art in France of the XIII century]. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2008.
18. *Mahlina S.T.* Lekcii po semiotike kul'tury i lingvistike [Lectures on semiotics of culture and linguistics]. Sankt-Peterburg: SPbKO, 2010.
19. *Rodin A.V.* Matematika Evklida v svete filosofii Platona i Aristotelja [Mathematician Euclid in the light of the philosophy of Plato and Aristotle]. Moscow: Nauka, 2003.
20. *Rouling M.* Evropa v Srednie veka: byt, religija, kul'tura [Europe in the Middle Ages: everyday life, religion, culture]. Moscow: Centrpoligraf, 2005.
21. *Cirazhdinov S.H.* Matvievskaia G. P. Al-Horezmi – vydajushhijja matematik i astronom srednevekov'ja [Al-Khwarizmi was an outstanding mathematician and astronomer of the middle ages]. Moscow: Prosveshhenie, 1983.
22. *Sopocinskij O., Tjazhelov V.* Malaja istorija iskusstv. Iskusstvo srednih vekov [little history of art. The art of the middle ages]. Moscow: Iskusstvo, 1975.
23. *Stoljarov A.A.* Patrologija i patristika [Patrology and Patristics]. Moscow: Kanon+, 2001.
24. *Hopper V.F.* Chislovaja simbolika Srednevekov'ja. Tajnyj smysl i forma vyrazhenija [Numerical symbolism of the middle Ages. Secret meaning and form of expression]. Moscow: ZAO «Centrpoligraf», 2014.
25. *Tsykunov I.V.* Rozhdenie stilja kosmatesko: Vizantija, Drevnjaja Rus' i Srednevekovaja Italija [the Birth of the style cosmotesque: Byzantium, Ancient Rus

- and Medieval Italy]. Jazyk i tekst langpsy.ru. 2015. Tom 2. № 4. doi: 10.17759/langt.2015020411.
26. *Shaff F.* Istorija hristianskoj cerkvi [history of the Christian Church]. Tom II. Donikejskoe hristianstvo. 100–325 gg. R. H. SPb: Hristianskoe obshhestvo «Biblija dlja vseh», 2007.
 27. *Shukurov S.M.* Obraz hrama [the Image of the temple]. Moscow: Progress-Tradicija, 2002.
 28. *Shhipina R.I.* Grigorij Nisskij. Sozdanie kanona [Gregory Of Nyssa. The creation of the Canon]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo SPBKO, 2013.
 29. *Eko U.* Otsutstvujushhaja struktura. Vvedenie v semiologiju [Absent structure. Introduction to semiology]. Sankt-Peterburg: Petropolis, 1998.
 30. *Foster R.* Patterns of Thought: The Hidden Meaning of the Great Pavement of Westminster Abbey. London: Jonathan Cape, 1991.
 31. *Friedman J.B.* The architect's compass in creation miniatures of the latter middle ages / Traditio. Studies in ancient and medieval history, thought and religion. Vol. XXX, 1974.
 32. *Hutton E.* The Cosmati, the Roman Marble Workers of the XIIth and XIIIth Centuries. London: Routledge and Kegan Paul, 1950.
 33. *Rabanus Maurus's* «De rerum naturis». URL: <http://www.mun.ca/rabanus/text.html> (дата обращения 04.02.2016).
 34. *Severino N.* Pavimenti cosmateschi di Roma: storia, leggenda e verita. Vol. 1: Introduzione all'arte cosmatesca [Risorsa elettronica]. [Italia], 2012. URL: http://reader.ilmiolibro.kataweb.it/v/876579/pavimenti-cosmateschi-di-roma_876579 (data di accesso: 08.02.2016).
 35. *Stemp R.* The Secret Language of Churches & Cathedrals. Decoding the Sacred Symbolism of Christianity's Holy Buildings. New York: Sterling Publishing Co., 2010.
 36. *Stickler A.M., Boyle P. L. E., de Nicolo P.* Bibliotheca Apostolica Vaticana. Firenze, 1985.
 37. *Taylor R.* How to Read a Church. A Guide to Images, Symbols and Meanings in Churches and Cathedrals, London: Rider, 2003.
 38. *Orofino G.* Affreschi in Val Comino e nel Cassinate, 2000.
 39. *Wheatley A.* The Idea of the Castle in Medieval England. York: York Medieval Press, 2004.
 40. URL: <http://www.abbaziamontecassino.org/abbey/index.php/en/> (дата обращения: 05.02.1016).
 41. URL: https://books.google.ru/books?id=03M_AAAAcAAJ&pg=PP5&hl=ru#v=onepage&q&f=false (дата обращения 02.02.2016).
 42. URL: <http://www.westminster-abbey.org/conservation/history/inscription> (дата обращения 20.01.2016).